

Ольга Яблочкина

Я хочу вернуться туда...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23328336

Аннотация

Начало совместного бизнеса, как и начало взрослой жизни, всегда сложно, а если уж и в другой стране, то сложно втройне. Сможет ли бизнес и утонченная красавица разрушить эту дружбу? Это продолжение рассказа о приключениях двух друзей ("В другой стране").

– И это, по-твоему, красный?

Громогласно произнесенные слова заполнили если не все, то две трети помещения уж точно, после чего были десятикратно увеличены по громкости и по времени эхом, создаваемым пустыми стенами. Красноватый свет заходящего солнца, которого, впрочем, уже нельзя было увидеть из-за многочисленных высотных зданий, подпирающих само небо, заполнял наполовину серое, наполовину свежевыкрашенное помещение. Лето было в самом разгаре, и день, независимо от желаний трудяг и лентяев, был долог, а солнце вот уже вторую неделю старалось растопить не только Нью-Йорк, но и все близлежащие города.

– Я тут целый день наслаждаюсь запахом дешевой краски, и ты приносишь мне еще одну банку зеленой краски, которой у нас и так хоть на продажу выставляй, сам при этом утверждая, что это красный цвет? Или твои знания языка не позволяют отличать цвета? Ким Чонсу, ты меня слышишь?

Объект громкого возмущения стоял посреди помещения, обреченно опустив руки вдоль тела и еле удерживаясь от того, чтобы зажмурить глаза. В данный момент это пригодились бы, чтобы не видеть рассерженного вконец и перепачканного краской друга. Если он, конечно, еще считал себя его другом.

– Слышу, – тихо ответил Чонсу.

– Так почему ты...

Он вдруг закашлялся, судорожно глотая воздух. Глаза ста-

ли бессмысленными, рука так и прижималась к груди. Чонсу подбежал к другу, вовсе не представляя, что нужно сделать, чтобы помочь. Только если по спине похлопать... Еще через несколько секунд приступ кашля кончился.

– Минкё, ты в порядке? – на всякий случай спросил Чонсу.

– Да, в полнейшем. По мне ведь это прекрасно видно.

– Иронизируешь?

– В точку. Ладно, на сегодня рабочий день окончен. Пойдем перекусим, что ли...

После дополнительных нескольких пререканий друзья все-таки отправились в привычное место, вроде как недорогое и в то же время достаточно качественное, насколько это было возможно за такую малую цену. Такие потасовки обычно и заканчивались этим привычным местом, с заветной кухни которого доносились вкусные запахи. «Прям как молодожены», – как-то раз выразился о таких стычках Минкё. Потасовки эти были далеко не в новинку, продолжаясь уже около месяца, с тех пор, как помещение на 8 Авеню, 22, что на Манхэттене, после долгих и тяжелых трудов все-таки было выкуплено.

Было выкуплено... Немало трудностей пришлось преодолеть друзьям ради этого, стоит заметить. Собрав все имеющиеся и не совсем имеющиеся деньги, они пришли к неутешительному выводу, что этого совсем недостаточно. Тогда они доживали свою прежнюю жизнь и уже успели прийти

к нерадостному выводу о том, что это и впрямь все давние детские мечты, которым не в силах помочь даже благодатные земли Нью-Йорка. Для осуществления своих планов кроме желания нужны деньги, как известно. Но в один прекрасный день на исходе весны, когда по телевидению передавали прогноз погоды о безоблачном небе до конца дня, а через пять минут на берег Манхеттена упали первые капли дождя, и воздух стал настолько холоден, что можно было бы подумать, что уже настала ранняя осень, а лето незаметно для глаз проскочило и исчезло где-то там, где исчезают все остальные времена года, Минкё, пропав на полдня для всего окружающего мира за исключением некоторых субъектов, появился на пороге кафе «Черный кофе и белый шоколад». Он изо всех сил старался сохранить невозмутимое и спокойное выражения лица, что удавалось ему с большим трудом, и, нет-нет, да и промелькнет самодовольная улыбка. «Я все уладил», – сказал он тогда Чонсу, как только тот освободился от трудовых официантских часов и подсел к нему за столик, наспех перекусывая. «Что именно?» – спросил Чонсу с набитым ртом, да так, что получилось едва похоже на нормальные слова. «С завтрашнего дня это здание на 8 Авеню будет нашим». От таких новостей Чонсу даже забыл, что нужно дожевывать гамбургер, поэтому в тот момент напоминал хомячка с девяноста девятью процентной точностью – так уж были надуты щеки. «Откуда ты достал деньги?» – задал он тогда вполне мотивированный вопрос, когда щеки, нако-

нец, пришли в нормальное состояние. «В волшебном китайском краю», – полушепотом ответил Минкё. «Опять твои сказки...» – разочарованно отмахнулся Чонсу. «Нет, край этот реальный. И деньги тоже реальные. И товарищ Лу реальный». «Какой товарищ?». «Лу Чаошэн. В Чайнатауне известная личность. Он стал нашим... как бы это», – Минкё побарабанил пальцами по столу в поиске экономического термина. «Инвестором?» – подсказал Чонсу. «Именно. Инвестором». За этим последовала только сухая фраза Чонсу «Во что ты ввязался?..» и две противоречивых эмоции: радость от того, что наконец-то нашлись недостающие деньги, и недоумение и опасение от того, откуда эти деньги взялись. Интуиция неудавшегося юриста подсказывала что-то... это было еще не определить, но на то она и интуиция, чтобы было только безотчетное чувство чего-то неопределенного. Дождь все лил, будто все водные боги, американские ли, китайские ли решили одарить влагой именно этот город.

На следующий день требуемая сумма, состоящая и из накоплений Чонсу, и из доли Минкё, и из вклада некоего господина Лу Чаошэна, была внесена. Дело оставалось только за необходимыми бумагами и документами, которые Минкё успешно сгрузил на своего друга, и уже хотел исчезнуть куда-то по своим крайне важным делам, но... Было важно внимательно прочитать каждое слово, а знания английского у Чонсу улучшались с крайне медленной скоростью, поэтому Минкё пришлось переводить, с добавлениями ворча-

ний в адрес своего друга раз в пять минут. «Почему бы тебе на курсы языка не сходить?» – под конец недовольно сказал он. «Вчера ходил на первое занятие», – сказал тогда Чонсу. «Так, значит, у тебя еще деньги остались?» – тут же последовал вопрос. «Занятия не бесплатные...». Юристу, принесшему бумаги, необходимые для подписи, пришлось наблюдать интересную и долгую картину двух спорящих не на жизнь, а на последний гамбургер иностранцев. К концу этого спора ему уже стало казаться, что он понимает отдельные слова, и если бы спор этот продолжился еще с несколько часов, то, наверное, он выучил бы и язык.

Это можно было бы расценивать как первые разногласия на почве совместного предприятия, впоследствии повторявшиеся неоднократно и возникающие по большей части по поводу денег. Да, в средствах они действительно были ограничены, и сказать, что некий Лу Чаошэн раздаривал все необходимое нуждающимся, как волшебник из страны Оз, было бы только новой сказкой. Поэтому большую часть работ от выноса старых вещей, которые уже никак не могли бы пригодиться, до покраски стен приходилось выполнять самим, как бы ни не хотелось этого делать и как бы не болели мышцы на следующий день после перетаскивания из грузовика дешевых столиков, потому что на помощь грузчиков тоже нужны были деньги.

Многое пришлось пережить и перекрасить за это время, длившееся не так долго, но казавшееся двум друзьям целым

веком. И если бы они не поддерживали друг друга, на время забыв о своих каждодневных спорах и пререканиях, то мало кто знает куда и на сколько бы это их завело. И вот оставалось так немного, всего лишь закончить выкрасить стену, для чего как раз и нужна была красная краска, послужившая поводом для последнего разногласия.

– Вообще, на самом деле, я просто банки перепутал, – прерывая продолжительное молчание, невнятно сказал Чонсу, дожевывая остатки сэндвича. В последнее время эта привычка начала портить ясность его речи. – Я так и сказал: красный, а он поставил передо мной несколько банок, вот я и перепутал.

– Да-да, я и не сомневался... – устало откликнулся Минкё, в который раз переставив солонку с места на место.

– Случайно, получилось совершенно случайно, – не успокаивался Чонсу, уже намереваясь съесть третий сэндвич.

– Да-да, – снова повторил Минкё. – Ты бы лучше завязывал с американским фастфудом. А то наберешь с десятков лишних килограммов ненароком. Как тебя прокормить-то можно будет?

– М?

– Еще и корейский забыл? Оставь свой сэндвич, говорю.

– До сих пор злишься? – резко сменил тему Чонсу, но сэндвич все же отложил.

– Как бы тебе мягко сказать... Да, мое бешенство перешло в раздражение, которое еще не успело превратиться в более

менее сносное дружелюбие. Пойдет?

– Пойдет... – Чонсу многозначительно опустил голову, но вскоре остаточное чувство самоуважения заставило поднять ее вновь. – Хотя ты тоже хорош. Для чего эта красная краска была нужна? Чтобы твои ошибки размером с полтора пьенга* закрасить.

– А ты много обошел, наверное, да? Устал? – неожиданно сменил тему разговора и тон своей речи Минкё, чтобы, как и свой ляп на стене, закрасить упоминания о нем.

– Издеваешься? Или иронизируешь?

– Просто забочусь о своем тонсэне**.

– Заботишься, говоришь... – Чонсу усмехнулся. – Ладно, пойдем... хён***, – при этом слове он снова не сумел сдержать смешок, так как употреблял его всего крайне редко по отношению к другу. – Может, еще не все магазины закрылись.

Друзья вышли из-за столика, за которым им счастливилось заедать свои споры чаще всего, тот, около самого окна, через которое можно было увидеть вечно загруженную дорогу. Счет, как всегда честно разделенный пополам, был ни больше и ни меньше требуемого, подсчитан ровно до цента, и на чаевые никак не расположен.

Солнце уже село, давая городским огням полную свободу освещения. Слева, справа... отовсюду можно было услышать отголоски музыки, телевизионных передач и просто телефонных разговоров. Этот город никогда не спит, и порой

нет-нет, да и вспомнишь те тихие, аккуратные, уютные улочки родного городка, тот бар, где они проводили так много времени, того Окхи, бармена, говорившего много и не всегда по делу. Иногда хотелось вернуться в Кванчжу хотя бы на денек. Хотя неуловимые секунды сливались в протекающие часы, соединяющиеся в дни, и такое желание возникало все реже, реже... Теперь у них было помещение, которое нужно было докрасить и доделать, которому нужно было дать достойное заманчивое имя и, конечно же, в срок, иначе договор с Лу Чаошэнем не будет выполнен, а что кроется за этим формальным выражением, Минкё загадочно умалчивал, а Чонсу не хотел спрашивать – лучше спать спокойно. Если будет несколько свободных часов, конечно.

На сей раз краска была куплена та, что и была нужна, а в придачу еще несколько нужных и не совсем вещей. Отделка заняла много времени и отняла так же много сил. Оставалась только докупить нужную мебель, а за этим дело не застоит.

– Сегодня пойдешь работать? – спросил Минкё, когда они уже подходили обратно к своему и только своему помещению, небольшому двухэтажному, общей площадью в сто одиннадцать пьенг. Покупки, уложенные в пакеты и коробки, оттягивали руки, так что еще немного и можно было достать ими до луны, в этот вечер похожей на бледную усталую девушку.

– Придется. Должен ведь кто-то оплачивать все вот это. – Чонсу немного поднял коробку в качестве демонстрации

своих невеселых слов.

– Можно подумать, ты один деньги приносишь, – прошипел Минкё.

– Ладно-ладно, забудь.

– Как уж тут забыть...

Так подошел к концу еще один день, такой же, как и десяток предыдущих, с бесконечными спорами и непременно следующими за ними примирениями, со всем тем, с чем и привыкли жить друзья эти несколько недель. За это время Минкё привык оставаться в этом здании на ночь и чаще всего один – его друг почти всегда продолжал работать в том кафе. Сам Минкё тоже продолжал редактирование статей для «Фриланс Репортер», но работа эта, как и сам заработок соответственно, была сокращена руководством до минимума. Тем лучше для него, пожав плечами, решил Минкё. Останется больше свободного времени для оформления помещения. Благо, когда-то в детстве он ходил в школьный клуб манхвы****. Правда, его выгнали оттуда за некоторые... своеволия в рисунках, если можно так выразиться. Но это было уже давно забытым делом, теперь не имеющим никакого значения кроме того только, что теперь стены помещения и стекла окон кое-где были украшены рисунками, которые можно было бы воспринять как отдельные кадры манхвы. Если задействовать воображение, конечно. И вот теперь, в этот прохладный в некоторых отношениях вечер, в который можно было бы заняться тысячей и одним делом, от зарабатывания

центов в центральном парке с помощью гитары до бесконечных танцев в клубах, Минкё принялся закрашивать свой испорченный рисунок или «творческую неудачу», как он сам сказал.

Одинокая луна на пустом небе смотрела в пустое помещение на такого же одинокого Минкё, водившего кистью по стене.

*пъенг – мера площади, 3,306 кв. м.

**тонсэн – младший брат

***хён – старший брат, а также более старший юноша или мужчина для парня

****манхва – корейский комикс

Бледная луна освещала дорогу к кафе своим холодным светом, освещала не хуже, чем фонари, стоящие вдоль дороги, и все предметы, здания, деревья, люди начинали казаться призрачными вслед за ней.

Каждый вечер Чонсу шел по этой дороге среди пестрой толпы прохожих, вдоль стройных рядов деревьев, подсвечиваемых фонарями, мимо ярко освещенных витрин магазинов одежды и техники. Каждый вечер дорогу освещала эта одинокая бледная красавица, будь она только нарождающейся или уже убывающей. Каждый вечер со дня их приобретения помещения на 8 Авеню. Распорядок этот нарушался крайне редко, и чаще всего Чонсу оставлял своего друга одного на всю ночь в этом самом помещении. Одного, если

верить его заверениям и причитаниям, конечно. Он мог бы поклясться, что как-то раз, возвращаясь под утро со своей работы, не отличающейся заработком и разнообразием, видел быстро удаляющийся силуэт, вышедший из дверей. Эти двери они покрасили только-только, совсем недавно и относились к ним весьма щепетильно. В тот раз же они захлопнулись непомерно громко. А может, это все просто показалось, а Чонсу всего лишь заснул на ходу, путая реальность и явь? Пару раз такое случалось, поэтому порой он не мог поручиться за правдивость всего того, что он видит ранними утрами, подходя к помещению на 8 Авеню.

Но как бы то ни было, сейчас ему предстояла еще одна скучная будняя ночь. Он все подумывал уйти оттуда, но гениальные мысли не всегда имеют свойство воплощаться в реальность, и эту мысль ждала такая же невеселая участь. Пока не доделают помещение, обозначил сам себе срок Чонсу. Поэтому так и продолжал разрываться между добровольными ремонтными работами днем и верным служением редким ночным посетителям ночью.

Хотел ли вернуться? Надеялся ли? После каждого электронного письма домой, отправленного из интернет-кафе на другой стороне улицы, желание уехать обратно вспыхивало с новой силой, тут же заглушаясь заботами о том, что надо купить по дороге штукатурку или дверную ручку вместо той, поцарапанной.

– Чашку кофе, – заказал клиент, один из немногих, точнее

– из четырех на весь зал.

Только придя в кафе, Чонсу как всегда поспешил натянуть на себя темно-синий фартук, непрременный атрибут работников «Черного кофе и белого шоколада». И вот уже первый заказ, который он мог бы угадать даже без озвучивания. Вот уже четвертый, а может, даже пятый день этот уважаемый господин в элегантном пиджаке и потертых джинсах с черными солнцезащитными очками в руке приходил в это самое недостойное его элегантности кафе, будто специально время подгадывая, чтобы попасть именно в его смену. И вот уже который день заказывал только одну чашку кофе, распитие которой могло продлиться час, а то и все два. Наученный горьким опытом, Чонсу сначала внимательно присматривался к этому господину, но, не заметив более ничего подозрительного, тут же забыл о нем. Притом сегодня было на удивление многолюдно – к немногочисленным посетителям, одиноко сидящему парню в кепке, и заблудшейся парочке, присоединился еще один, мужчина средних лет и весьма среднего достатка, о чем свидетельствовали пара неудачно застиранных пятен на рубашке и портфель далеко не первой свежести.

– Давно здесь живете? – спросил этот самый господин, когда Чонсу принес ему приготовленный кофе и когда уже успел порядком забыть о нем.

– Полгода, – ответил Чонсу, немало удивившись, что с ним пожелали заговорить.

– Откуда приехали?

– Не понимаю вас... – Он на всякий случай решил прикинуться непонимающим, что, в принципе, и не было особенной ложью.

– Откуда вы приехали? Из какой страны?

Еще несколько секунд Чонсу открыто смотрел на господина, изучая и прикидывая: нужен ли ему просто ночной собеседник или он собирался выспрашивать конкретную информацию, что навевало не только плохие воспоминания, но и мрачные предчувствия. В этой стороне, у столика, который выбрал этот господин, было плохо освещено. Сгоревшую два дня назад лампочку до сих пор не могли заменить, и это только добавляло душной колючей атмосферы.

– Из Кореи, – все-таки решил ответить Чонсу без излишнего лукавства.

Краска с его волос уже давно окончательно исчезла, и придумывать что-то насчет гонконгского дедушки и французской прабабушки не имело смысла. Впрочем, как и причины. Наверное, о нем там уже дано забыли.

Господин громко щелкнул пальцами, будто его давнее и сложное умозаключение только что подтвердилось, чему он был только рад.

Не дождавшись более никакого проявления интереса к своей персоне, Чонсу, коротко извинившись, но удержавшись от того, чтобы поклониться, привычку чего так долго и упорно выбивал из него Минкё, ушел подальше, к только

что зашедшему клиенту. Кто их знает, этих американцев.

Летние ночи коротки, но эта показалась одной из самых длинных. Долгая и скучная ночь выматывала. Только бледная луна, заинтересованно заглядывавшая в окна, которые Чонсу решил протереть, потому что этим уже давно никто не занимался, и на них можно было спокойно вывести пальцем целую картину, только она составляла компанию.

С нетерпением дождавшись конца смены и начало нового дня, Чонсу наконец-то вышел вдохнуть свежего воздуха, пропитанного запахом бензина из выхлопных труб вездесущих такси. Теперь можно было спокойно пройтись, надышавшись этого бензинового воздуха, чуть не споткнувшись раз-другой о мусор, вещавший о весело проведенной кем-то ночи. Солнце начало робко выглядывать из-за высоких и не очень городских зданий, обещая превосходный день, и Чонсу уже забыл о тяжело проведенной ночи и даже о том господине с его странными вопросами, но...

Но на глаза как раз попало это самое интернет-кафе, куда он привык заходить. Заходил туда действительно часто и даже сдружился с одним работником оттуда. Товарищ по несчастью ночных смен и восточному происхождению (как оказалось, он приехал из маленького тайванского городка Суао), он был смешной и недостаточно высокий. Еще пару сантиметров, и можно было бы сказать – низенький. Но, в силу всех этих обстоятельств, им было просто общаться на ломаном английском, что весьма способствовало тому, что-

бы у Чонсу появилась неслыханная скидка за пользование услугами интернет-кафе, а если повезет – и вовсе отсутствие платы.

Решив, что давно не отправлял домой не только письма, но и маленькую весточку, Чонсу прошел перекресток, который по утрам отличался крайней оживленностью. Несмотря на благие намерения и большой писательский порыв, письмо вышло коротким – рассказывать особо не о чем. Уже собираясь оставить компьютер в покое, Чонсу вдруг наткнулся на интересную строчку на новостном сайте, написанном корейским хангылем*. Порой хотелось просмотреть новости из родной страны, поэтому заходил он туда часто. «Долгий судебный процесс, наконец, завершился. Господин Канг Кён-мо приговорен к десяти годам лишения свободы».

Сначала Чонсу не обратил никакого внимания на эту сухую строчку, написанную канцелярским языком. Спустя пять секунд понял, речь идет именно о том самом господине Канге. Спустя еще десять – что его бесчестная деятельность прекращена, по крайней мере, на десять лет. Уже жадно впиваясь в каждое слово, он начал читать подробности.

Кто бы мог подумать, что оставленная на стуле в зале ожидания аэропорта папка с бумагами сыграет такую роль! Получив ее, полиция провела расследование и... дальше все произошло по общеизвестному сценарию. Тогда кто же этот господин?.. Чонсу задумался, да так бы и сидел еще с полчаса, но в этот момент его оплаченное время закончилось,

и компьютер оказался заблокирован. Хочешь – не хочешь, нужно было отправляться в место, которое он уже начинал привыкать называть своим домом.

Прочти он это три месяца назад, то рванулся бы обратно первым же рейсом, а теперь...

*хангыль – корейский алфавит.

– Доброго утречка! – весело поприветствовал Чонсу друг, как только тот громко, громче, чем он сам рассчитывал, захлопнул дверь.

Минкё с кисточкой в руке стоял около места своей недавней творческой неудачи, которая теперь была идеально закрашенная и гладкая, нарушаемая только в самом углу самовольным рисунком одной кисэн*, одетой в яркий зеленый ханбок**.

– Доброго... – ответил Чонсу тоном, совсем не сочетающимся с определением этого утра. – Ты что, всю ночь здесь вырисовывал?

Говоря это, он присел на первый стул и подпер голову руками.

– Нет, поспал часа четыре, – весело ответил Минкё. – Зато почти все закончил, даже нарисовал кое-что.

– Кисэн нарисовал? Умно...

– Не просто кисэн, – немного обиженно возразил друг, повернувшись к Чонсу. – Это Чхун Хян***, самая знаменитая, самая умная и красивая, самая... Эй, ты меня не слушаешь?

Ответом послужило только тихое сонное посапывание. Стоит Чонсу закрыть глаза и реальность для него уже переставала существовать, сменившись на дивный мир грез. Так было и в этот раз. Взгляд Минкё, остававшийся недовольным еще с несколько секунд, вдруг смягчился. «Опять спишь где попало», – тихо пробормотал он, вернувшись к нанесению последних штрихов на стену. На секунду у него даже появился благородный порыв перенести друга наверх, уложить почеловечески, но порыв этот продолжался всего лишь секунду. «Не в романтической дораме живем», – отмахнулся он от высокой идеи, вернувшись к низким обязанностям строителя-дизайнера-планировщика и... еще много кого.

Солнце поднималось все выше, проникая через чистые и не очень окна в комнаты, коридоры, залы, гаражи... куда угодно, оставляя на стенах одинаково светлые пятна своих лучей и разбавляя каплей золотистого света утреннее настроение, будь оно отличным или же пресквернейшим. Настроение Минкё не относилось ни к первой группе, у представителей которой вышел на редкость замечательный день вчера, ни ко второй, обладателей чего в прошлый день начисто обобрали уличные торговцы или их понизили в должности. С одной стороны настроение было отличное, разве может его что-то испортить? Но только с одной стороны. С другой – получалось так, что на душе было беспокойно и даже некоторым образом тревожно. И все дело заключалось лишь в одном человеке, который пришел ни свет ни заря,

пришел без стука и какого-либо обозначения своего присутствия, что подобало бы для приличия. Поэтому вполне объяснимо, что Минкё, проснувшись от звука шагов кого-то постороннего и неожиданного, испытал некоторый испуг, который он с достоинством скрыл и более не показывал.

Человек этот, обладатель весьма экстравагантной стрижки, на которой вырисовывались ломаные линии, и дорогого пиджака, рукава которого он нещадно подвернул, представился помощником господина Лу. Поручение его, которое он выполнил безукоризненно, состояло всего лишь в том, чтобы напомнить, что согласно договору заведение должно открыться никак не иначе, как через четыре дня. Сказав это, ушел без лишних слов, к числу которых, наверное, он прибавлял и слова прощания.

Заря тогда только занималась, и еще часок-другой можно было бы потратить на более полезные дела, то есть досмотреть интересный сон, который был так бесчестно прерван, но после таких посещений это оказалось крайне тяжело. Поэтому докраска стены закончилась раньше, чем предполагалось, что, впрочем, было весьма кстати – четыре дня не шутка! Они ведь не договаривались на такой короткий срок... Хватало и того, что они должны были обеспечить себе выручку в тридцать тысяч долларов, чтобы одну треть отдавать своему инвестору. Таково было еще одно условие договора, которое при невыполнении повлечет за собой... Стоявший тогда позади господина Лу его личный помощник внуши-

тельных размеров и еще более внушительных мускулов сделал красноречивый жест, проведя большим пальцем поперек горла. Конечно, потом это все превратилось в шутку, и Минкё сдержанно посмеялся вместе со всеми, но бешеный стук сердца утих только к обеду. Да, ни скорости, ни рук не хватало, но где-то говорили, что не боги горшки обжигают. И переоборудывают помещение, наверное, тоже не они. Да и оставалось всего самую малость: всего-то до конца расставить мебель, оформить кухню, да все это подключить.

Малость... О сне на эти четыре дня, а потом и еще на двадцать четыре придется забыть. Нужно было приступить сейчас не медля, и лучше не одному, ведь тяжелую вещь легче поднять вместе, помнил еще со школы пословицу Минкё, но... Обернувшись, он бросил взгляд на Чонсу, теперь полностью положившего голову на столик. Веки подрагивают, как всегда, дыхание тихое, еле слышное. Ладно, пару часов форы он другу даст.

Прикинув, что здесь пока больше делать нечего, Минкё пошел приводить в порядок маленькую кухню. По крайней мере, эта комнатка больше всего подходила под это высокое звание. Но сначала один звонок.

*кисэн – женщины-аристократки, которые развлекали янбан (дворян) и королей

**ханбок – национальная одежда

*** Чхун Хян – героиня легенды «Сказание о Чхун Хян»

– Невыгодное место, сплошная антисанитария и разваливающееся здание... Да вы экстремалы!

Пробуждение было резким от внезапного возгласа, смешавшего в себе странную смесь удивления и недовольства, неудобным от того, что на твердом столе подушка была бы не к месту, и горьким, потому что был упущен такой приятный и красивый сон. Чонсу в секунду принял нормальное сидячее положение, еще секунд пять соображая, где он вообще находится. Вроде бы место привычное, и даже музыка, проигрываемая недорогим магнитофоном в соседней комнате, была обычной. Да-да, восьмое авеню двадцать два. Но откуда здесь этот широкий во всех отношениях светловолосый человек, вольготно вставший прямо в центре зала и внимательно рассматривавший все вокруг. Если Чонсу встанет с ним рядом, то вряд ли и до уровня уха дотянет, поэтому он пожелал оставаться на безопасном расстоянии, сидя на стуле.

– Не убрано, грязи по колено, – продолжал он. – Это тут ты мне предлагал работать, Мэтт?

– Да, именно тут.

В узком дверном проеме, наконец, показался Минкё, скрестивший руки, на которых кое-где была видна засохшая краска.

– Готов поспорить на все, что угодно, что у вас это дело не выгорит. Вы хоть представляете, что у вас только один шанс из ста на успех?

– А разве не ты когда-то любил рисковать?

– Это другое, совсем не то, – случайный гость провел ладонью по шее.

– Майкл, ты только подумай: полная свобода действий, будешь работать под своим началом и никто тебе не указ. Ну... в разумных пределах.

Чонсу чувствовал себя незаконным слушателем этого диалога. Полностью не представляя, кем может быть этот человек, и о чем его друг с ним вообще говорит, он успевал лишь переводить взгляд то в одну, то в другую сторону. Майкл, по крайней мере так назвал его Минкё, почесал в затылке, явно о чем-то глубоко задумавшись. Обернулся пару раз, снова окидывая все оценивающим взглядом, с завидной регулярностью хмурил брови.

– Хм... Может, тогда покажешь мне мое предполагаемое поприще? – наконец прервал он свое молчание, посмотрев на Минкё.

– Это сюда, – воодушевленно ответил тот, указав на направление за своей спиной.

Майкл недоверчиво последовал за ним, все еще оглядываясь по сторонам. Но его путешествие не оказалось долгим – не прошло и минуты, как с громким смехом он вышел обратно в зал.

– Нет, вы, ребята, и впрямь смешные, – продолжая посмеиваться, говорил он. – Я, конечно, чем смогу помогу, но работать здесь – уж извиняйте.

– Хорошо подумал? – не отставал Минкё.

– Может, вы и половину минусов не видите здесь, но я их все вижу прекрасно. Раскройте глаза пошире... ну, в крайнем случае, попытайтесь. – Майкл уже подошел к входной двери, по желанию обоих владельцев, полностью прозрачной. – Звони, если что.

Все еще смеясь, странный посетитель вышел на улицу, будто его и не было, а он оказался всего лишь сном. Солнце светило нещадно, а ему и в джинсовой куртке, теплой на вид, жара была нипочем. Еще пару мгновений, и он уже полностью смешался с толпой, так яростно спешащей на работу.

– Еще придет, – уверенно сказал Минкё, смотря странно-му человеку вслед.

– А кто он вообще такой? – наконец обрел дар речи Чонсу.

– Надеюсь, тот, кто будет заведовать нашей кухней.

– То есть?..

– Я о нем говорил. Готовит он отменно. – Минкё уселся на стул около того же столика, где был и Чонсу. – Только если в хорошем настроении, – добавил он.

– И откуда ты его знаешь?

– Познакомились случайно. Одно время он работал помощником повара в кафе совсем близко к университету. Я туда часто заходил. Ну, а когда перебарщивал с заказом, и денег с собой столько не оказывалось, помогал ему после закрытия на кухне прибираться. Так и познакомились. Он бы уже давно шеф-поваром какого-нибудь дорогущего рестора-

на стал, если бы не начинал с самого начала так гнуть свое. А так он раз за разом наступает тигру на хвост. Начальники, они такие... сам знаешь. Вот он нигде долго и не задерживается.

– И ты хотел, чтобы он был у нас поваром?

– Точно. Твоя догадливость сегодня зашкаливает. А вообще, неплохой вариант, вполне... Так, что-то мы засиделись, – прервал Минкё сам себя. – Работать, работать...

День прошел как нельзя лучше, солнце светило, не скрываясь за пушистыми облаками ни на минуту, а воды Атлантического океана были спокойными до невозможности. День без излишних чрезвычайных ситуаций и с минимумом споров и пререканий, впервые, наверное, за все время проживания здесь. Может, потому, что свыклись или старательно это показывали, а может, потому, что перетаскивания столов и переподключения не таких уж многочисленных, как хотелось бы, электроприборов занимали все время и силы так, что на споры уже не оставалось ни того, ни другого.

Да, работы действительно было много. Минкё так и не объяснил причину такой безумной спешки своему другу. Впрочем, Чонсу и не спрашивал, продлевая себе более менее сносный уровень спокойствия еще на день. Да и думать насчет этого порой не хватало времени, только и размышляй про себя – на каком уровне лучше повесить занавески. Полы были натерты до кристальной чистоты, да такой, что еще немного – и можно было бы кататься, как на коньках.

Столы и стулья приняли свою окончательную позицию. Целлофан, обмотанный вокруг некоторой мебели, словно блестящая прозрачная паутина, был снят и положен около черного хода, ведущего из кухни во внутренний двор. Еще бы развесить дешевые светильники, которые они купили в хозяйственном магазине, не отличающемся высокими ценами, там, через несколько кварталов, но усталость навалилась как первый снег, неожиданно и блокирующая всякое движение.

Плюхнувшись на стулья, друзья сидели неподвижно еще двадцать минут, оглядывая деяния рук своих. На первый взгляд можно было бы сказать, что и не было сделано ничего, ведь вроде ничего не изменилось, но... Все же теперь помещение было близко к тому, чтобы назвать его кафешкой низкого достатка. Солнце, все это время еще довольно ярко освещавшее фронт работ, уставшее, так же уставшее, как и они, готовилось закатиться за горизонт. По обоюдному решению, работы были приостановлены на ночное время, тем более миссис Байерс, относительно милая, когда ей никто не мешает, старушка, жившая в квартире в соседнем доме, несколько раз настоятельно просила их прекращать гудеть да стучать после заката солнца. Продолжая относиться к ним более чем подозрительно, она даже отслеживала из окна, какие именно машины к ним приезжают или какие люди заходят.

Уже загорались первые звезды, когда силы, нужные для того, чтобы вернуться к нормальной жизни двадцатиодно-

летних молодых людей, а не продолжать пребывать в состоянии улитки, начали возрождаться. Неплохо было бы и разбавить трудовые часы чем-нибудь другим, повеселее. Что Минкё и решил незамедлительно сделать. Еще непомерно долго, по его мнению, старясь уговорить Чонсу отправиться с ним и плюнуть на эту бесполезную работу в будущей конкурирующей фирме и потерпев полное поражение, он поехал в «Free relax».

Это был клуб, куда он в былые дни, когда не нужно было думать, где купить лампочки подешевле, заживал чаще всего. Определенно после всех сегодняшних посещений, после этого помощника Лу Чаошэна, который явно жил согласно пословице, что ранней птице и червь достанется*, после этого Майкла, который оказался намного менее сговорчивым, чем он предполагал, нужно было оттянуться по полной. О тяжком и нерадостном можно было подумать завтра. Быстрые лучи света, скользящие по всему залу, по всем людям, в нем находящимся, отвлекали как нельзя лучше, а стаканчик банановой самбуки только способствовал тому, чтобы забыть обо всем тяжком и нерадостном на сегодняшний вечер окончательно. Тем более что было в компании с кем. Встретив свою относительно давнюю знакомую, Джейн, Минкё уверился в том, что в этот вечер американские боги к нему благосклонны. Чего, наверное, нельзя сказать о другом субъекте.

*Ранней птице и червь достанется – английская пословица.

ца, The early bird catches the worm.

Как всегда, как и неделю, и месяц назад Чонсу работал в кафе. Все как обычно, ничего нового, и казалось, что даже посетители те же, как и всегда бывают. Только из головы кое-что не шло. И сколько бы он не встряхивал головой, от чего челка спадала на глаза, так что ее приходилось убирать ее, резко мотнув головой, потому что руки были заняты подносами, это так и стояло перед глазами.

Уже подходя к месту работы, Чонсу решил заскочить минут на десять в интернет-кафе. Ничего необычного, так он уже делал иногда. Но такое количество отменной брани слышал в первый раз. Много же пришлось узнать от своего начальника о себе несчастному Ву Йи-фэй, тому самому работнику, его знакомому. Начиная с главной провинности – поцарапанного экрана компьютера, и продолжая ею в кульминации, начальник в продолжении перечислил все минусы, и одним из главных оказалось то, что Йи-фэй пускает этого попрошайку, то есть Чонсу, сюда за бесценок. Жертва выговоров только сжалась пуще прежнего, втянув голову в плечи, показавшись от этого еще ниже. Когда дело коснулось Чонсу, он поспешил скорее скрыться оттуда, чтобы не усугубить ситуацию. Наверное, надо как-нибудь поговорить с Йи-фэй, решил он.

Да, все было как всегда. И печальная луна, круглая сегодня, как никогда, все так же смотрела с неба в окно. И мо-

лодой человек, обычно сидевший в кафе до самого утра, как всегда что-то быстро записывал в своем блокноте, изредка прерываясь на то, чтобы поразмышлять, что написать дальше. И, как всегда, этот господин. Чонсу и не сомневался, что он придет и сегодня.

– Вы когда-нибудь снимались в рекламе? – спросил господин, когда Чонсу поставил перед ним заказ. На этот раз к чашке кофе добавился еще и омлет с беконом.

Чонсу отрицательно помотал головой. Опять эта челка... Он понадежнее заправил ее за ухом.

– А в клипах? В фильмах?

– Нет.

– Хотите попробовать? – Господин внимательно посмотрел на него, не прекращая расправлять и сгибать обратно дужки своих солнцезащитных очков.

– Не понимаю вас... – Чонсу весь напрягся, насторожившись.

– Меня зовут Стивен Финкл, я продюсер. – Он приостановился, несколько секунд ожидая реакции. Чуть разочаровавшись, что узнавания не последовало, он продолжил: – Не заинтересованы в том, чтобы сняться в фильме?

– Я? В фильме... Вы серьезно?

– Абсолютно серьезно. Ну так?

Еще раз внимательно присмотревшись к собеседнику, Чонсу не нашел никаких признаков розыгрыша или помешательства, что могло хотя бы как-то оправдать такие предло-

жения. Полминуты Стивен Финкл ожидал ответа, несколько не стесняясь такого разглядывания. Лицо серьезное, ни тени грядущего приступа смеха. Похоже, и вправду не шутит. Тогда в чем же подвох?

– Вы хорошо бы посмотрелись в кадре. Я оставлю вам свою визитку, – сказал Финкл, доставая из кармана маленький листок и кладя его на стол. – Подумайте над моим предложением.

Сказав это, Финкл принялся за свой заказ, забыв о существовании Чонсу, будто он и не разговаривал с ним только что. Клиент, сидящий в другой половине зала, в это время позвал официанта, чтобы ему принесли еще стаканчик виски. Чонсу ушел выполнять заказ, а когда освободился, то, оглядев зал, уже нигде не нашел господина Финкла. Если бы не визитка, оставшаяся в кармане, он бы и вовсе принял это за полусон. Не удивительно. Он так давно не высыпался.

О том, что собирался поговорить с Ву Йи-фэй и выяснить, прошел ли гнев его начальника без лишних потерь, Чонсу вспомнил только уже ранним утром, подходя к 8 Авеню, 22. Полностью замотанный, уставший и видящий сны уже на ходу, он спешил в здание будущего кафе, которое и названия пока еще не имело, так что снаружи выглядело весьма интригующе. Луна давно скрылась за горизонтом, забрав с собой и звездный свет, а солнце еще не спешило всходить. В таком неверном освещении многое может привидеться. Вот как сейчас, к примеру.

Окно открылось тихо и практически незаметно, пропуская тонкую тень. Так же бесшумно окно и закрылось, и тень начала удаляться быстрым проворным шагом. Чонсу протер глаза, даже кожу на своей руке ущипнул, чтобы удостовериться, что не спит где-нибудь около городского мусорного бака. Оказалось, нет. Тогда вор?

Подумать о том, что воровать-то у них, в общем-то, нечего, Чонсу успел, уже подбегая к этой самой тени. Схватив ее за локоть, он намеревался удержать ее для дальнейшего допроса. Да не тут-то было. Миниатюрный предполагаемый воришка боролся не на жизнь, а на смерть, порой выдавая такие приемы, что казалось, будто Чонсу вырывается из цепкой хватки, а не наоборот. Наконец кое-как ему удалось заломить воришке руки за спину. Добившись того, чтобы он перестал вырываться и извиваться, как самая настоящая змея, Чонсу сорвал с головы капюшон, из-за чего по плечам рассыпались длинные черные волосы.

– Ты кто такая? – начал свой допрос Чонсу, справившись с удивлением от того, что воришкой оказалась девушка, а не какой-нибудь беспризорный подросток. – Что ты здесь делала? Что тебе здесь нужно?

На все вопросы девушка отвечала только стойким молчанием, время от времени повторяя попытки вырваться. Время шло, небо становилось все светлей, позволяя увидеть девушку такой, какая она есть, а не какой ее рисует темнота.

– Кто ты такая? – снова спросил Чонсу. – Давай догово-

римся: я тебя отпускаю, а ты говоришь мне, кто ты такая и что тебе здесь нужно.

Девушка еле заметно кивнула. Чонсу медленно ослабил хватку и, наконец, отпустил ее совсем. Простояв еще несколько секунд без движения, она рванулась с места не хуже профессионального спринтера – только ее и видели. Ощувив в десятикратном размере вдруг навалившуюся усталость, Чонсу даже не предпринял попытки догнать ее. Только смотрел ей вслед до первого поворота. Рассвело.

Загадочная посетительница... Кем бы она могла быть? Вырывалась так отчаянно, будто шпион, попавшийся на вражеской территории. Но разве у них есть что разведывать? Чонсу остановился перед самой дверью и посмотрел на окно, через которое она вылезала. Просто так не откроешь, немалым проворством нужно обладать, чтобы сделать это.

Как и ожидалось, Минкё на месте не оказалось. Если уж он отправлялся вечером куда-то по своим значным местам, то ждать его стоило только к утру. Это если повезет. Неудивительно, что в пустом доме незаконно завелся еще один странный обитатель. Сначала похожая на вора, она теперь менее всего его напоминала. Что-то в ней было... Это что-то никак не поддавалось определению, что совсем не мешало увериться в существовании этого чего-то.

Помещение без каких-либо людей казалось совсем неживым и крайне непривлекательным, будто порог не переступала нога человека уже несколько месяцев, хотя в действитель-

ности только полчаса назад здесь была эта девушка. Вроде бы ничего и не изменилось, и не одного стула не было своровано, а о денежном запасе речь прекратилась уже три дня назад, но теперь избавиться от ощущения чего-то постороннего было крайне сложно. Кто она? Чонсу медленно прошел к кухне, чтобы заварить себе чай, по пути проведя кончиками пальцев по поверхности одного из столов. Что ей было нужно? Пока кухня не применялась по своему основному назначению, продуктов в ней содержалось крайне мало, поэтому чай был только в пакетиках. Да и то в крайне ограниченном количестве.

Сев за стол около окна, Чонсу наблюдал, как 8 Авеню медленно просыпается, оживляясь в каждом своем уголке, и солнечный свет медленно проникает все дальше по дороге, словно едет на большом грузовике, призванном доставить его к каждому дому. Он уже почти уснул, отпивая чай из чашки чисто автоматически и все наблюдая эту просыпающуюся нью-йоркскую улицу.

– Да тебе прям в каком-то романтическом фильме только сниматься! – неожиданно раздалось громкое замечание.

Минкё плюхнулся на соседний стул. По его покрасневшим глазам сразу можно было догадаться о веселой бессонной ночи.

– Я не слышал, как ты вошел, – невозмутимо отозвался Чонсу, все еще продолжая пить этот безвкусный чай.

– Еще бы. Ты бы себя со стороны видел. Точно как детек-

тив, который распутывает невероятно сложное дело. О чем ты думал?

– Я? Ни о чем... – не справившись с объективным недовольством организма постоянной работой, Чонсу звучно зевнул. – Хотя нет, кое-что хотел сказать. В последнее время ты не замечал каких-то посторонних странных посетителей?

Он вопросительно посмотрел на друга. Тот задумался ненадолго, побарабанив пальцами по столику, чем создавал видимость глубокой задумчивости.

– У нас тут каждый второй посторонний и странный, – наконец сказал он. – А так, чтоб совсем посторонний... Нет, не замечал. А что?

Чонсу пожал плечами, думая говорить или нет.

– Да вот, когда я подходил сюда рано утром, увидел, как через окно отсюда вылезала девушка. Я ее поймал, но она вырвалась и убежала. Случайно не твоя знакомая?

– Хотел бы я, чтоб у меня были такие знакомые, – задумчиво произнес Минкё. – Но нет, такой отчаянной госпожи я определенно не знаю. Тебе не приснилось ли?

Чонсу задумался на секунду. А и правда, вполне возможно, что приснилось, и он все это время просто сидел за столиком наполовину готового к приему посетителей кафе. Сны утром такие реалистичные...

– Может, и приснилось, – наконец пришел к выводу Чонсу. – А ты, где всю ночь был?

– Получал необходимую дозу релаксации.

– В клубе?

– Так я тебе и сказал. Подумай сам, ты же у нас детектив. Шпионов тут каких-то ловишь... А вообще, – резко прервал сам себя Минкё, – у нас осталось мало времени. Вперед, за дело.

Ответом послужил лишь продолжительный сонный и немного ленивый зевок Чонсу.

Три дня. Такое количество времени можно оценивать совершенно по-разному: и как пронесшееся мимолетное видение блаженной неги, и как три занудных, абсолютно идентично повторяющихся отрезка времени, и как три спешащих в только им одним известном направлении шанса быстро закончить оправдание своего займа. Эти три дня неслись с непозволительно высокой скоростью, хотя могло бы показаться, что они же, эти три дня, превратились в тридцать три – настолько тяжела и скучна была оставшаяся работа. То там огрехи замазать, то тут кофеварку подлатать, а потом и вовсе ударить кулаком по причине того, что она совсем не желает поддаваться усилиям начинающих электриков, после чего пожалеть о своих действиях, потому что кофеварка эта стоит одна единственная, и уговаривать ее заработать вновь. Скучно. И... тревожно.

– Этот твой Майкл так и не пришел, – заметил Чонсу вечером, когда оставалось два дня, и открытия по договору должно было состояться послезавтра.

– Явится, – с показным энтузиазмом, но уже не так уверенно ответил Минкё. – Он всегда опаздывает.

– Посмотрим...

На это проявление скептицизма Минкё не посчитал нужным отвечать. С одной стороны, потому, что порой нужно смотреть на сомнения с высоты Намсан*, а с другой – потому что сомнения эти начинали давать маленькие отражения и в его сознании. Но, как бы то ни было, он просто наградил друга полупрезрительным-полуудивленным взглядом. Но разве кафе без повара – это не отважное безумие? В последний раз кулинарные подвиги Минкё закончились полным провалом и отравлением всех тех, кто эти подвиги попробовал, еще лет семь назад, и вдруг проявившиеся кулинарные способности сейчас также маловероятны. Также маловероятны, как и то, что заведовать кухней сможет Чонсу, на взгляд Минкё, страдавший поразительнейшим отсутствием фантазии. Нет, этот человек, Майкл, просто обязан прийти. А если нет... При одном воспоминании того мускулистого личного помощника по спине у Минкё пробежали мурашки.

Время, впрочем, как и все, приближающееся к финишу, многократно убыстрило свой бег, и не было возможности даже взглянуть на стрелки часов – то ли от того, что последние приготовления отнимали львиную долю сил, то ли от того, что стрелки эти вращались с невообразимой скоростью. И это не всегда шло на пользу. С одной стороны, приходилось работать в поте лица, с другой – так хотелось, чтобы томи-

тельное ожидание, наконец, закончилось, превратившись в стремительное действие.

И вот, наконец, настал тот самый день, двадцать первый день седьмого месяца, последний день перед тем, когда согласно договору они должны были официально открыть заведение. Последние приготовления подходили к концу, последние провода были подключены к своему месту, последняя краска высохла на стенах, и Чхун Хян будто двигалась по своей воле, переливаясь зелеными красками своего ханбок. Вроде как все подходило к своему логичному концу...

Вроде. По случаю такого знаменательного события Чонсу провел свои последние рабочие часы не совсем полно, отработав их во второй половине дня. Солнце в тот день светило непомерно весело, и подать заявление об уходе у него вышло с легким сердцем и еле скрываемой улыбкой. Подошло к концу ночное рабство в виде постоянного перетаскивания подносов за минимальную плату. Наставало такое же перетаскивание подносов и прочей кухонной утвари за бесплатно. Но это несколько не портило настроения, ведь подносы эти были лично его, Чонсу, и его друга. Впрочем, как и все это здание, где были эти подносы и всяческая утварь. Совсем скоро, через каких-то двадцать часов, мечта, которая появилась еще несколько лет назад, еще тогда, в Кванчжу, мечта, которая раньше казалась несбыточной, чем-то вроде красивой сказки, воплотится в жизнь.

Дорогу обратно, ту самую дорогу, которую он проходил

так долго, так часто, и которую теперь предстояло пройти в последний раз, Чонсу решил не сокращать, стараясь идти медленно, совсем не спеша. Небо безоблачное, ветер совсем тихий, почти неощутимый, солнце тянется достать своими золотыми лучами до земли... Спешить совсем некуда. Впрочем, как и впереди идущему прохожему, понуро склонившему голову и опустившему плечи. Знакомому прохожему.

– Йи-фэй! Ву Йи-фэй! – позвал Чонсу прохожего.

Тот, немного погодя, обернулся. Вселенская скорбь и разочарование во всем мире окрасилась оттенком удивления.

– Что ты здесь делаешь? Разве ты не в ночную смену работаешь? – озвучил он свое удивление, как только Чонсу подошел.

– Больше нет, – покачал головой Чонсу. – Больше я здесь вообще не буду работать.

– Как? Тебя тоже?..

– Что?

– Уволили... – тихо добавил Йи-фэй слово, которое ему так не хотелось говорить, будто оно было под запретом произнесения вслух.

– Нет, сам ушел, – ответил Чонсу с легким оттенком гордости, от которого не сумел избавиться.

– А меня выгнали, как последнюю собаку, даже без зарплаты за эту неделю выгнали... Да что они там все...

Было невозможно представить, чтобы человек мог еще

сильнее опустить плечи и еще больше обмякнуть, будто был не человек, а гигантское желе, но Ву Йи-фэй удалось это сделать. Чонсу хлопнул его по плечу, пытаясь хоть как-то взбодрить, со словами:

– Да ладно, все будет хорошо... Что теперь собираешься делать?

– Искать новую работу, что ж еще?

– Какую?

– Вариантов мало, – начал рассуждать Йи-фэй. – Где-нибудь в обслуживающем персонале, может, официантом устроюсь... Ты ушел из своего кафе, теперь там твое место свободное?

– Подожди, подожди... – прервал его Чонсу, обдумывая что-то. – У меня есть для тебя вариант получше.

– Да ну?

– Ты говоришь, что можешь работать официантом. Могу предложить тебе эту вакансию.

– Ты еще скажи, что ты – владелец ресторана, – неровно рассмеялся Йи-фэй.

– Откроется завтра.

– Врешь!

– Нисколько.

Дорога за разговорами сокращается вдвое, и вот, они уже стояли перед светофором у перекрестка, где их дороги должны были разойтись в противоположные направления. Светофор настойчиво показывал красный свет.

– Приходи завтра с утра по этому адресу, тут недалеко, – говорил Чонсу, записывая что-то на клочке бумажки.

– Но если я только потрачу свое время зря...

– Обещаю, что нет.

– ...то тебе не поздоровится, – закончил Йи-фэй. – Не люблю, когда врут.

– Тогда договорились, – сказал Чонсу, протянув руку.

Ву Йи-фэй принял рукопожатие, миг потеряв все свое грустное выражение лица, которым можно было выпросить и миллион у какого-нибудь богатого толстосума, и променяв на довольно одухотворенный новым поворотом в жизни вид.

Зеленый.

Чонсу повернул направо, особенно не торопясь. Придет завтра Йи-фэй или вовсе нет, он не знал и даже не хотел предполагать – слишком много предположений было разрушено и в завтрашний день может быть разрушено ровно столько же. Во всяком случае, еще один работник был бы очень кстати, принимая во внимание то, что в настоящее время в их штате сотрудников числятся только двое, а именно он и его друг, он же – партнер по бизнесу. Хотя они и разместили объявление о наборе сотрудников в интернете и на близстоящих столбах, никто так и не откликнулся. Может, в том была виновата примерная зарплата, заявленная в объявлении, а может, неудобное расположение, хотя на взгляд Минкё место было в самый раз, а может, еще по каким-то причинам, но число работников все еще оставалось на цифф-

ре два, не считая главной составляющей всех кафешек и ресторанчиков мира, без которой заведение просто не смогло бы существовать. Была у Чонсу пара мыслей на тот случай, если доверенное лицо Минкё, тот Майкл, так и не придет (а он был уверен в том, что так и будет). На крайний случай он мог попросить младшего повара с его бывшего места работы помочь им, но...

– Ты Что Делаешь? – произнося отчетливо каждое слово, спросил Чонсу.

Солнце уже клонилось к закату, когда он пришел в помещение, которое уже завтра должно было официально стать кафе. Совсем не спеша и не имея определенной цели, он просто прогуливался, медленно двигаясь к 8 Авеню, 22. Решив, что он уже достаточно намозолил глаза своему другу, впрочем, как и друг – ему, ведь в Кванчжу они хотя бы жили в разных домах, он зашел в несколько магазинов, чтобы купить пару недостающих деталей интерьера, потом перекусил в парке купленным сэндвичем. «Пока Минкё не видит», – подумал он про себя о съедобной на вид субстанции. К американскому фастфуду его друг относился крайне отрицательно, считая, что он жутко влияет на цвет лица, не говоря о лишних граммах. К этому он и Чонсу старался приучить.

Так и прошел двадцать первый день седьмого месяца, довольно солнечный и почти безветренный, отмеченный большими событиями в маленькой жизни Чонсу и маленькими

происшествиями в большой жизни мира. Вроде как и не случилось ничего крайне необычного.

Кроме того, что Чонсу довелось увидеть, закрыв за собой дверь кафе.

Наполненное светом закатного солнца, полупустое помещение, где царил только красноватый сумрак, выглядело даже относительно привлекательным. В ходе работы они подвесили довольно много ламп к потолку, так, что к концу могли бы назвать себя экспертами в этом нелегком световом деле, но сейчас работала только одна, в комнате, которая должна была нести на себе функции кухни, так что свет спотыкался на пороге, дальше рассеиваясь в красноватых сумерках. В этом было что-то... загадочное и неясное, наверное. Тихо. Обычно, если кто-то оставался, играла музыка, сначала через дешевенькие колонки, а потом – довольно сносную акустическую систему, которая была неотъемлемой частью всех общественных заведений. Но сейчас – тихо. Кроме редкого позвякивания стекла.

Медленно переливаясь из дешевой на вид, но внушительных размеров банки, темная жидкость, по всем параметрам подходящая под определение «пиво», оказалась полностью в стакане, а банка – в стройном ряду таких же, числом три. Наверное, это было единственное стройное и логичное, что Минкё был способен сделать сейчас. Даже рука, подносящая стакан ко рту, прежде чем достигнуть своего пункта назначения, описывала невообразимую траекторию.

– Я тебя спрашиваю, что ты делаешь? – повторил свой вопрос Чонсу, так и оставшись на пороге.

– А что... не в-видно? – невнятно произнес Минкё, допив пиво. – Ищу выход из сложившейся ситуации.

– Да ты в своем уме?

Чонсу подошел к другу, сидевшему на высоком стуле около стойки в углу прямо напротив двери. На первый взгляд не так страшно, но редко когда Чонсу видел своего друга в таком состоянии. Утром, уходя в последний раз на место своей скучной работы, Чонсу не заметил никаких признаков полнейшей апатии у друга, разве что только переносицу потирал чаще, чем всегда. Вечером он увидел совершенно другого человека.

– Ты н-не п-понимаешь... – сказал Минкё, открывая новую банку и наливая в стакан очередную порцию, чего ему, впрочем, не удалось сделать до конца.

Не выдержав созерцания такой жалкой картины, Чонсу схватил руку друга, отняв наполовину пустую банку. Особых усилий на это не потребовалось, Минкё и не думал удерживать ее дальше, что оказалось не совсем ожидаемым, поэтому по всем соответствующим законам физики еще треть пролилась на них обоих. Не обратив на это должного внимания, Чонсу уселся прямо напротив, ожидающе смотря в глаза Минкё.

– Очень умно с твоей стороны уничтожать все наши продовольственные запасы... Теперь рассказывай. Что случи-

лось?

– Айщ... – Минкё с размаху закрыл пол-лица ладонью. – Ничего.

– Я жду.

Минкё вздохнул, подавив желание крепко выругаться, посмотрел в окно, удивившись, будто только сейчас заметил, что на улице уже давно стемнело, и один за другим зажигались фонари.

– Завтра конец, – наконец-таки связно произнес Минкё.

– Может, ты перепутал со словом «начало»?

– Нет, именно конец. В первый раз я позвонил днем...

*Намсан – телебашня, расположенная на высоком холме в центре Сеула.

В этот день солнечная погода раздражала. То и дело яркий свет, словно специально, указывал своим безжалостным перстом на какой-нибудь орех, который Минкё тут же спешил исправить. Но как-то все валилось из рук. И дело не в том, что он устал, хотя это действительно было так. Он ждал. И когда уже ожидание сделалось невыносимым, решил позвонить, но никто не ответил, и во все последующие разы телефон уже оказывался недоступен. Стараясь относиться к этому как можно более холодно, Шин Минкё был спокоен первую половину дня. Но постепенно хотелось разбить свой телефон вдребезги, будто так можно было заставить глухой субъект ответить на другом конце свя-

зи. Вечером он уже было решил пойти и сказать все, что он думает в лицо, но уже ступив за порог, вспомнил, что, в принципе, и не знает, где можно найти этого человека – уж больно непостоянно место его работы, и если на прошлой неделе он работал на Манхэттене, то на этой может быть уже в Джерси-Сити, а тем, где он живет, Минкё никогда и не интересовался. Придя к такому неутешительному выводу, Минкё начал нервничать, и с каждой четвертью часа напряжение все нарастало. Чтобы хоть немного успокоить свои разгулявшиеся нервы, он достал из запасов одну банку пива, самую дешевую, потому что дорогие нужно оставить на лучшие времена на продажу. Потом одной показалось мало, и...

– В общем, мы пропали, – обреченно закончил он. – Я надеялся на Майкла. Оказалось, зря.

– Нда... – только и протянул Чонсу.

В помещении повисла глухая тишина, нарушаемая разве что только шелестом шин автомобилей, проезжающих мимо окон, да и то весьма редко. Чонсу уставился в окно, что, в принципе, было бесполезно, по причине того, что разглядеть там что-либо было весьма затруднительным, а Минкё гипнотизировал стакан, наполненный наполовину дешевым напитком, а наполовину – рушащимися с каждой секундой планами. Возможная встреча с личным помощником господина Лу была самой нежелательной вещью в ближайшие дни.

Не такой уж и убедительной была та его шутка. Да и вообще, не шутка это была, как подсказывало ему глубокое неизведанное подсознание. Дело принимало все более серьезные обороты, и в деле этом были замешаны большие деньги, и неоправданный займ их... Минкё немного встряхнул головой, чтобы избавиться от представления возможных действий в ответ на небрежное обращение с большими деньгами. Другу об этом Минкё так и не рассказал, до последнего надеясь, что все обойдется. И вот теперь оставалось всего несколько часов, а важной поварской составляющей еще не было найдено, и вряд ли за такое короткое время положение исправится.

– А может... – начал было Чонсу.

– Что? – Минкё поднял на него взгляд.

– Да ничего, – отмахнулся от недавно зародившейся и уже успевшей прийти в негодность идеи Чонсу. – Хотя, если...

Но этой идеи уже не было суждено быть услышанной. Перестав воспринимать действительность во всей ее полноте, голова Минкё резко опустилась, будто его кто-то отключил, и дальнейшая информация пронеслась мимо ушей, под действием пивных паров отказывавшихся слушать логичные и не совсем логичные доводы и предположения друга.

Легкий золотистый, такой приятный и свежий утренний свет... Утренний? Минкё резко открыл глаза, обнаружив себя на том же месте, где и уснул, накрытым клетчатым пледом. Следы вчерашнего отчаянного безобразия были убра-

ны, будто все только снилось, а второй участник безумного предприятия, которое грозило обернуться чем-то намного более серьезным и неприятным уже через несколько часов, нашелся неподалеку, тут же, спящим за столиком, подложив руки под голову.

Может, пока не поздно купить билет обратно, уехать и никогда больше не вспоминать о благословенных землях Нью-Йорка? Минкё уже всерьез задумался над этим, но через минуту укорил себя за отказ, хоть и кратковременный, от последствий. Чонсу нахмурился во сне, будто угадал ход мыслей друга, хотя в действительности все еще продолжал спать.

– Да, ты абсолютно прав, – тихо согласился с сонной мимикой друга Минкё.

Он провел пальцем по столешнице. Только вчера была натерта до блеска. На окнах пылинки можно было сосчитать по пальцам. Все в порядке, все на месте кроме...

– Название!.. – излишне громко воскликнул Минкё, заставив Чонсу вздрогнуть при столь бурной реакции.

– Чего так кричишь? – сонно пробормотал он, норовя перевернуться на другой бок, забыв о своем неудобном положении в пространстве стула и, как следствие, чуть не упав.

– Про название забыли!

Чонсу резко встал, все-таки опрокинув при этом стул, на котором так уютно провел полночи, на что, впрочем, оба не обратили должного внимания. Где-то вдали, за грядой зданий и прочих адептов городской сущности вставало солнце,

каждым лучиком цепляясь за шершавый небесный купол и неотвратно взбираясь все выше и выше. Оба начинающих владельца недвижимости начисто забыли о самом главном, с чего, собственно, стоило начать, но никак не заканчивать. Немного поспорив вначале на столь важную тему, они дружно забыли ее, отодвинув на второй, и даже на третий план. И вот теперь вопрос, не стерпевший таких отлагательств, настойчиво встал прямо перед ними во всей своей красе. Важное дело без названия не принесет никакой удачи.

– Что будем делать? – тихо спросил Чонсу с таким убитым видом, будто по радио только что сообщили об очередном обязательном конце света.

– Что, что... – повторил Минкё. – Значит, так. Ты готовишься делать вафли с пирожными, а я вернусь через полчаса.

– Подожди, а ты куда?..

– За названием. Как думаешь, «Прима Крустулам» пойдет?

– И что это значит?

– Неважно. Вернусь через полчаса!

С этими словами Минкё, непомерно воодушевленный и в какой-то мере даже радостный, хотя это может быть всего лишь защитная реакция организма на готовящийся стресс, быстро вышел из основного зала, не забыв при этом аккуратно прикрыть за собой дверь (уж больно хрупкая теперь она ему казалась) и оставив своего друга знакомиться со скво-

родкой и прочей кухонной утварью.

Трудно было не только найти что-то за полчаса, но и придумать, как это что-то найти. Было раннее утро, солнце только вставало, неотвратимо, но медленно. Также медленно просыпались и работники магазинов, что осложняло положение многократно, притом, что круглосуточных магазинов в этом районе было мало, а нужных им круглосуточных – и того меньше. Но вроде был тут один... Минкё активизировал всю свою интуицию и долговременную память, что, впрочем, в пять часов утра давалось с великим трудом.

Так было пройдено несколько кварталов. Небо неотвратимо светлело. Наконец через несколько метров завиднелось то, что было так нужно. Вывешенные снаружи люминесцентные лампы все еще светились, несмотря на готовящийся наступить новый день. Одна среди них мерно помигивала, чем и привлекла внимание сонного сознания Минкё, чуть не уснувшего на ходу к этому месту.

Единственный обитатель лавки ничуть не отличался более бодрым настроением, чем у самого Минкё. Ночная смена подходила к концу, и сейчас оттуда можно было бы вынести добрую половину товаров, ничуть не привлекая к себе его внимание. Притом, что и добрая половина эта была не совсем качественная и лицензированная.

– Вам что-то... – начал было продавец, мужчина, возраст которого трудно было бы определить, а если на вскидку – лет

тридцати, с чем крайне не сочеталось средоточие лишних килограммов, выделявшееся под черной футболкой с надписью ACDC. Но договорить ему не удалось – он был жестоко прерван довольно продолжительным зевком, после чего решил не растрачивать более свою словесную энергию, махнув на все рукой.

– Лампы в форме букв есть? – решил не дожидаться продолжения высокосодержательной речи Минкё.

– Да, там, – все же потрудился ответить продавец, снова махнув рукой, но на этот раз уже в определенном направлении. – Только комплект пришел неполный.

Указанное направление привело Минкё в угол небольшого помещения, где были неосторожно свалены разноцветные люминесцентные изящно загнутые на углах лампы. И впрямь, половины букв, наиболее частых, не было, а кое-где на второй половине царапины можно было заметить невооруженным глазом. Зато цифры, намного менее нужные и популярные, были в изобилии. С трудом отыскав все, что было нужно, Минкё столкнулся со следующей проблемой – четыре лампы просто не загорались вовсе.

– Это даже модно сейчас, – заверял продавец, вспомнив о своих прямых обязанностях. – Тогда к покупке будет можно сделать в подарок приложение...

Долго не раздумывая, Минкё согласился на неубедительные доводы продавца. Во всяком случае, все лучше, чем ничего. И вот он уже спешил обратно к готовящемуся вот-

вот открыться кафе. И путь бы оказался быстрым и приятным, ведь малолюдная дорога, купающаяся в лучах утреннего солнца, мало когда оставит неприятные воспоминания, но...

Черный Шевроле нарушил спокойствие утренней улицы не только яростно рычащим звуком, раздавшимся на добрую половину квартала, но и непомерно высокой скоростью для такой узкой улочки, которую как раз переходил Минкё. Солнце как раз взошло настолько, чтобы беспрепятственно освещать дорогу своим ярким золотистым светом, оттуда, немного справа, и, вследствие этого, ослеплять всех и вся вокруг. Кто был поражен золотистым светом больше: Минкё или водитель Шевроле, а может, оба, было и так осталось неясным, но итог от этого легче не стал – если бы Минкё сделал еще полшага, то следующий шаг ступить было бы уже некому, а так ему было обеспечено большое количество синяков и ушибов. Автомобиль, ничуть не притормозив, задел его так, что ему пришлось еще прокатиться кубарем по дороге пару метров прежде, чем остановиться, обняв асфальт. Автомобиль давно уехал дальше по своим делам, а в теле Минкё только начала растекаться боль от падения. Он попытался встать, опершись на руку, но получилось только приподняться на пару сантиметров и снова опуститься.

– Щибаль*... – только и вырвалось у него, как следствие неудачной попытки.

После этого короткого слова последовал ряд довольно

нецензурных выражений и восклицаний, сопровождающих дальнейшие попытки подняться. От каждой попытки, каждого движения боль давала о себе знать с новой силой. Пробежал мужчина средних лет в спортивной одежде, явно заботящийся о своем здоровье и физической форме. На несколько секунд приостановился, посмотрев в сторону Минкё, но, не посчитав нужным прерывать свою пробежку, отправился дальше. Черда новых ругательств понеслась уже в его адрес, не услышанных всего лишь по причине того, что ни одно из этих ругательств он не понимал.

Безветренная солнечная погода всегда радует душу, особенно если она настала вопреки заверениям синоптиков о проливном дожде. Но не в этот раз. Кое-как поднявшись с уже успевшего стать теплым асфальта и не забыв прихватить с собой помятую коробку, где были все утренние покупки, Минкё теперь раздражался из-за этого блестящего солнца, которое, словно в насмешку, бросалось в него солнечными иголками, отчего хотелось закрыть глаза и больше не открывать. По крайней мере, хотя бы час. Невольно вспомнилась сказка, которую он слышал еще в детстве, давно-давно, про тигра и девочку-солнце**. Нет, такая погода совершенно не к месту. По всем правилам трагедии должен был идти проливной дождь, как и обещали.

Вопреки всем логическим законам на сей раз дорога обратно оказалась в разы дольше и длиннее, чем была и три часа, и три дня назад. Длиннее потому, что он старался обхо-

дить возможные людные места из-за жутко грязной рубашки после ее жесткой встречи с асфальтом, дольше потому, что каждый шаг давался все с большим трудом. Да еще эта коробка казалась все тяжелее. Минкё уже начал подумывать оставить ее где-нибудь около ближайшего мусорного бака, но на благо коробки, а может, названия, ради которого все это затевалось, прежде, чем он всерьез решился исполнить свой план, на расстоянии половины квартала завиднелось их кафе.

– Дом, милый дом... – пробормотал Минкё, стиснув зубы и прибавив шагу.

Сам себе он сейчас напоминал дядюшку Чу, довольно пожилого субъекта, который всегда нес что-то полезное, прихваченное с улицы или милостиво подаренное соседями, с собой в руках. Он был дальним-дальним родственником, настолько дальним, что Минкё и не помнил – со стороны отца или со стороны матери. Но это не отменяло обязанности Минкё совершать кынчоль***, который дядюшка Чу принимал как само собой разумеющееся и от которого он смог освободиться только лет в шестнадцать, когда все празднование Сольналь**** скрывался дома у Чонсу. Тогда он...

– Ай-гу!.. – воскликнул Чонсу, прерывая сложный поток сознания своего друга и возвращая его в нерадостное и тревожное настоящее. – Неужели сегодня Черная пятница*****?

Чонсу подбежал к нему, только дверь закрылась.

– А еще День благодарения, Рождество и Новый год, – мрачно ответил Минкё, тяжело усевшись на первый попавшийся стул и, наконец, поставив надоевшую до невозможности коробку перед собой.

– А если вправду, что с тобой случилось?

– Не поделил кое с кем дорогу.

– С кем?

– С машиной...

– Серьезно?

– А по мне не видно?

– Ой-ой-ей... ничего не сломал? – начал свою длинную речь Чонсу, присев рядом с другом. – Ходить можешь? Тебе лучше прилечь, после такого надо полежать, если что-то сильно болит, то сходи ко врачу, а может, лучше сюда вызвать? Нет-нет, сегодня лучше...

– Тсс... И так голова трещит, – прервал его Минкё. – Не строй из себя кимчхонскую тетушку. Лучше скажи, ты придумал, что будешь готовить?

– Н-не совсем, я...

– Правильно, надо сначала название приклеить, – прервал друга Минкё, начав вставать со стула, что оказалось для него как никогда трудной задачей.

– Да куда уж? Отдохни... – сказал Чонсу, пытаясь удержать друга за руку, которую тот тут же отдернул.

– В другой раз, – возразил Минкё, чуть не прибавив, что «если не успеем все сделать к уговоренному сроку, будет на-

много больше».

Он вновь взялся за надоедливую коробку и нетерпеливо разорвал ни в чем не повинную упаковку. Глазам предстало удивительно красивое зрелище: утренние лучи солнца так и играли на переливающихся и блестящих разными цветами осколках стекла. Осколках...

– Да вы что, издеваетесь что ли? – не выдержал Минкё после пяти секунд созерцания красивых осколков.

Он оглянулся на висящие на дальней стене часы. Времени оставалось совсем мало.

– И что теперь?

– Нет-нет, не могли же они все... – пробормотал Минкё.

Он начал перебирать субстанцию, ранее бывшую лампами, пару раз чуть не порезавшись.

– Что ты ищешь?

– Подожди...

Вот оно! Целехонькие и исправные, красивые и... ненужные. Две лампы в подарок оказались не чем иным, как просто цифрами.

– Две восьмерки? – саркастически спросил Чонсу. – Или знак бесконечности?

Пропустив эти слова мимо ушей, Минкё продолжил свои поиски в маленькой коробке дальше. В итоге целыми и невредимыми были выужены еще четыре буквы. Остальное могло превратиться в красивый элемент интерьера где-нибудь в большой вазе с бамбуком.

– М, т, р, а? – идентифицировал буквы Чонсу. – Это все, что осталось?

– Да...

Четыре буквы и две цифры просто отказывались складываться во что-то цельное и понятное в сознании Минкё. Он несколько раз переставил буквы. Что бы с ними сделать?.. Выходило только «карта» и «мама», что совсем не подходило к их заведению.

– Ничего не могу придумать... – тихо сказал Минкё. – Днем еще все будет нормально, но вот вечером...

– Постой, ты сказал, днем, вечером, – повторил Чонсу. – День, вечер...

– И что?

– А как насчет этого?

Чонсу переставил люминесцентные буквы и цифры в своем порядке. И вышло...

– Восемь часов утра и восемь часов вечера? – осторожно уточнил Минкё, смотря на сложившиеся 8AM и 8PM. – И что это будет значить?

– Не знаю... – Чонсу рассеянно почесал в затылке. – Может, что мы работаем с восьми до восьми?

Минкё в задумчивости несколько раз постучал пальцами по столу.

– Отлично, – резко сказал он после этой секундной задумчивости. – Выбор у нас невелик, так что... Пойдем крепить.

*щибаль – корейское ругательство

**... сказка, которую он слышал еще в детстве, давно-давно, про тигра и девочку-солнце – народный фольклор, сказка о Луне и Солнце.

***кынчоль – традиционный поклон перед старшими членами семьи на Новый год

****Сольналь – корейский Новый год

*****Черная пятница – пятница после Дня Благодарения в США, день, когда начинается сезон распродаж.

Сложная конструкция из ламп и проводов была надежно устроена над главным входом. И довольно к месту пришелся еще один символ, найденный на заднем дворе недалеко от мусорного бака, выброшенный за ненадобностью, а теперь выкрашенный оставшимися красками в виде длинного аппетитного батона. Теперь восемь часов утра и вечера были прекрасно разделены, не претендуя на главное место.

– Ну, на первое время пойдет, – заключил Минкё, продолжая оценивающе смотреть на название 8AM & 8PM.

– Пойдет... – эхом отозвался Чонсу, смотря в том же направлении.

Уже около пяти минут они стояли перед входом, оба скрестив руки на груди и гипнотизируя это название, будто еще немного, и оно могло бы что-нибудь сказать. Пожелать удачи, например.

Но люминесцентные лампы заговаривать с кем-либо не пожелали, так и продолжая молча висеть на положенном им

месте.

– Ай-ай-ай, шея затекла... – выдал Минкё, только сдвинувшись с места.

– Это здесь 8 Авеню, 22?

Позади друзей раздался новый голос. Резко обернувшись, почти синхронно, они увидели перед собой невысокого парня в спортивной куртке, с крашеными светло-каштановыми волосами и с помятым листочком в руке.

– Ву Йи-фэй? – воскликнул Чонсу после секундного замешательства. – Ты все-таки решил прийти? А я уж думал...

– Пока больше интересных предложений не поступало, – прервал его он.

– За полдня-то...

– Приятно познакомиться! – перебил диалог Минкё, не стерпев долгого игнорирования себя. – Шин Минкё, можно просто «босс».

Чуть усмехнувшись при последней фразе, он протянул руку для рукопожатия. Йи-фэй еще несколько мгновений смотрел с подозрением то на руку, то на самого ее владельца, прежде чем принять это самое рукопожатие.

– А, точно, я забыл тебе сказать... – начал Чонсу, спохватившись.

– А ты всегда все забываешь, – так же улыбаясь, сквозь зубы проговорил Минкё в сторону друга. – Ну, будешь у нас сегодня заправлять на кухне, – обратился он к Йи-фэй.

– Но я не...

– Времени нет, осталось всего две минуты. Пойдем, – не слыша никаких возражений, тоном начальника сказал Минкё.

Перед самым входом Йи-фэй остановился, еще раз полностью окинув взглядом все здание, немного недоверчиво, будто все это был заблудившийся мираж в одном из самых крупных городов мира.

– И это заведение, правда, твое? – решил удостовериться он еще раз.

– Наполовину, – просто ответил Чонсу.

– Нехило...

Дверь закрылась за Ву Йи-фэй, маленьким человеком с большими сомнениями. Не терпящим возражений тоном Минкё отправил его на кухню, еле удержавшись от повелительного указующего жеста. Йи-фэй так и не смог сказать, что все его кулинарные подвиги ограничивались лишь заваркой лапши. Возражать начальнику в первый день работы было в его сознании самым большим безрассудством, что можно было бы совершить. А Минкё он стал воспринимать именно как начальника, несмотря на то, что сам был старше его на пару лет. Самому же начальнику, впрочем, как и его другу, пришлось надеть форму официанта.

Солнце поднялось настолько, что искусственное освещение было уже совсем не нужно – так ярко оно светило. Стрелки часов по обоюдному согласию показывали восемь часов утра. Табличка, которую Чонсу еще давно захватил из боль-

шой кучи таких же на одной из распродаж, на прозрачной двери была перевернута на «открыто».

– Ну что ж... Let's go! – громко и воодушевляюще сказал Минкё.

Минута, две... Они, правда, думали, что, только табличка на двери будет перевернута, посетители образуются сами собой, но...

Пять, шесть... Минкё задумчиво барабанил пальцами по столешнице, изредка поглаживая на автора идеи этого авантюрного дела. Сам автор идеи задумчиво смотрел в окно. Новоиспеченный работник Йи-фэй с систематической регулярностью выходил в главный зал, спрашивая, не нужно ли ему чего-то сделать, а владельцы с завидной регулярностью в ответ на это отрицательно мотали головами.

Тихо... Такую тишину в разгар рабочего утра редко можно встретить в таком крупном мегаполисе, поэтому ее совсем не хотелось нарушать даже разговорами, которые, впрочем, и так были не нужны.

– Ни каша, ни кашица*... – задумчиво пробубнил под нос Минкё. – И как нам заработать нужную сумму?

– Какую сумму? – переспросил Чонсу.

– Да так, никакую. Забудь.

– Как так – забыть? Нет уж, говори до конца.

– Я же сказал, не важно...

– Важно!

– Это... у вас открыто? – раздался голос еще одного человека.

Друзья, как по команде, разом обернулись в сторону вошедшего. За начинающим зарождаться спором они и не заметили, как открылась дверь, пропуская их первого посетителя. И вот перед ними стоял их первый клиент, которого они так ждали.

– Да-да, конечно, проходите! – Первым опомнился Чонсу.

Он подскочил со стула и в две секунды уже оказался около посетителя, как всегда поклонившись по привычке. Мужчина, в темном костюме и дипломатом в руке, лет этак около пятидесяти, с начинающим подавать первые признаки существования третьим подбородком, посмотрел на это с удивлением, которое тут же исчезло через две секунды.

– Обычно у нас много посетителей, – подключился Минкё, – но сейчас еще утро, пока никого нет, так что для вас свободен любой столик. Где желаете сесть?

– Пожалуй, у окна, – просто ответил мужчина.

Без лишних слов Минкё провел его к столику, который отвечал всем параметрам заказа клиента и положил перед ним меню.

– Сегодня у нас день французской кухни, – добавил он.

– О, неплохо, неплохо... Люблю французскую кухню.

Раскрыв меню, мужчина некоторое время читал написанные в нем названия блюд. Минкё отошел, чтобы не мешать такому важному делу.

– А вот это название жю... «Жюльен» от Сореля** – это что? – вдруг спросил мужчина.

– Это... – начал на ходу говорить Минкё, снова подходя к нему с блокнотиком в руке, – это французский жульен с особым секретным ингредиентом от нашего шеф-повара. Получается фантастический вкус.

При этих словах со стороны кухни донесся еле слышный кашель, будто кто-то подавился кусочком сухарика.

– Вот как... Тогда его, а еще улиток по-бургундски и конде из бананов.

– Напитки? – уже не так уверенно спросил Минкё.

– Чай.

Забыв еще раз прочитать заказ, как делает это любой уважающий себя официант, Минкё пошел на кухню, медленно, но верно начиная бледнеть. Чонсу только проводил друга тревожным взглядом, оставшись в зале.

Зайдя в маленький закуток, называемый кухней, Минкё положил блокнот на тумбочку перед Йи-фэй, который так и стоял с пакетиком сухариков в руке, не делая ни малейшего движения, что продолжалось по меньшей мере минуты две.

– Вот. Сможешь что-нибудь из этого приготовить?

– Впервые слышу такие названия. Что это за Жюльен от... что-то там?

– Моя любимая книга... То есть блюдо такое.

– А сам-то приготовить не можешь?

В ответ Йи-фэй достался только тяжелый взгляд весом с

десяток тонн. Еще немного поразмышляв, он достал из кармана телефон и начал со скоростью света набирать что-то на дисплее.

– Что ты делаешь?

«Там долго еще?» – донесся недовольный голос из главного зала. «Скоро уже принесут первое блюдо, еще пару минут», – тихо произнес Чонсу. Дело принимало крутой оборот.

– Рецепт в интернете ищу... О, вот! Для того, чтобы приготовить жульен, сначала нужно обжарить овощи и добавить их в заранее приготовленный бульон... – начал зачитывать Минкё. – Затем...

– Чушь. Там всегда чушь пишут. Чтобы приготовить ваш жульен, нужно наоборот влить бульон к овощам.

При этих словах Минкё оторвался от экрана телефона и поднял голову, встретившись взглядом с Майклом. Он будто из-под земли вырос – Минкё мог бы поклясться, что не слышал ни единого шага, ни единого шороха. У него будто от сердца отлегло, в то же время закипала злость, способная разрушить пол Манхеттена. Он был готов броситься обнимать своего знакомого и одновременно с этим жутко хотел сломать ему пару костей.

– Все-таки явился? – кое-как справившись с распирающими изнутри эмоциями, проговорил Минкё.

– Как видишь. – Майкл развел руками в стороны. – Я так понимаю, у нас мало времени? Так, где у вас овощи?

Минкё показал на большой холодильник около дальней стены у окна.

Дальнейшие события проходили при минимуме слов и максимуме действий. Половину недостающих ингредиентов компенсировал Йи-фэй, пару раз сбежав в ближайший супермаркет. Чонсу продолжал обещать, что заказ принесут вот-вот, а Минкё старательно выполнял все указания Майкла, благо, они были ему по силам. Секунды, сливающиеся в минуты, протекающие безвозвратно и очень быстро, уносили с собой капли терпения клиента, и уже никакое золотое веселое солнце не смогло бы вернуть ему хорошего расположения духа.

– Позовите мне хозяина заведения, – наконец сказал мужчина.

– Ну, это... – Чонсу затруднялся ответить. – Это я и...

– Хочешь сказать, ты? Простой официант?

– Я и...

– И Мэтт Шин, то есть я, – сказал Минкё, выходя из жаркой кухни и неся первое блюдо. – Приносим глубочайшие извинения за ожидание.

Он поставил жульен, который уже вряд ли кому-то мог принести радость своим аппетитным видом, перед женщиной. Он еще с полминуты подозрительно оглядывал блюдо со всех сторон, прежде чем взять ложкой маленький кусочек. Двое друзей с замиранием сердца наблюдали за его реакцией. Довольное выражение от наконец-то приготовленного за-

каза вдруг начало медленно исчезать с его лица.

– Что это?

– Это ваш заказ, жульен с...

– Все, что угодно, но только не это. Он не должен быть таким кисло-сладким.

– А я вам говорю... – начал закипать Минкё.

– Позовите мне сюда вашего шеф-повара.

Сердитый вид мужчины не оставлял никаких надежд на возражения. С убитым видом Минкё снова потащил себя в сторону кухни. Солнце еще не достигло зенита, а он уже чувствовал себя разбитым и уставшим, словно дня два не спал. Как только он зашел на кухню, на него уставились две пары внимательных глаз, выражающих немой вопрос: как там?

– Он требует, чтобы ты вышел, – подавленно сказал Майклу Минкё. – Говорит, приготовил не так.

– Что говорит? Да он у меня...

– Тсс... – Минкё приложил указательный палец к губам. – Хотя бы в первый день не надо этого.

– Тогда что?

– Есть у меня идея, – неожиданно сказал Йи-фэй. – Только нужно...

Дальнейший план обсуждался только крайне тихим шепотом, таким тихим, что порой и сами они не слышали, кто что сказал.

*Ни каша, ни кашлица – пословица, означает: «совсем никуда не годится»

**«Жюльен» от Сореля – Жюльен Сорель, главный герой романа Стендаля «Красное и черное».

В приоткрытое окно врывались потоки теплого солнечного света, путешествующего верхом на легких крыльях, сотканных из ласкового ветерка. Утро было в самом разгаре, и все чаще мимо многочисленных окон мелькали прохожие, не оставляющие никакого заметного следа в сознании. По меньшей мере, в сознании одного человека, находящегося в помещении, мимо окон которых проходили эти незамеченные им люди, потому что перед ним стоял самый настоящий французский повар с самым настоящим французским акцентом и вежливо интересовался тем, что именно ему не понравилось в его блюде. Довольно молодой и одетый в изысканную поварскую униформу, он иногда поправлял свой шейный платок, от которого доносился легкий запах явно дорогого парфюма.

Вначале совсем не доверяя своему новому собеседнику, посетитель все больше убеждался в своей полной неправоте. Вроде бы и говорит убедительно, и сам вроде бы из Франции, и, к чему греха таить, жульен получился у него самым вкусным из тех, что он пробовал, несмотря на все свои претензии.

– *Bon appétit!* – по окончании разговора сказал шеф-повар.

Коротко извинившись еще раз перед французом, посети-

тель взял все свои слова назад, раскаявшись в своей критике, и начал, уже спокойно, доедать свой заказ.

За все следующее время этого нелегкого дня, когда солнце ни на минутку не было заслонено малейшим облачком, в кафе зашло еще около двух десятков посетителей. Катастрофически мало для известного ресторана, но для только что открывшегося кафе в самый раз. Подобных инцидентов, как утром, больше не случилось. Остальные посетители были не столь искушены во французской кухне, чтобы пересчитывать израсходованные при готовке крупинки соли. Но повара пожелали видеть в зале еще раз, хотя уже для того, чтобы лично выразить свою признательность его мастерству. Он принял похвалы со скромным видом, а на вопрос, как его имя, чтобы потом порекомендовать его своим знакомым, ответил «Мишель Селени».

К концу двадцать второго дня седьмого месяца в маленьком заведении на задворках Манхэттена все его обитатели валились с ног, и еле хватало сил, чтобы дойти до входной двери, чтобы перевернуть табличку на «закрито». День этот продолжался намного дольше, чем гласило название, закончившись около одиннадцати вечера, и замечаниями по поводу того, что день этот все же надо сделать более менее нормированным.

– И все-таки как у нас вдруг получился французский повар? – спросил Чонсу, когда уже выключали свет и протирали последние столы. – Майкл, ты на самом деле из Франции?

– Это спасибо Джонни, – так Минкё назвал Йи-фэй, и так это имя и прицепилось, – и ближайшему магазину с костюмами для ролевых игр, – продолжал отвечать за Майкла Минкё. – Кстати, неплохая идея, совсем неплохая...

– А акцент такой откуда? Ты знаешь французский?

– Нет, – на сей раз ответил Майкл, – да и тот человек, думаю, тоже. Главное – убедительно коверкать слова на свой манер. А вообще, первое время я долго не мог избавиться от этого акцента...

– А откуда ты?..

Но на этот вопрос ответом послужил лишь громкий хлопок резко закрывшейся двери, которая стойко, но с большим трудом выдержала это испытание.

Солнце окончательно закатилось за дальнюю тонкую полосу, отделяющую чернеющую землю от темно-синего неба. Одна за другой где-то там, далеко-далеко вверху стали появляться первые тусклые звезды, просыпавшиеся из небесной коробочки хозяина неба. Такие ночи по своему определению всегда должны быть тихими, загадочными, спокойными... Но не эта.

Когда последняя работа была закончена и вымыта последняя тарелка, началась вечеринка с участием всего трех человек, хотя шуму они делали за десятерых. Вначале наотрез отказывавшийся Йи-фэй был уговорен с двух сторон остаться под предлогом, что втроем всегда веселей, да и вообще, не отметить удачный конец первого рабочего дня попросту

архипреступно. Был уничтожен львиный запас продовольствия, в особенности то, без чего не обходится каждая вечеринка, то есть всяческих напитков.

– Как дети малые... – пробормотал Йи-фэй, поудобней располагая свою голову на свернутую джинсовую куртку, служащую заменой подушке. Посиделки продолжались долго, примерно до двух часов ночи, поэтому новое место работы было единственным вариантом того, где провести ночь.

Минкё и Чонсу устроились неподалеку, не в силах дойти до второго этажа.

Убывающая луна, бледная и уставшая, заинтересованно глядела в большие окна.

Следующий день оказался не таким сложным и выматывающим, притом, что было единогласно принято решение о начале работы в десять часов утра и конце рабочего дня через двенадцать часов. Это лишало кафе возможности принимать голодных ранних пташек, но в то же время выгодно определяло временные границы. Особенно кстати это пригодилось на следующий день, когда голова напоминала Иерихонскую трубу, причем, плохо отлаженную и заржавевшую, вследствие чего единственным здравомыслящим человеком во всем заведении был Майкл, которому на добрую половину суток снова пришлось превратиться во француза.

Этот день прошел почти так же, как и предыдущий, за исключением новизны впечатлений и немного увеличенной

доли адреналина и, может быть, одного посетителя. Только увидев его, Минкё подумал, что гость этот зашел не случайно, более того – от самого господина Лу. Догадка эта была подобна острой иголке, ощущения от прикосновения которой остаются еще довольно долго. То, что за ними наблюдают, вызывало не совсем приятные впечатления.

Конец этого дня не был ознаменован такой шумной вечеринкой, как в предыдущий вечер, и даже Йи-фэй решил провести ночь у себя дома, так и не рассказав какой он, этот его дом. Поэтому, когда табличка на двери была перевернута на «закрыто», кафе опустело совсем, не выпуская только своих двух вечных обитателей, которые, собственно, и превратили его в кафе, не позволив ему продолжать оставаться простым заброшенным двухэтажным отелем. Да и они скоро перестали воспринимать реальную действительность этого маленького здания, отправившись освобождаться от оков усталости, накопившейся за последние двенадцать часов, на второй этаж, где стояли два подержанных кресла и диван, который вызывал вполне обоснованные подозрения о том, что был создан еще до их рождения, что не мешало устраивать каждый раз бои за право спать на нем. Ночь тиха...

Было около трех часов ночи, когда Минкё, проснувшись, первым делом бросил взгляд на электронные часы. Ни о чем не задумываясь, он бы перевернулся на другой бок (вакантное место на диване сегодня досталось ему), но уж очень хотелось пить. Поэтому, не в силах бороться с жаждой, он спу-

стился вниз за стаканом воды. Ему снился крайне захватывающий сон, поэтому он спешил добраться до кухни, утолить жажду и вернуться к мягкой подушке, чтобы досмотреть его до конца, но...

Темная кучка тряпок, лежащая около стены, прямо под окном, пошевелилась, только он спустился на первый этаж. Сначала мысленно обругав всех предполагаемых субъектов, оставивших за собой такой беспорядок, Минкё быстро налил себе стакан воды и уже с наслаждением отпил несколько глотков, только после этого осознав, что тряпки эти живые и даже двигаются. Как можно тише он вышел обратно в главный зал, присмотревшись к кучке тряпок повнимательней. Посмотрев некоторое время, угадал размеренное дыхание. В горле пересохло еще больше, чем было до этого, и он чуть не выпустил стакан из рук. Вдруг вспомнилась та глупая статья, над которой он смеялся, когда редактировал. Теперь задумался над ней всерьез – вдруг, и правда, здесь гости из другого далекого мира?

Он подошел ближе, немного наклонившись над этим нечто. Нечто медленно перевернулось, позволив Минкё увидеть в свете фонарей и тусклой луны девичье лицо, от такого освещения казавшееся еще бледнее, чем сама луна. Дыхание перехватило, потом он резко и громко вдохнул воздух. Девушка открыла глаза, еще несколько секунд была неподвижна, потом хотела закричать, но закрыла себе рот обеими руками. Стакан все-таки оказался на полу.

– Ты кто? – первое, что пришло в голову, спросил Минкё.

Вместо ответа девушка быстро собирала свои вещи и уже хотела сбежать, но Минкё успел схватить ее за руку.

– Еще раз спрашиваю, кто ты? Откуда?

Молчание. Добиться слова от этой девушке было равно тому же, что и от камня. Так все и продолжалось – он держал ее за локоть крепкою хваткой, а она молчала, изредка пытаясь вырваться.

– Так и будем продолжать в молчанку играть? – не выдержал Минкё.

Снова молчание.

– Ты что шумишь? Я тут, как кимчхи из лука*, а ты мне еще и спать не даешь, – начал Чонсу, спускаясь с лестницы и на ходу протирая глаза. – И тебе...

Он осекся, увидев еще одну непрошеную фигуру. Через две секунды помещение было освещено со всех сторон, после чего он отошел от выключателя и внимательнее рассмотрел немую сцену.

– Да ты та самая!.. – через несколько мгновений узнал он девушку. – Та, которую я тогда утром встретил, да?

Она снова не ответила, но вырваться уже перестала, просто спокойно стояла, так что Минкё со временем ослабил хватку, а потом и вовсе отпустил. Девушка ни на шаг не сдвинулась с места.

– Так ты ее знаешь? – спросил Минкё друга.

– Я ее видел один раз, недавно, она тогда утром из окна

вылезла. Но тогда я не обратил на это особо внимания, а потом забыл. Она неразговорчивая.

– Это да... А может, она нас просто не понимает?

Минкё внимательно посмотрел в лицо девушке, которая стояла полностью безучастная к разговору и вообще всему происходящему вокруг. Она была лет двадцати, а волосы прямые, черные, глаза с характерным азиатке разрезом, сама совсем невысокая...

– Аната ва даре деска**? – наугад спросил Минкё.

Девушка только еле заметно поморщилась, что, впрочем, и так осталось без внимания.

– Может, на мандаринском***? – предположил Чонсу.

Минкё уже задумался, как бы смог сказать эту фразу на другом языке, как девушка сама прервала молчание.

– Мне больше некуда идти... – еле слышно сказала она на чистом английском.

– Что ты сказала? – Чонсу подошел ближе, чтобы видеть ее лицо.

– ...некуда идти, – так же тихо проговорила девушка.

Она продолжала стоять неподвижно с поникшей головой, и только пальцы бессильно опущенных рук иногда подрагивали.

– Как твое имя? – спросил Минкё уже не так настойчиво.

Девушка посмотрела на него, изменив положение своей головы, наверное, впервые за пять минут, еще некоторое время недоверчиво вглядывалась и только потом ответила:

– Юэ.

– Так... для начала неплохо. Я – Минкё, это – Чонсу. Приятно познакомиться. Теперь рассказывай, кто ты и что у нас делаешь.

И она, еще немного поколебавшись и вновь опустив голову долу, начала говорить. Рассказ ее больше напоминал сюжет дешевого сериала, который обычно показывают на каком-нибудь NBC****, но по мере его продолжения и по мере того, сколько чувств она в него вкладывала, они по неволе начинали верить. Еще немного, и хотелось подойти к ней и утешить, погладив по спине. Она рассказывала о том, как ей нелегко приходилось жить в ее семье, и о том, что совсем не помнила родителей, даже не знала, где они есть и есть ли вообще. Рассказывала о том, что ей все это время приходилось жить с бабушкой, с которым уживаться было на редкость сложное мастерство, а соответствовать его требованиям – и подавно. Что дед настолько занят своей работой, что она целыми днями предоставлена себе. Да только в границах их дома. А когда она, наконец, вырвалась из этого замкнутого круга и оказалась за воротами дома, была самым счастливым человеком в мире. Но только куда идти, не знала.

– И вот я пришла сюда, – закончила Юэ. – Тут тогда никого не было, а потом появились вы.

– Да... – протянул Минкё. – Вот так история. И что ты теперь собираешься делать?

– Не знаю, – просто ответила она, не сумев сдержать зевок

при этом.

Рассказ занял дольше времени, чем ожидалось, и вот, небо над горизонтом уже начало понемногу светлеть, превращаясь из темно-синего в серый. Друзья переглянулись.

– Давай-ка иди на второй этаж, – сказал Минкё. – Утром решим, что с тобой делать.

– А? – тихо переспросила она, внимательно взглянув сначала на одного, потом на второго.

Затем, не дожидаясь слишком много времени, она поднялась по лестнице, оставив друзей одних решать ее дальнейшую нелегкую судьбу.

Небо все светлело, и количество зевков с обеих сторон можно было насчитать числом около сотни вследствие недосыпания, но совещание еще долго продолжалось. Начав с вопроса о том, что зачем вообще они оставили неизвестную бродяжку у себя, все продолжилось выражением жалости с одной стороны и высокой оценки ее внешности – с другой. Обсудив еще пару общих вопросов, они пришли к неутешительному выводу, что стрелки часов неумолимо приближаются ко времени открытия, и оставалось совсем немного, а гостя все оставалась у них на втором этаже.

– И что, мы оставим ее на весь день? – спросил Чонсу с подозрением.

– Ну не выгонять же, – ответил на это Минкё.

При этих словах через черный ход зашел Йи-фэй, обозначая начало рабочего дня, и все покатилося так, как и должно

было быть. Кроме разве что регулярных взглядов, которыми обменивались друзья, без слов понимая друг друга – оба думали о загадочной ночной посетительнице, которая не показывалась до сих пор.

*как кимчхи из лука – пословица, означает: очень устать, переутомиться

**Аната ва даре деска? – Вы кто?, яп.

***мандаринский – один из диалектов китайского

****NBC – телевизионный канал в США

День подкрадывался к своему логическому завершению мучительно медленно. Посетителей по сравнению с днем открытия заметно прибавилось, и дела мало-помалу начали идти вверх. Но для двух друзей в данном случае это не имело никакого значения. Куда больше их мысли занимала неизвестная гостья на втором этаже, и когда ушел последний посетитель, и Йи-фэй, как всегда периодически ворча, перевернул табличку и попрощался со своими формальными начальниками, Минкё и Чонсу чуть ли не наперегонки побежали к заветной двери. К ручке двери они потянулись одновременно и...

Никого не обнаружили. В комнате было совершенно пусто, абсолютно никого! Они могли поклясться, что внимательно следили за выходом в течение всего дня, и ни скрипа двери, ни даже единого шороха не слышали отсюда, и вот теперь только ветер, дувший в раскрытое окно, был единствен-

ным обитателем комнаты на втором этаже.

Чонсу подошел к окну, перевесившись через подоконник, насколько позволял инстинкт самосохранения. Внизу густела мягкая зеленая трава, на которой был раскидан различный мусор, который они так и не убрали еще с позавчера, а со стороны дороги доносились редкие сигналы автомобилей. Минкё тоже подошел к окну.

– Высоко... – только и сказал он, оценивая расстояние для прыжка. – Зато меньше мороки с ней.

Чонсу еще некоторое время смотрел вниз и только потом отошел от окна. Солнце уже коснулось горизонта, становилось прохладно, и стоять так, на сквозняке было бы беспечно.

Тем более что появилась еще одна проблема. Мало кто из посетителей мог бы пожаловаться на мастерство подготовки их повара, но мастерство это требовало определенных затрат, и немалых, надо сказать. Для самых простых блюд типа яичницы с беконом он брал дорогие продукты. О фаршированном гусе и говорить нечего. Так за очень малое количество времени месячные запасы быстро и невосполнимо подходили к концу, а выручка кафе еще не могла позволить такого неосторожного обращения с бюджетом. И скоро настал вопрос: переходить на более экономное меню или сходить к всемогущему инвестору.

Через несколько дней Минкё так и собрался сделать, снова загадочно и без лишних слов исчезнув в только ему од-

ному известном направлении ближе к вечеру под наползающие на Манхеттен раскаты грома. К концу дня посетителей было не так много, так что отсутствие одного работника, пусть даже и ключевого, было не так заметно. К ним чаще всего заходили трех-четырёх часов пополудни. Посетителей не так много, как хотелось бы, но даже устоялось что-то вроде постоянной аудитории, по большей части те, у кого место работы или жительства было рядом. Бюджет неумолимо сокращался, так что с французской кухней скрепя сердце пришлось прощаться, плавно переходя на американскую. Майк, демонстрируя чудеса своего кулинарного искусства, без лишней заминки изменил все свои блюда за одно утро, но время от времени все же ворчал.

Буря уже не на шутку разгулялась, когда Минкё, наконец, вернулся. Вернулся весь промокший и изрядно поникший. В кафе уже никого не оставалось, только Чонсу сидел над корейско-английским словарем, разучивая новые слова и изредка поглядывая в окно.

– Вернулся, наконец? – бросил он в сторону друга, даже не оторвав взгляд от словаря.

Тот не ответил. Просто прошел вглубь помещения и уселся напротив Чонсу.

– Где был? – В этот раз он все-таки посмотрел на Минкё, мало узнав в страдающем всеми тяготами мира субъекте прежде фонтанирующего весельем и жизнерадостностью молодого человека.

– Просил дополнительные инвестиции, – наконец ответил Минкё.

– У кого?

– У господина Лу... Чонсу!.. – он посмотрел в глаза другу, и тот вдруг почувствовал весь страх и всю безысходность, что была в душе Минкё несколько часов. – Мы не можем стать банкротами, иначе... – Он запнулся на полуслове. – Они меня даже к нему не пустили, сказали только, что мы можем располагать только той суммой, которую нам дали на месяц.

– Что, все настолько плохо?

Минкё только махнул рукой куда-то в сторону, что выглядело намного безнадежней тысячи слов. Такой настрой у своего друга Чонсу видел лишь раз или два в жизни – обычно тот отличался крайней жизнерадостностью. Но не теперь. О подлинных причинах таких слов Чонсу решил до поры до времени оставить на распоряжение одного Минкё. Сейчас стоило подумать о более насущных проблемах. Откуда взять деньги, например.

Этот вопрос волновал все великие и не очень умы человечества. Теперь настал и их черед. Только если пойти ночью на подработку или... Перед глазами Чонсу вдруг возникла, будто настоящая, визитка того самого мистера Финкла. Решив, что в экстремальных ситуациях все средства хороши, Чонсу со скоростью молнии помчался за своей курткой. Он ясно помнил, что положил визитку туда. Только бы не поте-

рялась...

– Ты куда? – спросил его Минкё, видя, как он понесся на второй этаж, но вопрос остался без ответа.

Нашел! Помятую и немного порванную, но нашел среди прочего бумажного хлама.

– Может быть, не все так плохо, – начал Чонсу, спускаясь с лестницы. – Возможно, у нас есть еще один источник заработка.

Минкё только недоверчиво посмотрел на друга, продолжая и дальше пребывать в депрессии средней тяжести. Обычно все было наоборот, и именно ему, Минкё, приходилось успокаивать друга после той или иной неудачи. Взять хотя бы сравнительно недавнее неудачное поступление в Национальный Университет Чхоннам. Но в этот раз именно Чонсу приходилось всеми силами поддерживать настроение друга от окончательного падения дальше вниз. Он вовсе не был уверен в том, что что-нибудь из этого выйдет, но и сидеть сложа руки вовсе не собирался.

– Куда звонишь? – Минкё немного отвлекся от своей временной депрессии и теперь заинтересованно наблюдал, как Чонсу сосредоточенно набирает чей-то номер у себя в телефоне.

Чонсу только приложил палец к губам и поднес трубку телефона к уху. Гудки продолжались долго, пришлось набрать еще раз. Ответили только на последнем гудке, да так громко, что и Минкё мог слышать их беседу, хотя находился на

достаточном расстоянии.

– Финкл слушает, – донеслось с другой стороны связи.

– Здравствуйте, мистер Финкл, – начал говорить Чонсу, как-то сразу стушевавшись. – Вы, наверное, меня не помните, но вы несколько раз приходили в кафе «Черный кофе и белый шоколад» и...

– А... Отчего же, прекрасно помню. Что, надумали?

– Да, только...

– Мне жаль, но основная вакансия уже занята.

– И больше работы нет? – еде слышно спросил Чонсу.

– Дайте подумать... – На том конце связи настала тишина в несколько секунд. – У нас еще есть эпизодическая роль. Вам подойдет?

– Да! – не раздумывая согласился Чонсу сам не зная на что.

– Хорошо. Тогда подъезжайте завтра к...

Дальнейший разговор Минкё оставил только на этих двоих, утомившись от прослушивания диалога, предмет которого ему все равно был пока не понятен. Но это пока. Как только Чонсу закончил разговаривать, его глаза уже выражали немой вопрос, ответ на который требовался незамедлительно. Пришлось Чонсу рассказывать все по порядку, начиная с того самого дня, как он увидел Финкла в первый раз и сначала подумал, что он один из агентов господина Канга.

– В общем, вот так, – закончил Чонсу. – И теперь я участвую в какой-то «эпизодической» роли.

– Это значит «маленькая», на втором плане, – пояснил непонятное английское слово Минкё. – Так значит, ты у нас актером заделался, а мне даже ничего не сказал? Вот оболтус...

– Актером? – неподдельно удивился Чонсу. – А я думал, я должен там всякие предметы подносить, что-то делать.

Настало молчание с обоих концов столика, места, ставшего уже привычным для ночных посиделок друзей, когда обсуждались глобальные проблемы маленького мирка их собственного кафе.

– Так это что, мне теперь сниматься? – неожиданно воскликнул Чонсу, вдруг осознав все подробности ситуации.

– А ты как думал? А что? Лицо смазливое, как у Ли Чон Сока, рост немаленький... Вполне. Ладно уж, обойдемся без тебя несколько дней.

Чонсу хотел сказать еще что-то, да так и остался с открытым ртом. В любых других ситуациях Минкё бы разразился сотнями вопросов и тысячами проклятий, но не сегодня, лишь всего-навсего поддакнув другу.

На этом разговор и закончился с обоих концов столика, а отзвуки его медленно переместились на второй этаж, окончательно стихнув на подушках.

Следующий день умопомрачительно отличался от предыдущего. Во-первых, небо решило восполнить весь недостаток влаги за полторы недели в один день, обрушивая на ули-

цы Нью-Йорка тонны дождевой воды, так что на несколько секунд можно было ощутить себя в бассейне, просто выйдя на улицу. Во-вторых, мусоровывоз решал забыть о существовании их кафе вот уже который день, так что весь мусор, скопившийся за это время, попросту мокнул под дождем, превращаясь в мусорную кашу. В-третьих, одного работника все-таки очень не хватало.

Чонсу воплотил свое намерение, отправился по названному адресу, с самого утра находясь в тесной кабинке, или, как их называли, трейлере, забытый и на некоторое время никому не нужный. Он уже собирался уходить, как вдруг о нем вспомнили, всунув в руки бумаги, сценарий, как он понял. Мало слов и минимум действий, но...

– Вы хотите, – воскликнул он, даже встав со стула от такого, потом продолжил спокойнее: – вы хотите, чтобы я был северным...

Дальше он выговорить не смог и только сминал в пальцах листок в нервном напряжении.

– Успокойся, – донесся до него голос откуда-то слева. Как оказалось, голос принадлежал женщине средних лет, сидевшей у зеркала и выкуривающей сигарету. – Некоторые начинали и с роли похуже. У тебя ведь это первая роль?

Чонсу только кивнул, вновь усевшись на свой стул и продолжив читать сценарий.

– Вот я, например, начинала с клоуна, с самого настоящего клоуна, – продолжала женщина. – Так что тебе, может

быть, еще повезло.

Дальше ей продолжать не пришлось, потому как всех позвали на площадку. Режиссер сказал, что дождь в самый раз для этой сцены, иначе бы пришлось всех поливать из шланга.

Насколько понял Чонсу, он должен был играть одного из противников протагониста, который тут же, спустя десять минут и побеждает персонажа Чонсу, пораженного рукой главного героя. Должен был играть злодея, человека, выходца из коммунистического соседа его родины. Все ради денег – твердил он себе после того, как более менее смирился с обстоятельствами и с тем, что черный костюм сильно жмет. Основная площадка съемок была в Лос-Анджелесе, но эти сцены требовалось снять именно тут. И вот теперь он стоял столбом перед камерой, даже не зная, что нужно сделать.

– Стоп! Снято... – в третий раз крикнул режиссер из-под большого зонта. – Ким Чон...

– Чонсу, – шепнул он.

– Да неважно. Сколько раз тебе повторять? Ты должен нападать на него, на-па-дать. Что тут неясного?

Чонсу посмотрел на актера, исполняющего главную роль, прикинув с какой стороны бы лучше ему нападать. Он никогда не занимался боевыми искусствами и, конечно, не дрался где-нибудь в закоулках, поэтому ему просто сложно было представить, как именно нужно нападать. Съемки были рассчитаны на несколько дней, по возможности два, но с таким черепашьям прогрессом могли растянуться на неделю.

Камера вновь заработала, и съемка началась. На этот раз Чонсу уже не стоял неподвижно. Собрав все свои силы и обрывки памяти о просмотренных боевиках, он, сказав несколько реплик, которые и должен был сказать, ринулся на главного героя, да так красиво и завораживающе, что заставил остолбенеть не только обслуживающий персонал, но и режиссера и даже самого главного актера, который вспомнил, что надо защищаться лишь в последний момент. И этот эффект неожиданности был захвачен камерой в качестве блистательной импровизации. В следующий момент Чонсу упал к ногам победителя. И пусть он снимался только в этот день и еще снимется завтра-послезавтра несколько раз в массовке, но это запомнилось ему надолго.

Как и его лицо режиссеру фильма. Далекое не профессионал, но довольно талантливый, Чонсу в числе немногих остался в памяти режиссера, долго не выпускающего такие лица из головы.

Два дня Чонсу приходил на площадку, снимаясь в качестве массовки за спиной главного злодея, на роль которого его сначала и хотели взять. Его лицо даже несколько раз брали крупным планом на секунду. Весь этот мир американского кино был такой интересный и завораживающий, что Чонсу и вовсе забыл, что здесь он только ради денег, которые нужны для поддержания кафе на плаву.

В отличие от его друга, который ворчал день ото дня по поводу недостающих пары рук, что прохлаждаются где-то в

звездной атмосфере. Минкё и сам был бы не прочь сняться на пять минут в каком-нибудь малобюджетном фильме, но чтобы его друг его же обошел – такое ему было сложно перенести, несмотря на то, что он так легкомысленно его отпустил. Денежные запасы истекали со скоростью ветра, и скоро два единственных работника уже могли устроить забастовку, а Чонсу все не было.

Но вместо него под вечер последнего дня его кинематографической эксплуатации появилась их давняя знакомая, Юэ.

В тот вечер Минкё сидел за одним из столиков уже закрывшегося кафе и читал свою любимую книжку Хемингуэя. Он был совсем один, Майкл и Йи-фэй уже ушли, а Чонсу еще не вернулся. Минкё привык, что тот возвращается где-то ближе к полуночи, так что оставалось еще пару часов одиночества.

Но неожиданно раздался тихий стук во входную дверь, будто кошка лапкой поскребла. Пришлось идти открывать, потому что по всем законам криминального города Минкё уже закрыл все замки. За дверью стояла Юэ, прижимая к себе небольшую спортивную сумку, чем немало удивила Минкё.

– Прошу вас, – говоря это она даже поклонилась, – позвольте мне пожить у вас некоторое время. Мне совсем некуда идти.

Так она и оставалась в таком положении, пока Минкё не

прикоснулся к ее плечу.

– Заходи. Внутри поговорим.

Она зашла в здание через главный вход, впервые, наверное.

– Ну, что у тебя стряслось теперь? Рассказывай, почему сбежала в прошлый раз?

Минкё уселся на свое привычное место, скрестив пальца и подперев ими голову. Он слушал ее, слушал, будто учитель нерадивую ученицу, а она стояла перед ним все в той же куртке с капюшоном и рассказывала. Рассказывала, что в тот раз испугалась, что ей совершенно некуда идти, и то место, которое она нашла, на стройке, очень холодное и крайне опасное, что они вдвоем, Минкё и Чонсу, ей самые близкие люди, хотя знает их не более часа, если сложить все из встречи вместе.

– Пожалуйста, позвольте мне пожить у вас совсем немного, я вас не обременю, – закончила она. – Я... работать могу! Убираться, полы мыть, столики протирать. Я все для вас сделаю.

– А что... – задумчиво произнес Минкё. – Принята.

– М?

– Принята на работу. Спать будешь на втором этаже, только больше не сбежать. Если захочешь выйти на улицу, просто скажи. Будешь работать официанткой.

Девушка не верила своим ушам. С каждой секундой глаза ее распахивались все шире и блестели как агаты. Ей дума-

лось, придется убеждать владельцев полночи, а хватило всего пяти минут.

– Спасибо, – вновь немного неуклюже поклонилась она. – Большое спасибо вам.

– А теперь иди наверх, располагайся. Диван твой.

Девушка пулей улетела на второй этаж, оставив Минкё раздумывать над тем, как он так легко на все согласился. Откуда она взялась? Кто вообще такая? Он совершенно ничего не знал о ней, в то же время согласившись пустить ее в дом. В растерянности он снова взялся за книжку, но всего лишь пробежал строки глазами, даже не вдумываясь в их смысл. Небо очистилось под вечер, и нарождающийся месяц весело светил в большое окно, около которого он сидел, светил в компании с электрической луной, устало заглядывающей в то же самое окно.

Списав, наконец, все на временное помешательство, которое ни при каких обстоятельствах не должно повториться вновь, Минкё вновь принялся за книжку, читая уже теперь вдумчиво и с легким сердцем.

Еще через час через черный ход явился Чонсу. До сих пор находясь под впечатлением от съемок, он не мог скрыть своего воодушевления, и даже та новость, то ему заплатили крайне мало, не могла омрачить его настроения. Ведь заплатили же. Он подлетел к Минкё, который в очередной раз был вынужден отложить книгу, и начал рассказывать все в подробностях, закончив сожалением о том, что больше сниматься

не будет.

– А деньги? – наконец не выдержал Минкё.

– Не то, чтобы много... – чуть помрачнев, сказал Чонсу. –

В общем, вот.

Он вынул из кармана семьсот долларов и положил на стол.

Увидев всю сумму снова, он помрачнел по-настоящему.

– Не густо, – заключил Минкё. – Но ладно, как-нибудь прорвемся.

Юэ до сих пор не появлялась, так что Минкё решил устроить сюрприз.

– Кстати, на второй этаж пока не заходи. Там наш новый работник.

– Ты еще одного нанял? Зачем? Когда?

– Только что.

Словно услышав, что говорят именно о ней, Юэ появилась на лестнице, уже переодевшаяся и посвежевшая, будто ей и полутора часов хватило для того, чтобы отдохнуть как следует.

– Опять ты! – Чонсу не поверил своим глазам, для верности сильно протерев их. От непомерного удивления он даже забыл перейти на английский, что, в принципе, не помешало Юэ его понять в общих чертах.

Она просто смотрела на него, немного опустив голову, что смотрелось немного комично в ее положении – она все еще оставалась на вершине лестницы. А Чонсу смотрел наверх, не произнося ни слова – все слова у него застряли где-то в

горле.

– Знакомься, – прервал немую сцену Минкё, – наш новый работник.

– Я уже понял... – тихо ответил Чонсу.

Юэ все это время помалкивала, положившись на волю обоих владельцев кафе, и только раз предложила сделать чашку кофе. Говорила она исключительно по-английски, так что ее можно было принять за чистую американку, если не принимать во внимание ее внешность.

Спустя еще несколько уточняющих фраз и объяснений настал главный вопрос: если Юэ отдан диван, то куда девать еще одного человека? На втором этаже была маленькая комната, отделенная от основной ненадежной перегородкой, но она была пуста. Туда условились перенести диван, а второго человека на первых порах положить на скрепленные скотчем стулья, просто потому что на полу холодно. Теперь вакантным местом у друзей стало считаться кресло. Спустя еще полчаса сооружения новой постели и розыгрыша кресла в кави-бави-бо* все улеглись по своим местам. Было немного немало два часа ночи.

*кави-бави-бо – камень-ножницы бумага

Утром солнце выглянуло из-за туч впервые за несколько дней, разбудив тем самым Чонсу. Несмотря на то, что новоявленная кровать досталась ему, он на удивление хорошо выспался всего за несколько часов и теперь слушал еще неко-

торое время щебетание птиц, проникающее в приоткрытое окно, прямо около которого и стояла кровать. До начала нового рабочего дня оставалось еще три часа, так что можно было и поваляться немного. Минкё изредка тихо подхрапывал в аккомпанемент маленьким летающим певунам.

Чонсу уже забыл обо всем и готов был честно заснуть еще на полчаса, как вдруг дверь в маленькую комнату раскрылась, пропуская легкую тень. Спустя еще несколько секунд Чонсу оказался на полу вследствие своего стремительного порыва встать с самодельной постели. О том, что у них появился еще один постоянный житель, он вспомнил только, когда сама Юэ его успокоила, что это она и никто другой.

– Прости, совсем забыл, – наконец сказал Чонсу, немного успокоившись и придя к выводу, что нервы у него совсем не на месте и надо бы попить успокоительное.

– Поспи еще, – продолжила Юэ шепотом, стараясь не разбудить Минкё, который только перевернулся на другой бок. – Я привыкла рано вставать.

«Куда уж тут спать...» – подумал Чонсу, ответив вместо этого:

– Да, я тоже привык.

Они вдвоем спустились на первый этаж и Юэ, считая это своим неотъемлемым долгом, приготовила обоим по чашке кофе и соорудила несколько тостов с джемом. Чонсу все это время смотрел на просыпающуюся улицу. Смотрел, как солнечный свет разливается по зданиям, по припаркованным

автомобилям и деревьям, захватывая в свои владения все больше территории, кан за каном. Смотрел, как несколько людей, занимающихся пробежкой, пробежали мимо большого окна, как еще один человек вышел выгуливать свою собаку. Смотрел и думал, что неплохо было бы съездить на родину, что он даже съездит туда вместе с Минкё, как только они заработают побольше, думал, что все-таки они выбрали неплохое здание и плевать, что их инвестор так беспощаден к ним и их денежным запасам. Думал, что это совсем неплохо, что у них появилась Юэ.

– Пожалуйста, – прервала его поток мыслей Юэ, предлагая небольшой завтрак.

– А... Спасибо, – опомнился Чонсу, принимаясь за тосты. Оказалось, он чертовски хотел есть, но по-настоящему понял это только сейчас.

Они жевали свои тосты и пили кофе, не произнося ни слова. Юэ боялась сказать что-то не то, да и вообще она боялась произнести что-то. А Чонсу просто не знал, что сказать. Они просто смотрели в разные стороны, изредка встречаясь взглядами, пока не пришел Минкё, сонно протирая глаза и выговаривая всем кому не лень свое недовольство тем, что кто-то не закрыл окно на ночь, и теперь вполне возможно, что он простынет.

– О, у нас тут завтрак? – прервал он спустя несколько минут самого себя. – Что ж вы меня раньше не позвали?

Он тут же уселся за столик, сметая оставшуюся половину

тостов с джемом. Юэ тем временем, не сказав ни слова, пошла заваривать еще одну чашку кофе. Минкё принес некоторое оживление в их молчаливую атмосферу и уже через пять секунд разговаривал обо всем, чем можно и нельзя. Например, о том, что как бы не завелись тараканы на кухне или что еще немного и надо будет появиться, наконец, в университете.

Так тихо и незаметно начался еще один рабочий день, как всегда обозначившийся ранним приходом Йи-фэй и извечным опозданием Майкла, который дня не мог прожить без какой-нибудь критики в сторону кафе или самих владельцев, что, впрочем, не воспринималось всерьез. Это скорее было традицией.

Вообще Майкл оказался неплохим парнем, хотя Чонсу первое время его старался обходить стороной – Майкл был выше его на полголовы. Да и ворчал он часто, потом в секунду обращая все это в шутку. Он был совсем непостоянен в своем настроении: если сейчас он совершенно серьезно что-то выговаривает Йи-фэй, за которым так и осталось имя Джонни, то через пять минут мог смеяться самым заливистым и заражающим смехом. Но самым главным его дарованием было кухня. Будь он в сквернейшем настроении или в наилучшем, он всегда сможет приготовить самого отменного лобстера или сербские котлетки, поэтому, несмотря на некоторое причуды его как бога кухни, Майкла ни за что не хотели увольнять.

– Так откуда у тебя акцент был? – как-то раз спросил его Минкё, когда было самое непопулярное время для посещения кафе и они просиживали свободное время на кухне. Проблема с деньгами кое-как разрешилась, и деньги, заработанные Чонсу, играли в этом не последнюю роль, и теперь можно было сказать о некотором спокойствии на душе.

– Долго рассказывать, – отмахнулся Майкл.

– А я бы послушал, – не отставал Минкё.

Тогда снова был дождливый день – самое время для всяких историй. Чонсу был у кассы, а Йи-фэй вместе с Юэ, которая прекрасно влилась в их небольшой коллектив. Дело было в последние дни лета.

– Ну что ж... – начал Майкл, отложив полотенце, которым намеревался взяться за горячую кастрюлю. – Наверное, ты знаешь, что я приехал сюда ребенком, мне не было и десяти. А приехав сюда с родителями, долго не мог научиться ни разговаривать нормально, ни жить по здешним законам. Но как-то потом начало складываться, склеиваться... Много чего произошло. Учился в школе, но не поступил в кулинарное училище, встречался с классной девушкой, но она меня кинула спустя три года. Так что вот так.

– А откуда приехал-то?

– А я не сказал? – удивился Майкл. – Из Ленинграда. Точнее, сейчас это Петербург. Тогда меня Михаилом звали.

– Ничего себе... – ахнул Минкё. – Из России?

– Ну да, откуда ж еще? Не из Флориды же.*

– Вот это да... Мы с тобой знакомы полгода, но это слышу в первый раз.

В ответ на это Майкл только пожал плечами, как бы говоря, что ничего особенного в этом вовсе нет. Посидев еще с минуту на стуле, он вновь принялся за бульон для супа, оставив Минкё одного в своих раздумьях, которые были прерваны только Юэ, зашедшей на кухню отпроситься буквально на час, максимум – полтора, на что Минкё даже не отреагировал должным образом, а когда понял суть происходящего, то Юэ уже и след простыл. «Своенравная девчонка», – пробормотал Минкё, выяснив такую деталь.

И так прошел еще один день, похожий на десятки таких же за недолгое время существования их кафе. И все было бы ничего, и этот день закончился так же, как и десятки предыдущих, если бы не одно но.

Тогда никого не было на кухне, и даже Майкл вышел оттуда по причине естественной нужды, и это оказалось к счастью, потому что следующее событие произошло в мгновение ока, а может, и быстрее. Никого не было, и никто не был в силах помешать случившемуся.

*...не из Флориды же – в штате Флорида также есть город Санкт-Петербург

Все началось с малого, настолько малого, что даже и определить было бы сложно. Может, это была искра, вылетевшая из проводки, может, конфорка была слишком нагретой,

что просто не выдержала такого напора тепла, а может, просто кто-то нарочно выкинул в раскрытое окно окурок сигареты... Предположений может быть тысяча, но итог один – занялся пожар. Сначала слегка и совсем неопасно, но вследствие долгого отсутствия Майкла, огонек все разрастался и разрастался, превращаясь в опасный огонь.

Сначала его унюхал не кто иной как Йи-фэй, попросту проходя в непосредственной близости от кухни, вначале счел это новым блюдом Майкла. В этот день выпало больше заказов, чем обычно, и должного внимания он на это не обратил.

Вторым обратил внимание на подозрительный запах Чонсу, но его отвлекли какой-то просьбой и он так и не смог узнать, что же такое может твориться на кухне.

И только когда на кухню вернулся сам Майкл, точнее только приоткрыл дверь, потому что дальше пройти уже было невозможно, был выяснен главный виновник такого неприятного запаха. Горела уже половина кухни, и многое просто не подлежало восстановлению.

– Черт!.. – только и нашлись слова у него.

Медленно сделав пару шагов назад, он побежал к Минкё, благо, он находился ближе всех. С кухни уже повалил дым.

– Где ваша чертова пожарная сигнализация?! Тут полкафе горит, а они ни сном ни духом!..

Минкё еще с несколько секунд смотрел на Майкла, как на умалишенного, но как только все понял, мгновенно изменился в лице. Без лишних слов он схватил свой сотовый и

набрал 911, коротко сообщив адрес.

– Забыли мы про сигнализацию...

Первым делом, пока ехала пожарная машина, они вывели немногих посетителей, как бы забыв вернуть им неиспользованные деньги. Потом вся честная компания, за исключением Юэ, побежала к колонке с водой, которая стояла совсем неподалеку. Юэ для экономии времени включала колонку, когда подбегал очередной человек с ведром.

– Неплохая пробежка, – на бегу сказал Минкё, в тридцатый раз подбегая к колонке.

Около кафе собирались зеваки, которым больше не на что было смотреть.

– Но как мы могли забыть о сигнализации? – в ответ сказал Чонсу, бежав в другую сторону, к кафе.

Так они и пробегали, пока не приехала пожарная машина дотушевывать оставшееся. Бравые американские пожарники бесстрашно вошли в кафе в специальных костюмах и в касках, чтобы затушить печку и стол, от которого остались только догоревшие дрова. Уже довольно стемнело, когда была потушена последняя искорка.

– В следующий раз будьте осторожнее, – сказал бравый американский пожарник свою стандартную фразу.

После такого нерадостного приключения вся компания собралась в главном зале, усевшись кто где. Кто – опустив руки, так что они свисали ниже сидения стула, кто – вовсе вразвалку. Все устали настолько, что лень было пойти и включить

свет. Хотя навряд ли он бы загорелся – вполне возможно, что была нарушена проводка. Единственное, чего хотелось – это просто посидеть вот так, вразвалку. Даже Юэ, работа которой казалась самой легкой, сидела, еле дыша.

– Кажется, нам снова придется прибегнуть к кинематографической помощи Чонсу, – в насмешку сказал Минкё. Даже в такой ситуации он не переставал шутить.

Чонсу только скосил глаза на друга, а потом опять устался в одну точку. От них всех пахло гарью, но по известному закону, они этого не чувствовали. Они просто сидели, оценивая урон.

А урон был колоссальный. Вся кухня и плюс к этому еще и половина закопченных стен около нее. Работы на неделю, если не больше, и на несколько сот тысяч долларов.

В компенсации убытков инвестором было отказано.

Они починили все за восемь дней, и теперь пахло не гарью, а новой краской. Наученные горьким опытом, Минкё и Чонсу решили установить пожарную сигнализацию, что тоже потребовало немалых расходов. Но это лучше, чем пережить пожар снова.

Они продолжали жить втроем, и Минкё добился того, что его лишили места в общежитии. Сам он не особо горевал, ведь у него был целый дом. Больше убивался по нему Уилл, без конца сострадавая Минкё, что ему теперь негде жить. Минкё так и не смог его убедить в том, что у него есть местечко

получше.

– Такое ощущение, что нам остается готовить один рис, да подавать его с нурунчжи*, – сказал одним днем на исходе месяца со дня открытия кафе Минкё.

– Может, наскребем до следующей подачи, – ответил Чонсу.

Деньги от Лу Чаошена он воспринимал не иначе, как подачку, и с большим доверием относился к тем центам, что доставались от кафе. Он так и не привык доверять «этому китайскому аферисту», как он выражался сам.

Был ли Минкё провидцем – неизвестно, но спустя еще два дня после местной огненной катастрофы Чонсу позвонили и снова предложили сняться в эпизодической роли, но теперь уже более важной. Это был тот же самый режиссер, который только что закончил работать над прошлым проектом и теперь взялся за новый. Он говорил быстро, ведь каждая минута была на вес золота, так что Чонсу понял только половину из всего того, что хотел сказать режиссер, поэтому быстро согласился, только потом спросив Минкё, что это значит.

– Да ты у нас айдол**! – вместо ответа сказал Минкё, хлопнув друга по плечу.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Чонсу. – Ты лучше скажи, что значат его слова.

– Ну ладно... Так, слушай сюда. Тебя пригласили на вторые роли, половина фильма будет сниматься в Нью-Йорке. Будешь играть друга главного героя, который плохо говорит

по-английски, так что с языком тебе заморачиваться не стоит...

И объяснения в этом же духе продолжались еще с пятнадцать минут, хотя речь самого режиссера заняла всего пару минут. С постоянными комментариями и порой притворными причитаниями по поводу того, что сниматься берут именно Чонсу, а не его, Минкё, признанного актера, он справился с объяснением всего лишь за каких-то полчаса. Но если взглянуть на предстоящую работу по покраске и отделке большой территории, то его можно было понять, потому что он всего лишь отлынивал от работы, к которой уже давно приступили Майкл и Йи-фэй. Юэ тоже красила стены, надев на себя медицинскую марлевую повязку, за которой сбегала в аптеку. Она и для других запаслась этим сокровищем, но Майкл просто напроосто сказал, что ему нравится запах краски, а Йи-фэй просто отвернулся, продолжив водить растрепанной кистью по стене. Юэ пожалала плечами и отложила маски в сторону.

Покончив с объяснениями, Минкё наконец взялся за надлежащую работу, прихватив так кстати лежащую на покрытом целлофаном столе медицинскую маску. Так же сделал и Чонсу, потому что на съемки надо было явиться только завтра.

– Аяа... – вдруг воскликнула Юэ.

– Что такое? – Минкё нехотя оторвался от работы и подошел к ней. Одновременно с ним подбежал и Чонсу с немым

вопросом в глазах. Остальные двое продолжали работать, не отвлекаясь на всякие пустяки.

Оказалось, Юэ нечаянно уронила кисточку, на которой была краска, и, как следствие, ее нос и правая половина лица были покрашены в бежевый цвет.

– О, что ж ты за растяпа... – произнес Минкё, доставая платок из своего кармана и принявшись вытирать ей нос.

– Ничего страшного, все в порядке, – сказала Юэ и отодвинула руку Минкё от своего лица одним красивым движением. Через секунду она отправилась к раковине в уборной. Минкё и Чонсу только переглянулись и одновременно пожали плечами, снова принявшись за свою работу. Как только Юэ вернулась обратно, они посадили ее отдыхать, потому что она «уже кисточку нормально держать не может», как выразился Минкё.

*айдол – восточноазиатская звезда шоу-бизнеса

Денег катастрофически не хватало, что было, в принципе, их обычным состоянием и к чему они уже успели привыкнуть. Жара громадного мегаполиса, который гудел, бряцал и пытел, потихоньку отступала, и уже не все ночи можно было назвать теплыми. Минкё снова начал ходить в университет, стараясь изо всех сил ради того, чтобы получить стипендию и сократить свои расходы в три раза, но все осложняло то, что он был так занят в своем кафе. Йи-фэй устроился подрабатывать вечерами на автозаправке, отговариваясь,

что это для того, чтобы заработать себе на мопед, а на деле ради того, чтобы купить новых шурупов и проводов. Одному Майклу было безразлично, что здесь творится. А Чонсу на следующий день отправился на съемки.

Этот день оказался тяжелым. Ему буквально всучили сценарий, особенно с ним не церемонясь и сказав, что через полчаса он уже должен участвовать в репетиции первых сцен. Впервые столкнувшись с такой круговертью более менее главных актеров, Чонсу сначала растерялся, даже не зная, что делать сначала: читать сценарий или пытаться привести себя хоть немного в порядок. Но то только сначала. Кое-как соориентировавшись, Чонсу отправился на первую репетицию. Теперь он намного меньше испытывал трудностей в языке, хотя все равно было сложно. Порой он клял себя за то, что не учил достойно язык в школе. Но сделанного, а точнее не сделанного, не воротишь, и приходилось выпутываться из всего этого своими силами. Притом что его роль ему очень подходила, этот герой тоже испытывал трудности в языке, и пара сцен была построена на недопонимании главного героя и Чжин Су, героя которого играл он. К тому же деньги, которые он зарабатывает, будут составлять ощутимый достаток их кафе, а их должно быть в разы больше, чем в прошлый раз. С этими мыслями Чонсу и отправился на репетицию. Для него все это было в новинку, и он не знал, что делать и что говорить. «По сценарию», – говорят ему, и он тут же смешался от такого приказа, но через несколько

минут понял, что надо только читать с бумажки, что он и сделал. Из-за своего акцента он удостоился только похвалы, впервые за все его пребывание в Америке. С каждой минутой он чувствовал себя все увереннее, из-за того ли, что роль подходила, из-за похвалы ли режиссера, а может, из-за чего-то еще.

Репетиция проходила хорошо, и вот-вот должны были начаться съемки. Чонсу стало казаться, что именно для этого он приехал в Америку, для съемок и всяких разных вещей из этого же рода. Но вдруг ему вспомнились трудовые будни в их кафе, вспомнилась истинная цель, ради которой он здесь. Все сразу встало на свои места, стерев временное помутнение. И, тем не менее, все проходило довольно удачно. В этот же день Чонсу познакомился с исполнителем главной роли, за которым фанатки носились и днем и ночью. Сам же он его нисколько не знал, на что Джейк Брайт, главный актер, выразил сначала крайнее удивление, которое ему плохо удалось скрыть, а потом и вовсе неприязнь, хотя на экране они выглядели закадычными друзьями, будто и не Минкэ был ему лучшим другом, а Джейк.

Фильм был комедийным, что вполне пришлось по душе Чонсу, ведь он сам был не прочь порой посмеяться у экрана телевизора. Теперь снимался сам. И это было довольно весело, если не учитывать постоянное игнорирование его Джейком. Но это было не так тяжело. У него появился свой личный гример, которого он первое время стеснялся и спраши-

вал, не помочь ли чем. Эта милая женщина совсем не привыкла к такому обращению, что заставляло смущаться ее саму.

А еще Чонсу стал замечать взгляд, устремленный только на него. Вот уже сколько времени, начиная с первого дня на него смотрела девушка в простой футболке и джинсах, с маленькой сумкой, накинутой через плечо. С блондинистыми волосами средней длины и европейским типом лица, примерно одного возраста с ним самим, или немножко младше, она все смотрела на него, если того позволяли съемки. Сначала Чонсу не замечал, но заметив, стал чувствовать себя не в своей тарелке. Кто она? Может, сталкер, как называли бы ее в Японии? Чонсу передернул плечами. Она просто молча смотрела на него. Но через несколько дней решилась подойти, только закончились съемки.

– Здравствуйте, – тихо произнесла она. Видимо хотела сказать еще что-то, но вдруг испугалась собственной смелости и замолчала.

– Здравствуй, – поздоровался с ней Чонсу. – Ты что-то хотела?

– Я... – совсем тихо сказал она. – Я хотела сказать, что я ваш поклонник.

Последнее она выпалила со скоростью пулеметной очереди и теперь стояла, будто ожидая приговора, с опущенной головой и плечами. А Чонсу только примерно представлял себе значение слова «поклонник», имея только общие пред-

ставления на эту тему. Он удивленно смотрел на девушку и совсем не знал, что можно сказать в таких ситуациях.

– Мне очень приятно... – наконец нашелся он.

Девушка посмотрела на него своими сверкающими глазами.

– Не могли бы вы дать мне свой автограф?

Тут Чонсу пришел в замешательство. Что это такое он вообще не знал, и ему пришлось только сохранять на своем лице глупую улыбку. Словно поняв, что Чонсу не знает этого слова, девушка уточнила:

– Расписаться.

При этом она показала в воздухе, будто что-то пишет. Этот жест Чонсу понял и взял бумажку, которую ему протягивала девушка. И тут настала новая задача. Он не знал, как это делается. Пораздумав немного, он просто на просто написал свое имя хангылем, потому что так и не выучился английской транскрипции своего имени.

– Меня Оливия зовут, – сказала как бы между прочим девушка.

И Чонсу добавил по-английски: Оливии. Не совсем понимая, что сейчас происходит, Чонсу отдал листочек обратно. Девушка все не уходила, зачарованно смотря на неизвестную для себя письменность.

– Ладно, я, наверное...

– Да-да, конечно, – спохватилась Оливия. – Извините, я вас задержала...

И она убежала, оглянувшись перед тем, как повернуть за угол здания, и помахав рукой. Чонсу помахал ей в ответ, немного улыбнувшись.

Все это время Чонсу приходил домой, словно выжатый лимон. Как бы это все и не было весело, но отнимало много сил. Он приходил домой, и его встречал такой же выжатый Минкё, потому что разрывался между работой и учебой, что было неподъемно сложно, если не невозможно. И только одна Юэ оставалась энергичной. За время проживания у них она стала выглядеть совершенно по-другому, повеселела и оживилась. Иногда Чонсу забывал обо всем, просто наблюдая, как Юэ порхает, протирая столики. И было в этом что-то легкое и непринужденное. И только через несколько дней он заметил такой же взгляд Минкё. Они вдруг переглянулись, но тут же уставились в разные стороны. Юэ словно не замечала обоих.

Съемки проходили удачно, от Чонсу не требовали высокопарных фраз по-английски, а акцент только приветствовался. Он уже и не мыслил себя без этих съемок и этой площадки. Из дома, а кафе он считал не иначе, как домом, он уходил очень рано и возвращался затемно. Все, что он делал дома – это подкручивал оставшиеся шурупы, если оставались силы, а потом падал спать на самодельную постель, которая тут же заставляла вспомнить его проживание у Сэхёка. Казалось, это было так давно! Но на деле прошел всего лишь год. Редко когда он поспевал к розыгрышу кресла.

На следующий день после знакомства с Оливией, он снова заметил девушку. После секунды раздумий помахал ей издалека, когда выдалась свободная минутка. Она помахала в ответ, а потом смущенно отвернулась. После этого ее не было еще несколько дней. Чонсу уже успел забыть о ней, все его сознание занимали съемки и, к чему лукавить, легкие движения Юэ, чего никогда не было с его прошлой девушкой. Здесь было что-то... нет, он бы не смог дать этому определение. Иногда она его раздражала, но порой завораживала. Он ничего не знал о ней, кроме того, о чем она сообщила сама. Иногда ему хотелось прикоснуться к ней на секунду, и он уже почти сделал это, когда пришел позже обычного, и все уже спали. Он долго смотрел на нее, спящую и беззащитную, потом протянул руку к ее руке, но в последний момент отдернул ее, вовремя опомнившись. Со скоростью ветра он покинул комнату, ей отведенную, осторожно прикрыв за собой дверь, но не совсем – нужно было оставить щелочку, чтобы проникал свежий воздух.

А на следующий день все заново. Эти съемки занимали дольше времени, ведь как никак он играл важную второстепенную роль. Он уже успел соскучиться по нелегким трудовым будням в их кафе, хотя будни на площадке были не менее сложными. Через несколько дней за ограждением съемочной площадки снова появилась Оливия, теперь уже менее застенчиво махающая Чонсу, как только его взгляд упадет на нее, случайно или намеренно. В конце дня у него по-

явилась неожиданная идея, которую он тут же и воплотил в жизнь, только съемки для него закончились. Он был очень благодарен своей первой и единственной поклоннице, поэтому тут же подошел к ней.

– Сегодня снова пришла? – сказал он, слегка улыбаясь. Все же ему было приятно внимание хоть одной, но поклонницы, несмотря на то, что он по-настоящему снялся только в нескольких минутах предыдущего фильма.

Оливия только кивнула, еще несколько секунд посмотрела Чонсу в глаза, а потом, опустила голову, заставив при этом немного смутиться и Чонсу. Непривычно ему было такое внимание, ведь куда более возможным ему казались замечания режиссера или выговоры Минкё.

– Знаешь, неплохо было бы нам сходить вместе куда-нибудь, – справившись со смущением, сказал Чонсу. – Ты ведь моя первая поклонница, поэтому я тебе очень признателен. Ты как?

Оливия снова посмотрела на него, теперь с некоторым интересом и немного заинтригованно.

– Буду только рада, – с некоторым запозданием сказала она, улыбнувшись.

Сегодня она была одета нарядней, в темно-синей юбке и замысловатой полупрозрачной блузке, будто знала, куда ее приведет конец вечера. Было довольно поздно, так что Чонсу не придумал ничего лучше, как отвести ее в кафе. Только не в свое. Там Юэ. Он еще не вполне понял, что именно он

чувствует к ней, но очень не хотел, чтобы она увидела его с другой девушкой, хоть она и была всего лишь его поклонницей.

– Обалдеть, я иду в кафе с... – восторженно сказала Оливия. Последнее слово Чонсу так и не понял, а переспросить постеснялся. Хоть уровень его английского и улучшался, с молодежным сленгом он не дружил, чего так не хотел показывать перед своей первой поклонницей. Казалось, она и не верит своему счастью, хотя для Чонсу было вовсе не понятным, что это за счастье такое – сходить с ним в кафе.

Они разговаривали о многом. В основном Оливия, или Олли, как она сама попросила ее называть, выспрашивала все подробности жизни Чонсу. Где он родился, где вырос, как жил, как приехал сюда. Чонсу отвечал не вполне охотно, многое пришлось умалчивать, например, свое неудачное поступление в университет или свое приключение с Кангом, что составляло немалую часть его недавней биографии. Оливия верила в то, что скоро Чонсу станет знаменитым, ведь слава следует за ним уже по пятам, и тогда она напишет самую лучшую первую статью о молодом актере, ведь сейчас она на первом курсе журналистики в колледже. Чонсу только тихо посмеивался над ее уверенностью.

На этой приятной ноте они и расстались на станции метро – ей нужно было в одну сторону, ему – в другую. Было без малого половина одиннадцатого.

Домой он, как всегда, вернулся довольно поздно, хотя все

его постоянные обитатели еще бодрствовали, протирая столики и подметая полы. Чонсу незаметно улыбнулся, увидев такую умиротворяющую картину. Юэ напевала себе что-то неизвестное и трудно идентифицируемое под нос, а Минкё тихо повторял свой завтрашний доклад. Будто Чонсу и не отсутствовал целый день неизвестно где.

– А вот и наш айдол пришел! – воскликнул Минкё, только услышал, как захлопнулась дверь. – Возвращаться к нам не собираешься?

Чонсу только хмыкнул в ответ на это. Сняв куртку и не тратя время на отдых, он принялся протирать окна, которые уже давно требовали внимания со своей стороны. Это занятие его всегда успокаивало и привлекало простотой своих действий. За время выполнения этих нехитрых движений можно было обдумать все на свете: от квантовой механики, если имеешь о ней хоть малое представление, до завтрашнего меню. Но времени было не настолько много, чтобы подумать обо всем, и оно быстро утекало, так что уже через полчаса пришлось бросить это умиротворяющее занятие, чтобы накопить энергию на следующий день.

– Ты в окнах дырку собрался протереть? – отвлек друга Минкё от важного занятия. – Подожди, они нам еще пригодятся.

– А... – начал было Чонсу. – Это я так.

Спустя еще несколько фраз было решено отправляться на боковую. Юэ уже давно исчезла, ее отсутствия даже не заме-

тили. Вроде как была, а вроде – уже и нет. Как всегда разыграв вакантное место в кресле, которое и на этот раз досталось Минкё, что заставило убедиться Чонсу в том, что тот все-таки мухлюет, друзья пошли спать.

Они спали без снов, и даже если они были, то ни один их не запомнил. Относительная тишина нью-йоркской ночи убаюкивала, не давая обращать внимание на что-либо, кроме своих собственных звуков: полицейской сирены и громкой музыки из машины за два квартала.

На следующее утро, благодаря ли пролетающего мимо небольшого метеорита или выхода нового фильма с участием давно надоевшей звезды, но друзья поменялись местами. Сказав, что ему позарез нужно побывать на первых двух лекциях, к которым к тому же добавился очень важный семинар, Минкё как можно скорее собрался в университет. Можно было бы и не спешить, но он опаздывал, причем настолько, что на дорогу у него оставалось всего десять минут. Чонсу же должен был присутствовать на съемках со второй половины дня, поэтому первую половину он без зазрения совести посвятил кафе. Он бы и вовсе остался в нем на весь день, но его съемки уже подходили к концу, оставалось всего несколько финальных сцен, и он надеялся расправиться с ними как можно быстрее. По этому поводу он взял давно забытый фартук и надел на себя.

День начался. Как всегда Юэ кружилась вокруг столиков, и только ей было известно, как она успевала обслужить

столько людей сразу. Как всегда Йи-фэй пару раз чуть не поругался с одним посетителем в старомодной шляпе, за что был удален на пять минут на кухню, откуда, тоже как всегда, доносились обрывки песен, распеваемых Майклом. А Чонсу просто стоял около кассы, делая капучино или помогая разносить заказы, если не хватало рук.

Все бы ничего. Кроме одного НО, принявшего очертания высокого бритоголового парня, державшего руки в карманах до тех пор, пока не высунул их для совсем необъективных действий. Он достал нож, заставив застыть на месте всех посетителей и работников кафе.

– Все деньги сюда! – крикнул он, вполне недвусмысленно угрожая Чонсу ножом, потому что он находился в непосредственной близости от кассы.

– Успокойтесь, пожалуйста... – Чонсу поднял руки в обезоруживающем жесте.

– Молчать! Деньги, говорю.

Вдруг все события почти годичной давности вспомнились вновь. Только теперь это была не ночь, а день, с длинным ножом в шершавой руке. На секунду Чонсу захотелось повторить все те трюки, которые он выполнял перед камерой, но это только на секунду. В жизни оказалось все серьезней, и он просто был под острием ножа, не особо вдохновляющего на подвиги. Это лезвие, этот острый кончик заставлял смотреть только на него, не обращая внимания на все остальное, сосредотачивая всю сущность вселенной только в одной

единственной точке, из которой было невозможно выпутаться. Вдруг перестало существовать все: и это кафе, и эта касса, и немногочисленные посетители, которые точно так же застыли в ожидании развязки. Чонсу не мог ни пошевелиться, ни вздохнуть, ни даже моргнуть.

– Быстрее! – поторопил его бритоголовый парень.

Чонсу пожалел, что в свое время они с Минкё не установили сигнализацию, напрямую соединяющую их с ближайшим отделом полиции, просто потому, что это было дорого, и они решили, что район самый что ни на есть спокойный, и ничего такого тут случиться не может. Проклиная Минкё за это сейчас, Чонсу против своей воли открыл кассу.

– Не здесь, – немного устало сказал парень. – У вас все деньги в другом месте.

– Больше нет...

– Ты мне еще тут пререкаться будешь?.. Да я... Ауч!

Многозначительная речь парня была прервана внезапным ударом со спины, да так, что он согнулся пополам, чуть не выпустив из рук нож. Сзади него возникла хрупкая фигурка Юэ, вставшая в одну из тех поз, которую раньше Чонсу доводилось видеть только в кино. Бандит не растерялся и уже через секунду выпрямился, повернувшись лицом к Юэ. Она следила за каждым его движением, и только он наставил нож на нее, она ногой выбила этот нож из его рук. На секунду он растерялся. Юэ совершенно преобразилась из маленькой хрупкой девушки в, по меньшей мере, мастера кун-фу – так

красноречива была ее стойка. Только бандит полез в карман, Юэ в долю секунды оказалась за его спиной, заведя обе его руки за спину, чтобы он не смог пошевелиться.

– Так ты позвонишь в полицию? – как само собой разумеющееся спросила она Чонсу, спокойно удерживая парня, что вскорости ей надоело, и она несильно нажала на место под ухом парня. Через две секунды он повалился на пол, словно мешок со старым хламом.

Чонсу опомнился далеко не сразу. Опомнившись, схватил телефон и набрал уже знакомый номер 911. Он коротко сообщил адрес и причину, а перед глазами все стояла эта новая Юэ, такая неизвестная и такая таинственная. Полиция прибыла довольно скоро, парень все еще валялся на полу и вряд ли собирался встать. Юэ уже приступила к своим обычным обязанностям, будто и не было этого маленького инцидента. Посетители, которые попали на такое малобюджетное, ценой в завтрак, шоу поспешили уйти, и еще некоторое время в кафе не было никого, кроме его постоянных обитателей. Коротко взяв показания и надев наручники на бандита, двое полицейских ушли восвояси. Еще через некоторое время Чонсу также был вынужден уйти, оставив кафе на Йифэй и Юэ.

Он не мог забыть такую Юэ, обладающую боевыми навыками, знающую акупунктуру... Оказалось, он ее совсем не знал.

– Ты хочешь сказать, что я пропустил все самое интересное?!

В этот вечер в кафе было особенно шумно, и весь этот шум организовал один единственный человек по имени Минкё. Его крайнее недовольство было вызвано тем, что вместо того, чтобы быть в самом центре событий, где он, возможно, смог бы сыграть главную роль и повязать преступника бак о бок с Юэ, а еще лучше спасти ее из цепких лап того же самого преступника, он просиживал свое место в университете и ничего об этом не знал.

– Вы бы хоть мне позвонили бы... – уже достаточно сникнув, закончил свою тираду Минкё.

– И ждали тебя, пока нас этот тип не обкрадет окончательно? – ненавязчиво поинтересовался Чонсу.

– Да нет, не это... – сказал Минкё, а потом просто махнул на все рукой и отвернулся к окну.

Был поздний вечер, кафе уже давно закрылось. В нем оставалось только двое его владельцев. Юэ отпросилась уйти куда-то, хотя ее никто, в сущности, здесь и не держал. Некоторое время еще молчали. Минкё продолжал смотреть в окно, на пейзаж, ставший таким привычным, а Чонсу уткнулся в свою чашку, чай из которой он давно допил, но почему-то никак не хотел с ней прощаться, будто на дне ее нашел очень дорогое сокровище.

– Только вот одно не могу понять, – неожиданно пробубнил Чонсу. – Как Юэ могла... – он некоторое время подби-

рал слова. – Могла так уложить этого парня?

Минкё нехотя оторвался от созерцания пустой улицы, освещенной только дальним фонарем, потому что ближний вчера кто-то разбил. Его лицо вдруг приняло серьезный вид. Он посмотрел на друга.

– Сам не знаю. Судя по твоему описанию, она, по меньшей мере, ниндзя, – усмехнулся он. – С виду хрупкая, а в душе тигрица...

В ответ на это Чонсу только вздохнул. Обоим вдруг представилась Юэ, без перерыва протирающая столы и разносящая заказы, милая, хрупкая, молчаливая... И вдруг картинка эта была разрушена ею же, но донельзя сосредоточенной, владеющей боевыми искусствами. Друзья просидели так довольно долго, пока стрелки часов уже не подкрались к половине первого ночи. Она все не возвращалась.

Теперь в одночасье отношение к ней было полностью изменено. Но одно осталось таким же. Она была таинственной, завораживающей, еще более притягательной. В том, что она вернется, никто из них не сомневался. И она вернулась. Когда они уже спали, еле добравшись до постели, даже поленившись разыгрывать вакантное кресло. Она прокралась так тихо, будто ветер еле подул, даже не всколыхнув волос. Откуда? Ни Минкё, ни Чонсу не спросили ее на следующий день об этом, да и она не распространялась. Стало ясно одно – не так уж проста оказалась Юэ, как казалось поначалу. Йи-фэй стал смотреть на нее с некоторой опаской, а Майкл по-преж-

нему видел в ней просто официантку. Минкё часто, намеренно или случайно, ему самому было сложно в этом признаться, проводил пальцами по ее руке, когда они пересекались по пути в кухню, а Чонсу почти всегда провожал ее взглядом туда и обратно. И когда взгляды друзей встречались после этих действий, в глазах появлялось нечто вроде взаимной неприязни, чего никогда не было за многочисленные годы их дружбы. Эта дружба была настолько долгой, что они и не помнили себя без своей второй дружеской половинки. Это было нечто вроде привычки, нечто такое, что не разорвать просто так. И вот теперь что-то поменялось, надорвалась какая-то ниточка. И все произошло из-за одной маленькой и хрупкой девушки с длинными черными волосами и грацией тигрицы.

Ни один из друзей не смог бы признаться себе в том, что чувствует к Юэ нечто большее, чем просто отношения начальника и подчиненного. Когда это началось?.. Одновременно или кто-то опередил второго? Все это оставалось таким неясным и неопределенным, что они просто продолжали играть в эту странную молчаливую игру.

Съемки Чонсу закончились, и в один прекрасный день он пришел с огромным букетом, который просто не знал куда деть. После минутного замешательства он попросту положил его на стол, чем вызвал сильное возмущение со стороны Йифэй.

– Как ты можешь так обращаться с цветами? – тут же громкогласно произнес он.

Он подлетел к букету и осторожно взял его в руки. Кафе уже закончило свою работу, и в нем царила только тишина, изредка прерываемая стуком тарелок, за которые принялась по традиции Юэ, и напеванием непонятных песен Майклом.

– А ты что, флорист у нас? – удивился Минкё.

Йи-фэй немного смутился.

– Одно время работал в цветочном магазине, – тихо объяснил он.

После этих слов он принялся за поиски подходящего сосуда для букетов из роз, гербер и... еще много чего. Наконец нашел подходящий и, набрав воду, поставил букет туда, еще с несколько секунд полюбовавшись красивыми цветами.

– Это кто тебя так? – спросил Минкё друга, который до сих пор тихо сидел за столиком, мало реагируя на действительность.

Сам он продолжал дописывать что-то в своей тетради. С недавних пор он всерьез взялся за учебу. И виновата ли была в этом стипендия, или новая симпатичная преподавательница, или, наконец, появившееся желание получить нормальный диплом, сказать было бы трудно. Но факт оставался фактом, и теперь Чонсу просто не знал, когда его другу удастся спать, ведь утром – занятия, днем и вечером – кафе, а ночью – всяческие домашние задания. «В метро», – как-то раз в шутку ответил Минкё на вопрос о том, где же он все-

таки спит.

– Просто дали, – пожал плечами Чонсу. – Все закончилось.

– Наконец-то начнешь нормально работать, – пробубнил Минкё.

Чонсу умолчал об одном скромном цветке, засунутом в самую середину букета, но ему не принадлежащему. Это был цветок от той самой Оливии, которая так и продолжала приходить на съемочную площадку, если это было возможно. И теперь Чонсу просто не знал, что с ней делать, потому что начал чувствовать за нее... ответственность что ли? Это было что-то новое, то, чего он раньше никогда не испытывал. Всю жизнь Минкё был для него хёном, хотя озвучено это было так мало, а старше он его был всего на три месяца. Но вот появилась она, Оливия, девчонка на год или два младше его самого, преклоняющаяся перед его талантом, насчет существования которого сам Чонсу сильно сомневался. Все это только создавало лишнюю путаницу, Чонсу никогда не любил, чтобы все было запутано. Юэ продолжала привлекать его все больше.

Цветок был спрятан в самое сердце букета, заставляя подумать о себе немного более положенного.

Постояв так, без движения, еще немного, Чонсу, наконец, положил все свои заработанные деньги на стол, даже не представляя особо, сколько там содержится хрустящих зеленых купюр. Деньги его никогда особо не волновали. В отличие

от Минкё. Тот тут же подбежал к бумажкам, принявшись с энтузиазмом их считать.

– Омо... – выдохнул он, закончив счет. От восхищения он перешел на корейский, так что его мог понять только один Чонсу. – Так много!

Чонсу только пожал плечами, устало присев на первый попавшийся стул. Последний день съемок вымотал его полностью, хотя в принципе он не напрягался так, как в первые дни.

– Да наш папочка Чонсу спасает все положение, – не унимался Минкё.

– Это как? – зевая, уточнил Чонсу.

– Завтра у нас открывается японская кухня!

Заявление, сначала встреченное недоумением, вызвало впоследствии только один вопрос: почему именно японская? Минкё незамедлительно начал приготовления, ответив только через несколько минут. Он долго и нудно читал лекцию о том, что сейчас японскую кухню можно встретить и в Париже, и в Антарктиде, ведь на сегодняшний день она самая популярная и очень распространенная из всех экзотических кухонь мира, и...

– Стоп, – прервал его Чонсу, так и продолжавший сидеть на стуле. – Это я все понимаю. А может, что-нибудь менее экзотичное? Итальянскую, например?

– Она не такая популярная, – тоном, не терпящим возражений, сказал Минкё.

На это Чонсу только пожал плечами, доверив все планирование дальнейших действий своему другу, который не на шутку вдохновился своей новой идеей.

– Что? Да вы в своем уме? – было сказано на следующий день перед самым открытием.

Майкл стоял со скрещенными на груди руками, нависая над ними обоими, так что сейчас он казался Вавилонской башней, которая вовсе не собиралась падать. Чонсу и Минкё только переглянулись. Иногда Майкл казался по истине страшным.

– Вы бы хоть заранее предупредили, а не говорили это за пять минут до начала, – продолжал он. – Меню-то хоть продумали?

– Да, я набросал тут... – наконец подал голос Минкё, давая заранее приготовленные листки.

Майкл принялся просматривать их, попутно приговаривая: «не то», «а это вообще никуда не годится», «ну, это еще может быть...». Друзья с интересом наблюдали за ним.

– Ладно, – заключил Майкл. – Что-нибудь попробую сделать из вашего... творчества.

Друзья переглянулись – Минкё торжествующе, а Чонсу – с недоверием. Вообще он всегда относился с недоверием ко всяким новшествам и нововведениям. Вот и этот раз не стал исключением, даже несмотря на то, что Минкё заявил, что созданы все условия для колорита (их внешность играла не

последнюю роль).

Коротко проинструктировав весь оставшийся персонал, а именно два человека, друзья приступили к нелегкой работе содержателей японского ресторана. Заготовленная Минкё заранее для этого одежда очень подходила для такого мероприятия, и вот, уже через пятнадцать минут было открыто по-настоящему японское кафе. Если не принимать во внимание, что ни одного японца тут не было. Но разве это когда-то останавливало всех владельцев японских ресторанов? Главное – антураж создать. Минкё немного знал японский, поэтому взял на себя нелегкую роль встречающего посетителей человека. Все начиналось хорошо, и посетителей было даже больше процентов на двадцать, но Минкё начал сомневаться в способностях Майкла примерно на десятой минуте после первого заказа. Раньше работая как скоростной робот, Майкл запаздывал по всем своим параметрам. Разбрасывая направо и налево свое «конничи ва», Минкё все поглаживал в сторону маленькой кухни, откуда почти не доносилось звуков. Наконец, не стерпев такого нахальства, он решил сам туда отправиться, чтобы проверить, как идет готовка, но на кухне его встретило только веселое бульканье бульона. В голове Минкё пронеслось тысяча предположений и миллион обвинений. Он подумал, что Майкл сбежал, убоявшись неудачи, повернулся на сто восемьдесят градусов, чтобы выбежать и начать искать его, но...

Натолкнулся на самого объекта своего громадного недо-

вольства.

– А ты что здесь делаешь? – искренне удивившись, спросил Майкл.

– Я... – вдруг замялся Минкё. – Я так, зашел спросить, как дела.

– А... Если ты ждешь первые блюда, то можешь относить. Я как раз выходил найти кого-нибудь.

Без лишних слов Минкё схватил предложенные блюда и вылетел из кухни, через уже несколько секунд оказавшись у нужного столика и со словами «Дозо. Ойшику меши агарэ*» поставив все перед посетителями. Так началась дегустация нового производства Майкла. И если не обращать внимание на несколько недочетов, таких как нехватка некоторых продуктов или отсутствие палочек для еды, за которыми незамедлительно был отправлен Чонсу, все шло как нельзя лучше.

Ко второй половине дня посетителей стало только больше, и Минкё уже убедился в том, что открыть на время японский ресторан было не такой плохой идеей. Но это продлилось только до часу дня. Когда в кафе зашел крайне недовольный и отчасти невыспавшийся азиат с довольно широкими для своей национальной принадлежности глазами и приплюснутым носом. Японец. Самый настоящий. Увидев его, вставшего у входа, где его в принципе должны были встретить, Минкё встал столбом на месте, и положение пришлось спасать Йи-фэй. Проведя его к свободному столику, кото-

рый, к счастью, оказался в самом выгодном расположении у окна, Йи-фэй предложил сесть, даже стул отодвинул. Только после этого японец пожелал сесть, так и не сказав ни слова. Еще через несколько секунд он начал перелистывать с недобрым видом предложенное ему меню. Йи-фэй остался на всякий случай недалеко от него, прекрасно понимая причину такого ступора у Минкё. В отличие от них, Юэ спокойно продолжала выполнять свои обязанности, и, что она думала в этот момент, было ясно только одной ей.

– Спасай! – выпалил Минкё, добравшись до кухни и прикрыв за собой дверь.

– Что такое? – поинтересовался Майкл.

Еще помедлив немного, Минкё подошел к повару и, немного приподнявшись на цыпочках, прошептал в самое ухо суть дела. Порой чертыхаясь, порой попросту переходя на корейский, но рассказал, и Майкл тут же все понял.

– Приготовь свое самое лучшее блюдо, – попросил его Минкё в конце своей сбивчивой речи.

Майкл замолчал на несколько секунд, что-то прикидывая, а потом приступил к своему следующему шедевру. А Минкё, уже немного успокоившийся, вышел в зал, чтобы сказать важному посетителю, что сегодня его ждет вкуснейшее блюдо от их шеф-повара, кстати сказать, его соотечественника.

Потекли бесконечные секунды, сливающиеся в вечные минуты. Минкё, а вместе с ним и Йи-фэй поглядывали на часы, висевшие на стене. Посетителей сохранялось достаточно

большое количество, но внимание обоих работников было приковано лишь к одному. И вот, наконец, после тысячного раза, когда кто-то заходил на кухню, блюдо оказалось готово и уже через минуту подано на стол перед важным гостем.

Гость же, помедлив еще немного, взял палочки для еды, которые с трудом раскопали где-то на втором этаже. Еще несколько секунд он непонимающе смотрел на палочки.

– А почему они металлические? – спросил он.

Говорил он на английском, и пока Минкё был ему благодарен за это, но смысла язык не менял. Он начисто забыл, что положены деревянные палочки, вместо металлических.

– Это... – Минкё помялся под грозным взглядом гостя. – Это потому, что для нашего дорогого гостя мы решили подать красивые металлические, а не простые деревянные.

Объяснение никуда не годилось, но на этом вопросы пока закончились, и гость приступил к угощению. Минкё отошел на безопасное расстояние.

Прожевав несколько кусочков тэндон, а именно это блюдо выбрал Майкл, гость остановился и отложил палочки. Проглотив все то, что он так долго жевал, он медленно поднялся из-за стола и пошел в сторону, в какой он безошибочно определил кухню.

* Дозо. Ойшику меши агарэ – Пожалуйста. Приятного аппетита, яп.

Довольно много времени потратив на всякие мелочи и

прочую ерунду, которая обязательно может понадобиться, Чонсу, медленно переставляя ноги от усталости, брел обратно в сторону их кафе и одновременно их дома. С полными пакетами покупок и облегченным сердцем он двигался медленнее примерно в полтора раза в обратном направлении, где его, как он был уверен, ждали. За все время своего небольшого путешествия с ним, на удивление Чонсу, ничегошеньки не приключилось. Разве что на него пару раз показали на улице. Тогда он подумал: уж не грязная ли на нем рубашка? Мельком оглядев себя, он убедился, что совсем нет, и рубашка оставалась такой же чистой, как после вчерашней стирки. И он попросту махнул на все это рукой, очень поздно вспомнив, что как раз вчера состоялась премьера тизера к фильму, в котором он принимал непосредственное участие.

Он решил пройти через задний ход, потому что посчитал верхом безрассудства войти в главный, когда день в самом разгаре. Открыв дверь, ведущую прямым ходом на кухню, Чонсу, стараясь греметь покупками как можно меньше, вошел в маленький коридор. Поставив все свои пакеты на ближайшую тумбочку, он прошел на кухню, чтобы немного передохнуть, но только ему стоило зайти...

– А вот и наш шеф-повар! – донеслись до него слова, произнесенные Минкё.

В одну секунду Чонсу оглядел всех, находящихся в сердце их заведения. Майкл, замерший с поварешкой в руке, Минкё, пропускающий какого-то гостя, и, собственно, сам этот

гость. Он не сразу уловил смысл сказанного, но, только понимая, что от него хотят, замер на месте с полуоткрытым ртом.

– Он у нас почти не говорит, соблюдает заветы дзен-буддизма, – продолжал Минкё.

Гость только хмыкнул на это, незаметно приблизившись на пару шагов к Чонсу.

– А почему он в обычной одежде? – спросил гость.

– Он выходил за свежими продуктами, – не моргнув глазом, ответил Минкё. – Он никому не доверяет выбор ингредиентов... А что вы хотели узнать?

Гость хмыкнул еще раз, уставившись прямо на Чонсу. Тот продолжал стоять, не произнося ни звука.

– Я просто хотел спросить, какой секретный ингредиент вы добавляете в тэндон? Понимаете, я пробовал это блюдо во многих ресторанах, но у вас выходит просто несравненно! Замечательно!

Чонсу замаялся, помолчал еще немного, кинул взгляд на Минкё, который активно показывал ему жесты, которые можно было расценивать, как необходимость нести всякую чушь. Такое уже было однажды, когда они оба попались на том, что пришли в школу немного выпивши, и Минкё пытался подсказать слова своему другу, скрывшись за спиной учителя. Это было в первом классе старшей школы, когда им казалось, что им уже все можно. Сейчас ситуация немного напоминала, ту, давнишнюю.

– Киджи мо наказуба ута ремай*, – вдруг произнес Чонсу.

Эти слова возникли откуда ни возьмись, уроки японского уже давно выветрились из его головы, и сам этот язык он знал хуже, чем английский. На лице Минкё отразились отголоски облегчения.

– Простите, наш повар почти не говорит по-английски, – вступил Минкё. – Так что, наверное, лучше ответит его помощник.

Новоиспеченный заговорщик кивнул в сторону Майкла, которому наконец-то дали слово, и чем он тут же воспользовался, уже немного заскучав от всей этой сценки. Во всех красках и не только Майкл принялся рассказывать о процессе создания своего шедевра, умолчав о главном ингредиенте, который назвал секретным. Минкё и Чонсу к тому времени уже успели достаточно успокоиться и даже свободно вздохнуть, когда гость сказал:

– Теперь я полностью доволен вашей кухней. Знаете, я ведь почти совсем не знаю японского языка... – вдруг добавил он, перейдя на откровенности. – Родители увезли меня оттуда еще в детстве. Но отличить настоящий тэндон от подделки я могу. Я обязательно напишу о вас хороший отзыв.

Сказав это, он ушел обратно доедать свою вкусную трапезу, обдумывая правильные слова для отзыва. Если ненадолго заглянуть в его интереснейшую жизнь, то выяснится, что он является многоуважаемым ресторанным критиком, и дорогого стоит получить его положительный отзыв. Но этим можно и ограничиться.

– Ну и зачем ты меня выдавал за повара? – тут же накинулся на Минкё его друг.

– Просто ты единственный человек, которого он еще не видел.

– А по-японски зачем просил говорить?

На этой фразе Майкл вернулся к своим поварским делам, потому что совершенно ничего не понимал – друзья опять перешли на родной язык. За более чем полгода он не выучился даже тому, как сказать «привет». Впрочем, и Минкё не особо этому учил.

– На каком языке говорят японцы?

Чонсу уже открыл было рот, чтобы сказать очевидную вещь, но Минкё прервал его, продолжив говорить поучительным тоном:

– Поэтому надо было убедить нашего дорогого посетителя в твоей подлинности. Кстати, – немного подумав, добавил он, – ты что, умеешь говорить по-японски?

Чонсу несколько секунд смотрел на друга, как на полусумасшедшего субъекта. Потом ответил:

– Нет, конечно... Вспомнилось откуда-то.

– А... – немного разочарованно протянул Минкё. – Где товары? – резко сменил тему он.

Друзья, как, впрочем, и остальная половина их небольшого состава, вернулась к своим прямым и привычным обязанностям: Юэ, как всегда, молча; Йи-фэй, изредка ворча на всех и вся; Майкл в совершенном одиночестве, против ко-

того он ничего не имел; Минкё с излишней активностью во всем, от заигрывания с каждой посетительницей до разнашивания подносов; Чонсу, задумчиво поглядывая на Юэ, но не забывая разносить подносы.

Так проходили дни и летели недели, складываясь в месяцы. Они проходили незаметно, хотя иногда один час мог длиться нестерпимо долго. Но порой, оглядываясь назад, и невозможно вовсе было понять, как пролетели эти полгода. Не успел Минкё прикрыть на секунду глаза, как уже наступил Новый Год по лучному календарю, в честь которого в Чайнатауне устроили большое празднество. Его достойно справили и в кафе 8AM&8PM. Все, кроме одного Майкла, который праздник Нового Года не понимал в принципе, а восточный Новый Год – тем более. И вот уже подкралось двадцать восьмое февраля – день окончательной сдачи всяческих тестов у Минкё, а по совместительству день двадцатиоднолетия Чонсу, о котором он начисто забыл всего лишь потому, что совершенно замотался с их рестораном. К ним приходили разные посетители, порой даже крайне неприятные и желающие нарваться на драку. Приходилось их усмирять всеми силами, и тут помогало жизнелюбие и радостное настроение Минкё. Заходили и бандиты, у которых случайно оказывался в кармане нож или, того хуже, пистолет. Тут помогала только Юэ, которая в остальных случаях держала свои умения в большом секрете. Бывали и несчастные

случаи, вроде незапланированных возгораний проводки или пренеприятнейших мелких наводнений. Тут не обходилось без общих сил. Наверное, нет на Земле кафе, обладающего большей невезучестью, чем их.

Иногда Чонсу задавался вопросом: а зачем это все? Оказалось, детская мечта могла отнимать уйма сил, и отдыхать на пляжах Майами было чем-то призрачным. Вместо этого приходилось работать не покладая рук. И плюс ко всему он, впрочем, как и Минкё, старался обратить на себя внимание восточной красавицы. Юэ была неприступна, как скала, которую омывают морские волны – день за днем вода бьется о стенки, но вымывает ложбинку лишь на чуть. Она действительно нравилась Чонсу, и порой желание подойти к ней и обнять было просто нестерпимым, но он пытался огородить себя, занимая себя все большими делами. И вот результат – он начисто забыл о своем Дне рождения.

О чем не забыла его вторая дружеская половинка. Минкё, чей собственный День рождения проведлся по барам и еще невесть где, начал приготовления за неделю. Он купил подарок, что по его представлениям было самым важным в этом ежегодном празднике. Совершенно непонятно, как Чонсу мог пригодиться ханбок, который Минкё достал неизвестно где, и плюс к этому абсолютно не сочетающаяся с ним бабочка на шею. Но главное – подарок был приготовлен. Затем был воплощен еще ряд мелких приготовлений и, наконец, самое главное...

– Зачем суп из водорослей*? – удивился Майкл накануне Дня. – Я могу приготовить что-то более вкусное, торт там, закуски...

– Нет-нет, только суп из водорослей.

Майкл пожал плечами и полез в холодильник проверять, все ли ингредиенты есть в наличии. Минкё вышел с кухни довольный, как никогда. Он любил устраивать всякие праздники, и, конечно же, организацию Дня рождения своего друга он всегда брал на себя, убежденный в том, что у него самого совсем не получится устроить такой важный день.

Но вот и настал тот самый День. Чонсу, как всегда, встал пораньше, чтобы приготовить кафе к открытию. Это уже давно вошло у него в привычку. И дело было не в том, что спальное место было совсем неудобным, чего, впрочем, и так не было, потому что они давно купили еще один подержанный, но в отличном состоянии диван. А в том, что он просто так и не избавился от привычки вставать рано.

Когда он спустился на первый этаж, первое, что ему бросилось в глаза – это шарики, надутые гелем и от этого поднявшиеся к потолку. «Что, у нас какая-то акция сегодня?..» – пробормотал Чонсу. Взяв из маленькой кладовки привычную тряпку, он начал протирать столы и снимать стоящие на них стулья. Обычно на этом этапе со второго этажа спускалась Юэ, но именно сегодня он все еще продолжал оставаться в одиночестве. Не обратив на это должного внимания, Чонсу перешел к наведению порядка в самой кладовке,

в которой уже давно никто и палец о палец не ударил для наведения этого самого порядка. В это время должны были бы прийти Йи-фэй, а за ним и Майкл, но и их не оказалось в должное время. Решив, что сегодня какой-то непредвиденный выходной, Чонсу пожал плечами и продолжил натирать полки в кладовке до девственной чистоты. Наконец, устав повторять монотонные движения тряпкой туда-сюда, он вздохнул по привычке, от которой так и не смог избавиться, вышел обратно в основной зал и сел на свое любимое место около окна. Уставившись в окно, Чонсу начал мечтать о чем попало, дожидаясь остальных обитателей этой маленькой кафешки. Он уже почти уснул в этой первозданной тишине, если не считать приглушенного шума с улицы, как вдруг...

С кухни вышла вся честная компания. Во главе ее был, конечно же, Минкё, который нес довольно объемную тарелку с чем-то дымящимся и напоминающим своим запахом дом.

– От всего состава нашего маленького коллектива, и от меня лично... – Минкё сделал многозначительную паузу, заставив на секунду Чонсу почувствовать что-то неладное, – мы поздравляем тебя с этим замечательным днем, днем, в который наш дорогой Чонсу появился на свет!

Чонсу сначала было выдохнул спокойно, пока все напряжение его отпустило, но потом, наконец, сообразил, что именно хотят от него коллеги. Он даже и не знал, как должно отреагировать на такое проявление внимания, и поэто-

му просто стоял неподвижно на одном месте. Смотри на эту жалкую картину, Минкё почувствовал только еще большее веселье и рассмеялся, чуть не уронив тарелку. Юэ начала подхихикивать, а Йи-фэй немного отвернулся, чтобы не видеть всего этого безобразия, и устался в окно.

– Может, скажешь что-нибудь? – отсмеявшись, сказал Минкё. – Или ждешь, пока я спою? Ну, тогда слушай... Сэн-гиль чукка хамнида*... – начал он было петь на корейском.

– Хватит! – резко прервал его Чонсу, опомнившись. – Прости... Мне, правда, очень приятно, приятно все это, – Чонсу попытался улыбнуться от всей души, но вышло только наполовину. – Просто я... совсем забыл, что сегодня двадцать восьмое.

– Ты предсказуем, как всегда, – заключил Минкё. – Я помню, как ты во втором классе обиделся на то, что тебе не приготовили суп из водорослей. Так вот, сегодня такого не произошло.

С этими словами Минкё, наконец, отдал тарелку, из которой только чудом ничего не пролилось. Чонсу, немного подозрительно прищуриив глаза, принял многострадальную тарелку из рук друга.

– Сегодня ты будешь нашим первым клиентом, – довольно произнес Минкё. – И только попробуй сказать, что тебе не понравилось! Это готовил самый лучший повар планеты.

Эlegantным жестом Минкё пригласил друга за столик, который был украшен более всего. Чонсу еще раз посмотрел на

темно-зеленую субстанцию и повиновался указаниям. Йифэй уже собирался ускользнуть, пока общее внимание было приковано к виновнику торжества, но Минкё успел ухватить его за шиворот, так что тому пришлось присутствовать до конца. От всего этого был освобожден только Майкл, потому что... Потому что. Они берегли его, как зеницу ока, и страшно было, если ему вздумается уйти куда-то в другое место. Чонсу неосознанно взглянул на Юэ, и та, одобрительно улыбаясь, чуть кивнула ему, после чего Чонсу попробовал суп. Оказалось очень даже ничего... Да что там! Каждое блюдо каким-то непостижимым образом удавалось Майклу сделать настолько вкусным, что его хоть на выставку в музей вкуснейших блюд мира отдавай, если бы таковой был. Все остальные расселись вокруг именинника, вкушая свои заранее приготовленные завтраки, которые теперь они могли поедать с чистой совестью.

Кафе начало свою работу с глубоким опозданием, но все же начало. Все катилось, как по накатанной дорожке, будто и не было небольшого праздничного этюда в начале дня. Вот только сегодня была выбрана корейская кухня, приходящаяся не всем по вкусу. Особенно Майклу, которому пришлось просидеть полночи и читать рецепты вперемешку с руганью в сторону всех «этих любителей поострее», как он сам выражался. Самого Чонсу старались как можно больше оградить от работы, так что ему оставалось только стоять около кассы и считать мух, которых, в принципе не было, так что день

начинал казаться самым скучным из всех.

До самого вечера. Это был самый короткий день в их профессиональной деятельности, потому что было решено продолжить праздник вечером. Поэтому уже в семь часов на двери красовалась табличка, перевернутая на «Закрыто». Во-первых, Чонсу был важной составляющей коллектива и его идейным вдохновителем, а во-вторых, всем просто хотелось отдохнуть от нелегких трудовых будней, повторяющихся изо дня в день. Кто-то сказал бы: нужно нанять больше рабочих! И он отчасти оказался бы прав, и владельцам и самим хотелось бы так сделать, но... На все это нужны были деньги, а их катастрофически не хватало, поэтому приходилось располагать теми, кто уже есть.

За все время их существования в кафе пришло еще четыре предполагаемых работника, трое из которых ушли через месяц своей работы. Остался только один, но загружать его непомерной работой было просто стыдно, потому что Эрик, так его звали, был всего лишь подростком шестнадцати лет на вид. Он прибежал после учебы, и размер заработка был ему не важен, главное, чтобы был, ведь он копил на мотоцикл последней серии, который видел в фильме, по странной случайности том самом, где снимался Чонсу. И, как всякий подросток, фанатеющий от какой-то знаменитости, старался быть на него похожим, но держался на почтительном расстоянии, хотя был в восторге от того, что ему посчастливилось работать с человеком, которого видел на большом экране.

Но именно сегодня Эрик отпросился по причине какого-то очень важного дела, и на праздник остался привычный коллектив. Чонсу немного стеснялся такого всеобщего внимания. Оказалось, каждый приготовил какую-то безделушку, чтобы подарить ему, и даже Майкл не забыл, что у основателя их кафе должен быть праздник. Правда, вскорости он ушел, но, тем не менее, пробыл с ними положенные полчаса и даже приготовил маленький торт, без которого, по его уверениям, день рождения просто не может состояться. Подарок Минкё вызвал некоторое недоумение, тут же забытого по причине принесенных Йи-фэй из ближайшего супермаркета двух бутылок вина (свои запасы трогать строго запрещалось). Теперь музыка стала громче и выражения лиц веселее многократно. Чонсу, всегда отличавшийся неразговорчивостью и тем, что к алкоголю притрагивался крайне редко, вдруг начал болтать без умолку, а Юэ даже улыбнулась пару раз, чем вызвала недоуменные взгляды двух друзей.

– Хотите знать, какую статью мне подсунули об этом здании? – спросил развеселившийся Минкё, вольготно развалившись на стуле и закинув ноги на стул.

– Это когда такое было? – удивился Йи-фэй, не осведомленный о недавних сложных вихрах судьбы Минкё.

– Об этом в другой раз, – отмахнулся тот. – Так вот, там говорилось о том, что раньше в этом здании, когда оно еще лет пятьдесят назад было отелем, в одном из номеров повесилась девушка...

– Может, не надо? – спросил Чонсу, который совсем не любил, когда его друг рассказывал всякие небылицы. Он сидел за соседним столиком и медленно потягивал остатки вина.

– ...повесилась от того, что увидела, как ее жених прямо в день свадьбы изменяет ей с молоденькой горничной.

Юэ пробормотала что-то себе под нос, но расслышать, что и на каком языке было невозможно – уж больно тих был ее голос.

– И вот теперь ее призрак бродит по коридорам этого здания в поисках всех тех неверных, что позволяют себе хоть раз изменить своим любимым, – трагично закончил Минкё, сделав такое выражение лица, что и на похороны королевы сгодились бы. – Смешно, правда?

Минкё засмеялся от своих слов, но ответом ему послужило только молчание. Расширенные до европейских размеров глаза Чонсу прекрасно говорили о том, что рассказ произвел на него сильное впечатление. Да и не только на него. Застывшее выражение лица Юэ говорило о том же, а Йи-фэй откровенно испугался таких страшилок на ночь. Солнце уже давно село, но свет включать никто не собирался. И только одиноко горела лампа на кухне. Музыка продолжала звучать.

– Вы что, испугались? – не переставая смеяться, спросил Минкё.

Йи-фэй уже собирался сказать что-то, но вдруг громкий стук заставил его захлопнуть рот и забыть о том, что вооб-

ще он хотел сказать. Все застыли на месте, а Минкё начал медленно оборачиваться, потому что стук раздавался из-за его спины. Стук все не прекращался и становился только громче, заставляя нарисовать в своей голове самых страшных монстров и привидений. Сумерки, предвещающие темную ночь, только способствовали этому. Кому-то казалось, что звук доносится из подвала, где по законам всех американских триллеров обитают призраки, кому-то – с чердака, который всегда соперничает с подвалом.

Но наконец, фантастические вещи приняли реалистичную основу – стучали в дверь. Минкё был ближе всех к выходу, так что ему выпало открывать. Подойдя к стеклянной двери, он еще долго боялся всмотреться на позднего посетителя, да и трудно это было – лампочку в ближайшем фонаре не хотели заменять уже третий день. Вздохнув поглубже и посильнее зажмурив глаза, Минкё одним рывком открыл дверь...

– Вы что, негодники этакие, не видите сколько сейчас времени? На дворе уже ночь давно, а они тут песни распевают да музыку включили на полквартила, так что заснуть нельзя...

Обычно у людей с наступлением старости ослабевает слух, но только не у миссис Байерс, у которой этот слух только улучшился. И теперь перед этой милой старушкой стоял Минкё, растерянно глядя на нее и совершенно не зная что ответить.

– Простите, – наконец, нашелся он, сказав самое обыден-

ное.

– «Простите»... – проворчала миссис Байерс. – Только и можете, что извиняться, молодежь...

Старушка могла бы возмущаться до самого утра, но в ее квартире по расписанию ждал своего ужина ее любимый песик Момо, так что она поспешила удалиться. Минкё еще некоторое время оставался в неподвижном состоянии, а за его спиной уже начинали раздаваться смешки.

– Н-невеста немного постарела, – сквозь смех удалось сказать Чонсу.

Минкё метнул в его сторону уничтожающий взгляд, когда закрывал дверь. Чонсу его совсем не заметил, потому что в это время как раз уничтожил последние остатки вина в своем бокале. Через некоторое время было решено купить еще две бутылки этого божественного напитка. На сей раз выбор пал на Минкё, которому, по общему решению, надо было проветрить голову. Он еще повозмущался некоторое время, но все же отправился за заказом. Тем более до ближайшего супермаркета было всего пять минут ходу.

– Н-начитался своих дет... ик! тивов... – пробормотал Чонсу.

Йи-фэй ненадолго отлучился в это время подышать свежим воздухом на заднем дворе. Чонсу и Юэ остались одни.

– Что, прости? – переспросила она.

– Да так... н-ничего, – отмахнулся Чонсу.

В его голове был только винный пар, и он даже не мог

уверенно сказать, сколько сидит перед ним человек.

– А вот с-скажи честно, – неожиданно произнес Чонсу, – тебе бы понравился такой парень, как я?

Он ожидающе посмотрел на нее. В это время он был похож на щеночка. Юэ притворилась, что не слышит. А может, это и вправду было так.

Не дожидаясь ответа, Чонсу встал и подошел нетвердым шагом к ней. Юэ рассеянно посмотрела на него, отвернулась, но дальнейшего развития событий не ожидала даже она. Чонсу обеими руками заставил ее посмотреть ему в глаза и уже тянулся своими губами к ее, ведь она была так близко, как никогда, хоть она и пыталась всеми силами отстраниться, но...

Еще один удар заставил Чонсу осесть на пол. Сегодня было много ударов, в дверь и по скуле, но последний был больнее в тысячу раз. Юэ убежала на улицу, а Чонсу искал виновного. Искать пришлось недолго, перед ним нависал Минкё. Недолго думая, Чонсу попытался дать сдачи, получилось не совсем удачно, и он попытался еще раз. Так завязалась недолгая драка, окончившаяся на первой же минуте, потому что Чонсу, словно безжизненный мешок, обмяк и повалился на пол, крепко уснув. Минкё уселся на ближайший стул, задумчиво смотря на друга.

– Эх ты, горе-дон жуан... – тихо произнес он.

Потом он принялся затаскивать Чонсу на второй этаж. Благо, в это время вернулся Йи-фэй, помощь которого очень

пригодилась в этот момент. Вместе они кое-как дотащили его до второго этажа и уложили на диван.

За окном стояла тихая, по меркам Нью-Йорка, ночь.

*Суп из водорослей – традиционная корейская еда на День рождения

Следующим днем Чонсу раздражало буквально все: от разговоров посетителей до проезжающих за окном машин и ярко светившего солнца. Голова отзывалась на каждый звук круглым китайским гонгом, и думать просто не хотелось. Существовав первую половину дня только на автопилоте, в качестве сдачи он чуть не отдал всю утреннюю выручку. Воспоминания о вчерашнем дне смешались в разноцветный шар, в котором лишь иногда проглядывали четкие очертания, словно гадалка гадает. Хотя он и не хотел вспоминать что-либо, потому что подсознание подсказывало, что лучше оставаться в неведении. Ближе ко второй половине дня Чонсу начало становиться лучше. Минкё только мельком поглядывал за другом. Когда он более менее пришел в себя, уже ближе к вечеру, он подошел к нему.

– Ну как самочувствие? – поинтересовался он, когда Чонсу проходил мимо выступа стены на кухню. Он стоял, скрестив руки, и внимательно следил за другом.

– Сойдет.

Выражение лица Чонсу говорило полностью об обратном. У него покраснели глаза, и успешно одолевала усталость.

– А ты помнишь, как вчера...

– Тсс... – Чонсу приложил палец к губам. – Не надо.

– Ладно, – пожал плечами Минкё. – Но нам нужно серьезно поговорить.

Чонсу вопросительно посмотрел на друга, не понимая, к чему тот клонит. Был вечер, клиентов в это время всегда было много, а Минкё тут решил устроить разговор по душам.

– Я знаю, – продолжал Минкё, – она тебе нравится. И мне она тоже нравится. Понимаешь?

Мрачное выражение лица Чонсу прекрасно давало понять, что понимает он все это лучше некуда.

– Так вот, я хочу, чтобы это было честное соперничество.

С этими словами Минкё протянул руку, ожидая, пока Чонсу не возьмет ее своей. Тот еще медлил некоторое время, но все же взял руку друга, пожав ее без лишних слов. Никогда за все время их дружбы они не сталкивались по такому вопросу, и было в этом непривычное и совсем неясное. После этих слов Минкё, как ни в чем не бывало, отправился своей дорогой, оставив Чонсу размышлять над этим неясным и непривычным. Выйдя через некоторое время в основной зал, он мельком посмотрел на Юэ, которая как раз принимала заказ. Она улыбалась посетителям, но это была ненастоящая улыбка. Настоящая на ее лице появлялась редко.

По истечении дня, впрочем, как и недели, все повторялось изо дня в день, до неприличия точно сохраняя свой порядок. Те же постоянные посетители, те же редкие дебоширы,

которые, казалось, лишь развлекали Юэ, давая возможность потренировать свои любимые приемчики, те же язвительные замечания Йи-фэй. Вот только Минкё стал больше уделять внимания этой загадочной девушке, пуская в ход все свое обаяние и те словечки, от которых, по его мнению, не могла устоять ни одна девушка. А Чонсу начал больше сторониться ее, потому что воспоминания со временем приняли более отчетливую форму. Времени побыть наедине практически не было, разве что утром. Минкё обычно все это время просыпал. Но и тогда Чонсу, в силу своей стеснительности, медлил заговорить с ней.

Но следующим утром в их размеренную жизнь добавилась еще одна молодая и красочная особа, которая попала сюда совершенно случайно.

– Мистер Ким, – обратился тем утром к Чонсу Эрик. Он привык его называть именно так, потому что называть своего кумира по имени было как-то... неуважительно. – Вас спрашивает какая-то девушка, говорит, что вы знаете ее.

Чонсу тогда помогал Майклу мыть посуду – больно уж много клиентов было в этот день. Сначала он не обратил внимания на эти слова, потому что шумела вода, но потом их смысл все же дошел до его сознания. Он начал гадать, какая же девушка могла знать его здесь и, тем более, искать. Знакомых в Нью-Йорке у него было крайне мало, и практически все здесь, в кафе.

– Она заказала топпокки, или как его там... – Эрик немно-

го почесал в затылке.

Кроме опозданий он отличался талантом к сводничеству. Именно поэтому, как мог, старался помочь Чонсу в завоевании сердца восточной красавицы. Всегда он пытался отвлечь Минкё, чтобы дать своему кумиру время побыть с избранницей его сердца наедине. Подростки в настоящее время видят в сердечных делах намного больше, чем когда-то, пять лет назад.

Через некоторое время после того, как заказ был передан, Чонсу взял его и, выйдя из кухни в основной зал, тут же увидел Оливию. Справившись в несколько секунд с удивлением от того, что она в принципе никак не могла бы узнать место, где он работает, да и вообще узнать, что он работает в собственном кафе, Чонсу направился прямо к ней. Завидев его еще издали, девушка засияла лучезарной улыбкой и даже помахала рукой. Весь недолгий оставшийся путь Чонсу удивлялся такому из ряда вон выходящему случаю, не понимая, чувствует ли он радость от встречи со знакомой или совсем нет.

– Ваш заказ, – произнес он, поставив перед ней тарелку и апельсиновый сок. До последнего он сдерживал улыбку, так просившуюся появиться на лице.

– А я не знала, что у тебя есть собственный ресторан... – зачарованно произнесла Оливия.

В ответ на это Чонсу только пожал плечами. Что можно было на это сказать одной из двух своих единственных по-

клонников? Он присел на стул напротив нее.

– Мне тут очень нравится, – продолжала она. – А что означает название?

Этот вопрос привел Чонсу в некоторое замешательство. Говорить ли о том, что о названии они подумали в последний момент, поэтому денег и времени на замену разбившихся ламп вовсе не было? Наверное, не стоит.

– Означает, что мы работаем с восьми и до восьми. Правда... – Он на секунду задумался. – Очень часто мы закрываемся позже.

– А... – глубокомысленно протянула Оливия. – И у вас всегда подаются блюда корейской кухни? Потому что ты сам из Кореи?

– Нет, разные кухни бывают. У нас хороший повар, – ответил Чонсу, думая сменить тему разговора, который каждую минуту ставил его в тупик. – Как ты поживаешь?

– Хорошо, уже на втором курсе в колледже, – растерянно ответила она.

Проходя мимо них, Йи-фэй проворчал что-то на непонятном мандаринском, но что можно было понять как недовольство тем, что он один работает, в то время, как остальные отдыхают. Чонсу раздраженно посмотрел в его сторону. Иногда этот тайванец его действительно раздражал.

– А почему ты больше не снимаешься в фильмах? У тебя ведь так хорошо получалось... У тебя талант! Почему? – обрушился на Чонсу новый град вопросов.

Тут Чонсу задумался по-настоящему. И он думал не о том, что бы ответить этой девушке, а о том, что, может, ему и вправду стоило не бросать это нелегкое, но увлекательное дело?

– Достойных предложений пока нет, – ответил через некоторое время он первое, что пришло на ум.

– Жаль... Но можно ведь взять и маленькие роли? Я так жду, чтобы ты появился в новом фильме...

В ответ на это Чонсу просто не нашелся, что ответить. Он неосознанно почесал в затылке.

– Но ничего, – снова сказала Оливия. – Я верю в тебя. Ты еще снимешься в главной роли.

Она снова улыбнулась. Улыбка так красила ее лицо. Чонсу невольно засмотрелся на это, поздно сообразив, что смотрит уже довольно долго на нее.

– А как ты узнала об этом месте? – спросил он, наконец, то, что нужно было бы спросить в первую очередь.

Она удивленно посмотрела на него.

– Прочитала в журнале. Там и ты на фотографии был, – ответила она.

Вот так сюрприз. Никогда бы Чонсу не подумал, что об их кафе могут написать в журнале. Это было довольно... приятно.

– Мне еще надо работать, – вместо слов щенячьего восторга произнес Чонсу. – Поговорим после закрытия кафе?

– Не уверена, что смогу, но... Постараюсь.

И, конечно же, в конце дня Оливия уже ждала его у главного входа, весело помахав своей ручкой, как только увидела Чонсу. Тот, сказав пару фраз человеку, с которым и был запечатлен на фотографии, помещенной в журнале, вышел на улицу к ней. Олли совсем не хотела надоедать своему миру, но, если уж он сам пригласил ее погулять, то грех было отказаться. В девичьем сердце уже разгоралось то чувство, которое очень трудно идентифицировать и дать хоть какое-то название, что совсем не мешало заставляя биться сердце быстрее. А Чонсу обращался с ней скорее как с младшей сестрой, что несколько огорчало ее.

Они бродили по просторам парка Хэрлем Ривер. Были только первые дни весны, застенчиво стучащей в двери кабинета начальника погоды. Еще редко где можно было увидеть первые листочки на ветках деревьев и довольно часто – остатки снега. Из-за этого Чонсу пришлось ненадолго расстаться со своей курткой, потому что он был просто не в силах наблюдать за мелко подрагивающими руками Олли. Она была одета более чем легко и совсем не по погоде, поэтому куртка Чонсу оказалась на ее плечах примерно на половине дорожки вдоль реки Хэрлем. Свою непереносимость холода Чонсу решил скрыть. Она говорила о его несомненном таланте, о том, что его совсем не стоит скрывать, а нужно появляться на экране как можно чаще. Чонсу только соглашался с ней, кивая головой и обещая, что он непременно так и сделает. Она только радовалась, веря каждому его слову.

А он снова засмотрелся ее красивой улыбкой, и вдруг захотел, чтобы она всегда так улыбалась, искренне и радостно. К нему в голову даже на секунду закралась мысль о том, что можно было бы плюнуть на это все и поехать в Голливуд, только чтобы она всегда так улыбалась. Но лишь на секунду. Чонсу помотал головой.

– Кстати, у одной моей подруги отец – инвестор, – сказала Олли, когда они уже подходили к концу дорожки парка. Как раз перестал дуть холодный ветер, и, впервые за несколько дней, выглянуло солнце. – Он думает сейчас о новом проекте... Я хочу рассказать ему о вашем ресторане.

Чонсу только удивленно приподнял брови. Сначала он подумал, что она шутит. Но именно в этот момент ее лицо было серьезно. И в следующий момент Чонсу пришел в небольшое замешательство.

– Надеюсь, все получится. – Она опять улыбнулась. – Ведь ты... ты мне нравишься!

Последние слова она произнесла на невообразимых скоростях и даже совсем неожиданно для себя, а потом, коротко попрощавшись и быстро вернув куртку, убежала, только ее и видели, оставив Чонсу думать да гадать, что это все такое было. Не так уж они часто встречались, чтобы делать такие заявления... Он просто хотел, чтобы она улыбалась. Поразмышляв еще немного, Чонсу направился в сторону Ленгсингтон Авеню, чтобы сесть в метро. Было без малого половина одиннадцатого.

– Здравствуйте, дорогие телезрители! Сегодня в нашей программе Рамсейс китчен мы познакомим вас с немного необычным кафе в самом сердце Бруклина. Именно здесь...

– Пойдите-пойдите... – прервал всю компанию, вооруженную микрофонами и камерами, Минкё во второй половине дня. Он как раз вернулся из Колумбийского Университета и хотел получить свой получасовой полноценный отдых, который был нагло прерван. Это было через несколько дней. – Что здесь происходит?

Вопрос этот был вполне оправдан. И на него ответить бы, но вдруг все камеры оказались направлены на него, и тут же подлетел человек, который по всем параметрам смахивал на ведущего.

– А вот, наверное, и владелец восточной жемчужины кулинарии! Как в таком молодом возрасте вы добились такого успеха?

Микрофон в руке ведущего переместился в сторону Минкё. Остальные, включая Йи-фэй и Юэ, наблюдали за интересной сценой. Чонсу в это время снова помогал Майклу, так что сцену эту видеть просто не мог. Минкё, после лекций о несравненном Теодоре Драйзере, не совсем соображал, что хотят от их кафе и от него в частности, но через несколько секунд все же догадался, что это какое-никакое, но интервью. Конечно, не так он мечтал появиться в первый раз на экране, но для начала неплохо.

– Я просто шел к своей мечте, – ответил по всем правилам американского интервью, пустого и бессмысленного, Минкё. Он улыбнулся своей самой обаятельнейшей улыбкой из всех, что только можно было. – И вот в один прекрасный день мне улыбнулась Фортуна.

– Расскажите немного о своем кафе, – попросил ведущий, Ричард Лоуренс, как его звали, заранее предугадывающий, что именно ему будут рассказывать, ведь таких интервью он слышал уже сотню.

Тут Минкё немного притормозил, думая, о чем, собственно, ему нужно было бы рассказать. Он решил начать с персонала, который и так блистал немногочисленностью, поэтому много времени это совсем не займет. Он начал с Йи-фэй, потому что восточный бриллиант решил оставить напоследок. Йи-фэй смутился настолько, что в половине своей речи перешел на мандаринский, совсем не заметив такого конфуза. Эрик справился с этой задачей лучше, сказав всего пару слов о том, как ему нравится тут работать и какой здесь дружный коллектив. Тем более, что он уже имел опыт в этом нелегком деле, рассказывая о том, как стал свидетелем взрыва бензоколонки на углу Саутерн Бульвар. Юэ же как всегда, не показывая никаких эмоций, как всегда красивая и далекая, ограничилась парой слов, которые можно было расценить как хороший комментарий, так и не очень хороший.

За этим последовал рассказ о том, какой в их кафе прекрасный повар. Минкё не так уж хотел его показывать теле-

зрителям, потому что вместе с ним был и Чонсу, а ему уже было уделено достаточно внимания киноиндустрией. Теперь было его время. Но ведущий уговорил его познакомиться с этим чудом мировой кулинарии. Скрепя сердцем, Минкё повел всю съёмочную группу на их маленькую кухню, где творились произведения кулинарного искусства.

– А вот и наш шеф-повар, – представил Майкла «владелец ресторана», прикрыв собой своего друга, который в то время мыл посуду. – Майкл... как тебя? – в сторону шепнул Минкё.

– Майкл Зеленин, – сказал тот, даже не отрываясь от своего дела.

Ведущий тут же принял заинтересованный вид. Такое в его практике случалось довольно редко. Этот случай можно было считать только вторым за всю его десятилетнюю рабочую историю.

– Откуда вы приехали? – спросил он.

Больше Майкл не посчитал нужным отвечать на какие-либо вопросы и продолжил приготовление своего очередного шедевра. Сколько бы ни спрашивал его ведущий, Майкл только прикидывал количество соли и месил тесто. Почувствовав безвыходность ситуации, ведущий переключился на новое лицо, которое через несколько секунд вызвало у него настоящий и совсем не поддельный интерес.

– Неужели вы тот самый Чонсу Ким, который снимался в нашумевшем фильме «Летняя ночь 2»? – не поверил своим глазам Ричард Лоуренс.

Чонсу, только услышав свое имя, чуть не выпустил из рук тарелку, которую мыл все это время. Он стоял к камерам спиной, совсем не желая появляться в кадре. Но это все же пришлось сделать хотя бы приличия ради.

– Теперь вы всего лишь моете посуду в этом ресторане? – продолжал удивляться ведущий.

Чонсу немного замялся, переминаясь с ноги на ногу, посмотрел в сторону.

– Ну, понимаете, это... – Он немного помедлил. – Это мой ресторан тоже. Здесь я просто помогал...

– Но вы же сказали, что это ваш ресторан? – Ричард Лоуренс повернулся в сторону Минкё.

– Это... наш ресторан, – нехотя ответил тот. – Мой и его. – Минкё указал рукой в сторону друга.

Ведущий немного растерялся от таких заявлений. Его начальник сказал, что у ресторана владелец азиатской внешности, к тому же весьма смазливой, и молодой на вид. Первый человек, что его встретил, весьма подходил к описанию. Теперь владельцев оказалось двое. Но на долгую растерянность просто не было времени, потому что как-никак был прямой эфир.

– Расскажите, как вы создали этот замечательный ресторан? – справился с замешательством Ричард Лоуренс.

Друзья переглянулись, но спустя недолгую заминку Минкё начал рассказывать о тысяче и одном приключении в истории их ресторана, конечно же, выдуманных, в чем ему по-

могала его богатейшая фантазия. И, разумеется, он ни слова не упомянул о господине Лу, о котором, просто нюхом чувствовал, не надо было упоминать. Чонсу лишь изредка поддакивал, и единственное его дельное замечание состояло в том, чтобы перебраться в основной зал и не мешать сотворению очередного кулинарного чуда. Интервью закончилось дегустацией ведущим блюда, не такого острого, как подобает корейскому, но нежного и мягкого, что вызвало у него только одно слово:

– Вау! – молвил Ричард Лоуренс, прожевав мясо ягненка. Блаженная улыбка больше не сходила с его лица еще сорок пять минут, по прошествии которых ему обляпала новехонькие светлые брюки проезжающая мимо машина водою из лужи от небольшого дождя, сполоснувшего асфальт сегодня утром.

Когда камеры были отключены, ведущий еще раз поблагодарил обоих владельцев ресторана, от души пожелав дальнейших успехов в ресторанном бизнесе. Владельцы синхронно поклонились ему в ответ, чем вызвали только умиление в душе ведущего и улыбку на лице.

– Скажите, – немного помедлив, все же сказал Чонсу. – А кто вас прислал сюда?

Съемочная группа уже собиралась на выход, кто-то успел положить свое оборудование в машину.

– Шеф, конечно, – застегивая свою ветровку, сказал мистер Лоуренс. – Но, если сказать по секрету, – он заговор-

щицки сузил глаза, – то идею ему подкинул сам мистер Салдан.

И ведущий показал указательным пальцем куда-то вверх в неопределенном направлении. Минкё и Чонсу взглядом последовали за направлением, указанным мистером Лоуренсом, в конце концов увидев только потолок.

– Но это только разговоры, – усмехнулся мистер Лоуренс. – Бывайте!

И он сделал прощальный жест рукой, довольно громко хлопнув дверью за собой и оставив двух друзей в бесчисленных догадках и предположениях.

– А кто этот... – Чонсу на секунду задумался, припоминая, – мистер Салдан?

С надеждой он уставился на Минкё, предполагая, что он знает все и всех в этом городе. Минкё еще не отвечал некоторое время, глядя в сторону уезжающей машины через прозрачную дверь.

– Мне-то откуда знать? – наконец ответил он, а потом ушел, чтобы побыстрее обслужить клиентов и поменьше показывать свою некомпетентность в этом вопросе.

– Не понимаю я этих женщин, – слишком громко для рассуждений про себя сказал Минкё в среду в девять утра.

Это был довольно редкий день, когда он пришел в Колумбийский Университет на лекцию по мировой литературе, стоявшую первым занятием. Сколько он себя помнил,

ранняя побудка всегда давалась ему с трудом, так что и этот день не стал исключением. Поэтому он с размаху шлепнулся на последний ряд в аудитории. Уилл, его темнокожий бывший сосед, недовольно скосил глаза в его сторону. Бывший, потому что прознав о том, что Минкё ночует в общежитии крайне редко, администрация лишила его права проживать в этом чудном заведении, чему Минкё был только рад.

– Что случилось? – все-таки спросил Уилл. Лекция еще не началась, так что говорить можно было спокойно.

Это было серое пасмурное утро начала марта, что заставляло быть пасмурными и всех студентов и Минкё в первую очередь. Старинное холодное здание не давало возможности согреться, так что все были в одежде потеплее.

– У тебя когда-нибудь было так, что ты к ней и так и этак, а она не обращает внимания? – пояснил свою умную мысль Минкё, продолжительно зевнув в сотый раз.

Услышав такие слова афроамериканец задумался, уйдя своим сознанием в прошлое и перебирая все возможные и невозможные случаи. От умственных усилий он даже побабанил по столу.

– Был у меня один случай, – наконец сказал Уилл. – Анжелика... Вечно она носом вертела. У меня так ничего и не получилось. Тогда я взял и сказал ей все напрямую. А оказалось, она только этого и ждала. Вся сразу растаяла, только и собирай ложечкой.

– Ты серьезно? – не поверил Минкё.

– Серьезней некуда. Если ни один способ не действует, то скажи ей правду. А кто у тебя?..

– Да одна...

– Уважаемые студенты, сегодня мы будем говорить о творчестве Джека Керуака... – В их разговор вмешался преподаватель, которому уже давно была пора уходить на пенсию, если бы он не вел так интересно свои лекции. Поэтому его периодические чудачества повсеместно прощались всеми студентами.

Все оставшееся время лекции Минкё размышлял над словами своего бывшего соседа. Практически вся лекция была пропущена мимо ушей.

По чистой случайности и отсутствия внимания Минкё оказался на следующем занятии. А потом еще на одном. Он даже не запомнил, что там говорилось или делалось, он просто размышлял над вставшим перед ним впервые за долгие годы вопросом: что ему делать, чтобы Юэ хотя бы раз благожелательно посмотрела в его сторону.

После университета и отказа потусить вместе с кучкой таких же студентов Минкё решил не торопиться возвращаться в свой так называемый дом. Решив, что он и так уже долгое время нигде не был, кроме этих двух мест, кафе и университета, Минкё отправился в ближайший, не имеющий возможности похвастать обилием деревьев парк, где уселся на первую попавшуюся скамейку. Холодный ветер продолжал взъерошивать его немного отросшие волосы. Он был всегда

занят, это кафе отнимало уйму сил, так что даже и за собой не оставалось времени следить.

Вдруг ему пришла в голову совершенно новая мысль: а как же его друг? И что, в сущности, важнее: дружба или сердечные дела? Но, если посмотреть с другой стороны, она не обращала особого внимания на них обоих. Застенчивость мало когда могла привлечь девушку, но и привычное поведение самого Минкё ее явно не прельщало. Он не хотел терять друга.

Вдруг откуда ни возьмись шевельнулся призрак из прошлого. Смотря в одну точку, а точнее на голую ветку дуба, с которой вот-вот должна была сорваться капля, он обратил внимание на одну девушку. Она, Эллис. Минкё встряхнул головой. Это не может быть она! Когда Чонсу готовился к поступлению в Национальный Университет Чхоннам, Минкё услышал новую, но совсем ничего не значащую для него информацию. За кражу ювелирных изделий, как минимум, дают полгода, в зависимости от размера кражи. Насколько Минкё знал, украла она не одну серебряную брошь...

Приглядевшись получше, он понял, что все же это не она. Это была совершенно другая девушка. Минкё посидел еще немного, а потом поплелся обратно, к их кафе. Дорога была довольно долгая, так что у него еще оставалось время на то, чтобы додумать свои мысли.

– Ты где был?

Это были первые слова, которыми его встретили в кафе. Он зашел через черный ход, так ему больше нравилось. Но по глазам Чонсу можно было понять, что случилось что-то непредвиденное. Он вцепился в рукав Минкё и все то время, что они разговаривали, не отпуская.

– У нас тут полное кафе посетителей, а ты гуляешь где-то...

Минкё непонимающе посмотрел на него.

– В университете я был, – как само собой разумеющееся ответил Минкё.

– Давай, быстрее за работу, – немного успокоившись, сказал Чонсу. – Тот ролик, который снимали вчера, подействовал! Теперь у нас очень много клиентов.

Свое удивление Минкё решил не показывать. Сказал только:

– Хорошо, хорошо...

И выйдя в основной зал, он убедился, что в глазах друга не троилось. Посетителей было действительно много, так что почти без промедления Минкё приступил к работе. Он изредка поглядывал в сторону Юэ. Она работала как всегда, только намного быстрее, так, что ленивому глазу и незаметны были ее точные и изящные движения. Иногда взглядом он встречался с Чонсу, который смотрел в эту же сторону. Правда... Минкё вдруг понял, что смотрел он как-то по-другому, не так, как раньше.

Он ушел передать очередной заказ Майклу. Как прошел

весь оставшийся день, он не особо заметил, только перед глазами мелькали разные лица одинаковых посетителей. Первый месяц работы Минкё запоминал почти всех. Потом – только девушек. Затем – только симпатичных. А потом... перестал обращать внимание на кого-либо. Лишь бы они платили положенную сумму перед тем, как уйти. Так и настал долгожданный вечер, когда главный вход стал недоступен для посетителей, и была повешена табличка «Закрито».

– Вот это да... – только и смог протянуть Чонсу, плюхнувшись на стул и опустив руки, безжизненно повисшие вдоль тела.

– И с чего их было так много сегодня? – Минкё повторил действие друга и сел напротив него.

Чонсу еще некоторое время вглядывался в темноту за окном. Он целый день думал над причиной столь активного поведения людей, привыкший обедать в ресторанах. И далеко ходить за этой причиной не пришлось. Спустя полтора часа таких раздумий Чонсу пришел к единственному выводу о том, что это все мог устроить лишь один человек. Перед глазами тут же нарисовалась Оливия, которая говорила о ком-то, кто может быть слишком могущественным в их малом бизнесе. Оливия... Вдруг он осознал, что слишком часто думает об этой девушке в последнее время. К чему бы...

– Есть у меня одна мыслишка, – ответил Чонсу, более не распространяясь о своем глубокомысленном выводе.

Он кинул взгляд в сторону Юэ, которая прибирала то, что

еще не прибрали. Сегодня она отпросилась уйти вечером куда-то в другое место. Чонсу вдруг подумал, что ему не так важно, куда она уйдет.

– И какая мыслишка? – все-таки не выдержал ожидания Минкё.

– За нас кто-то замолвил словечко, – уклончиво ответил Чонсу.

– Секретничаешь?

– Да нет, просто...

Придумывать ничего не пришлось, потому что в следующий момент в кармане брюк Чонсу зазвонил телефон. Мало кто может позвонить в половину одиннадцатого. Друзья переглянулись и синхронно пожали плечами. Чонсу достал телефон. Высвечивался неизвестный номер. Он еще несколько секунд думал, прежде чем ответить.

Наконец он ответил. Уж больно настойчивым был звонок. Разговор был довольно коротким и таким тихим, что Минкё, сидя напротив, ничего не смог расслышать. Он этично отвел взгляд в сторону и уставился в окно, как это любил делать его друг.

– Мне звонили... – вдруг сказал Чонсу. Минкё так и не заметил, когда прекратился разговор. – Звонил продюсер нового сериала, он случайно увидел ролик про наше кафе и теперь приглашает меня на главную роль. Это будет сниматься в Голливуде.

Между ними повисла тишина на некоторое время. Тиши-

на была практически абсолютная, они и не заметили, когда ушла Юэ. Каждый думал об одном и том же, но по-своему. Они были одни в своем кафе, как когда-то, когда оно только готовилось к открытию, и они не думали ни о чем другом, кроме магазина, где продаются самые дешевые лампочки, или самого большого торгового центра с краской. За окном была глухая тишина. Даже гул автомобилей боялся нарушить эту тишину, поэтому можно было услышать дыхание человека, сидящего напротив.

– Ты, – начал Минкё после долгого молчания, – ты, конечно, можешь поехать. Давай, пробивай себе дорогу к славе, а я тут...

– Подожди, – прервал его Чонсу.

Но за этим словом так ничего и не последовало. Чонсу неожиданно понял, что ему, и правда, хочется сниматься дальше. Пусть это будет сложно, но ведь это так интересно. И потом, он хотел, чтобы Оливия всегда улыбалась так, как улыбается ему. Его друг еще долго ждал продолжения обещающей быть информативной речи, но было лишь молчание. Он и забыл, что Чонсу теперь новоиспеченный айдол. Тут бы и порадоваться за друга, но... У всех людей есть одно нехорошее свойство, которым они обладают в большей или меньшей степени. Нет, Минкё не завидовал другу, но порой думал: я бы смог лучше. Он внимательно посмотрел на Чонсу. Все-таки чему-то он научился за время проживания в Америке. Раньше, когда они жили в Кванчжу, можно было

понять, о чем он думает, по одному выражению лица. Теперь же... Он стал чуточку закрытее. Минкё вдруг понял, что скучает по тому Чонсу, наивному и до безобразия открытому.

– Эту программу показывали по местному телевидению, – неожиданно прервал молчание Чонсу. – Значит, этот продюсер пока здесь. Я найду его завтра, поговорю.

На это Минкё уже ничего не ответил, лишь подумав, что он бы тоже согласился на такое заманчивое предложение. Вместо этого он сказал лишь:

– Поздно уже. Я – спать.

С этими словами он поплелся на второй этаж, думая по пути: куда ушла эта Юэ. Чонсу еще остался раздумывать над только что поступившим предложением. Или он вообще ничего не думал. Минкё этого просто не знал.

Следующий день кардинально отличался от предыдущего. Несмотря на то, что была суббота, посетителей было намного меньше, чем вчера. Объяснив это тем, что все отсыпаются после бурно проведенной пятницы или повсеместной отправкой за город по случаю хорошей погоды, Минкё приступил к работе с самого утра, потому что Чонсу куда-то скрылся. К тому же еще вчера Эрик сказал, что сегодня у него важные тесты, и он никак не может присутствовать целый день.

В этот день было намного скучнее, чем в предыдущий. Йи-фэй как всегда ворчал по поводу и без, а Юэ... Юэ молчала, как всегда, и как всегда была красива и холодна. Минкё

смотрел на нее украдкой и не понимал. Он не понимал ее ни на йоту, ни на чон, ни на юань. Она была полностью закрыта в себе, и достучаться до нее просто не представлялось возможным. Новый заказ.

Отнеся заказ Майклу, Минкё снова посмотрел в ее сторону. Она расставляла тарелки и чашки перед целой компанией. Она никогда не говорила, что устала. Она вообще никогда не говорила, что чувствует. Ему вспомнились слова Уилла. Сейчас это представлялось наиболее возможным.

Чонсу не возвращался целый день. Дождавшись вечера, когда кафе уже пустовало, а Майкл и Йи-фэй ушли, Минкё пригласил Юэ выпить с ним чай. Она только спокойно посмотрела на него, нисколько не выражая своих эмоций.

– Ты здесь работаешь почти год, – начал Минкё, разливая чай. Юэ сидела за столиком и смотрела куда-то в сторону. – Нравится?

– Да, – просто ответила она.

– Знаешь... За этот год я так ничего о тебе и не узнал.

Минкё присел напротив и отпил глоток. Юэ молча последовала его примеру.

– Скажи честно, ты ведь понимала, что нравишься Чонсу? Что нравишься мне?

Она, не сказав ни слова, посмотрела на него. В ее глазах был темный омут, который может затянуть неосторожного собеседника.

– Ты можешь выбрать кого-то из нас? Скажи, кто тебе нра-

вится. Я? Чонсу?

Юэ глубоко вздохнула. У нее неосознанно вырвались слова, которые просто невозможно было понять. Минкё не знал китайский.

– Смешные вы, – наконец сказала Юэ, усмехнувшись. – Один и второй... Женщина знает больше, чем кажется мужчинам. Конечно, я знала. Знала с первого дня. Просто было интересно наблюдать. Но... вынуждена тебя разочаровать. Я скоро уеду отсюда. Уеду далеко, в Австралию. Здесь я работала, чтобы накопить денег.

С каждым словом сердце Минкё опускалось все ниже и ниже, совсем перестав биться.

– Месяц назад туда уехал мой бойфренд, – продолжала Юэ. – И я тоже туда уеду. Там начнется новая жизнь. И еще...

Она допила свой чай и поставила кружку.

– Будьте осторожны со своим инвестором. Помнишь, в первый день я рассказала о своем дедушке? Так вот это и есть он. С самого детства он обучал меня боевым искусствам. Элитный боец... – Смешок. – Я сбежала от него. Все эти люди, все пожары и потопа – его рук дело.

С этими словами, произнесенными уже почти шепотом, Юэ ушла на второй этаж, оставив Минкё в одиночестве все обдумывать. Так вот какая она, Юэ... Все предположения и догадки рухнули в один момент. А он, наивный, надеялся, что она ничего не знает, но обязательно выберет его... В чем-

то Уилл оказался прав, и лучше было узнать всю правду сразу. Вдруг глаза сделались влажными, и никак нельзя было их осушить. Она уедет. Уедет завтра, понял Минкё. И никогда они не встретятся вновь.

Чонсу вернулся довольно поздно. Он застал друга с бутылкой, выуженной из запасов кафе. Бутылка была наполовину пуста. Ничего не говоря, Чонсу забрал бутылку, а оставшееся в стакане перелил обратно. Они так часто делали с дорогими напитками, ведь все равно спирт не портится. Минкё мутными глазами наблюдал за действиями друга и удивлялся, что он здесь еще делает? Сейчас, по причине большого количества алкоголя, он может нести полную околесицу. Только одно он решил не говорить. Он не скажет, что Юэ уедет в Австралию.

– Ты почему все еще здесь? – спросил друга Минкё следующим утром, только проснувшись.

– А где мне быть? – удивился Чонсу, поправляя покрывало на диване.

– Ну, там, в Голливуде...

Чонсу непонимающе посмотрел на друга, а потом рассмеялся, как не смеялся уже очень давно.

– Я же отказался от съемок, – сквозь смех с трудом сказал он. – А ты думал!..

– И ты останешься здесь? – с подозрением уточнил Минкё.

– Ну да, где же еще...

Чонсу все еще продолжал смеяться, когда уходил на первый этаж. Солнце только поднималось из-за горизонта, освещая крыши домов. Фонари продолжали светить, соперничая с главным светилом. А Минкё повернулся к этому миру спиной, надеясь доспать еще чуть-чуть и проклиная все на свете, потому что показал, что не сможет обойтись без Чонсу. Но через полминуты перевернулся обратно. Дверь в другую маленькую комнату была приоткрыта. Обычно Юэ всегда плотно закрывала дверь, теперь же... Минкё подскочил с дивана и в два шага подошел к двери. Толкнув ее, он обнаружил, что там никого нет, все прибрано, а на старой тумбочке лежит записка. Он подошел поближе. Одно единственное слово. «Кансамнида*». Прочтя его, Минкё усмехнулся. Для нее совсем не было секретов.

Больше не надеясь доспать недоспанное, Минкё быстро оделся и спустился на первый этаж. Он немного улыбался и сам не понимал, почему именно он улыбается. Она уехала, и в пору было бы причитать да расстраиваться, а он только улыбался, а на душе было легко.

– Что-то ты рано, – заметил Чонсу, занятый своим любимым делом – протираанием столов перед открытием. – Кстати, где Юэ?

Минкё лишь пожал плечами и пошел заваривать себе законную чашку кофе. По дороге он столкнулся с Йи-фэй, который тоже пришел раньше обычного, по причине бессон-

ницы, как он сам объяснил.

За окнами вставало светлое солнце, освещая все подвластные ему территории чистым золотым светом, какой бывает только в начале весны, когда растаял последний снег, а листва готовится распусться. Теперь по утрам начали щебетать птицы на все лады, поэтому музыку так не хотелось включать. Рано утром было достаточно мало автомобилей, чтобы заглушить птичий хор из разных голосов.

Когда все столы были протерты, Чонсу понадобилось пойти наверх за оставленным там фартуком, который уже стал незаменимой составляющей его сущности. Поднявшись, он быстро зашел в комнату, но вдруг забыл, зачем шел вообще. Он увидел раскрытую дверь. Помедлив немного, он медленно сделал шаг по направлению к комнате Юэ. Еще шаг. Наконец он зашел туда. Увидев порядок и немногочисленные сложенные вещи, он все понял. Не нужно было видеть записки, чтобы все понять. Но, увидев ее, он удостоверился окончательно. Ослабевшая рука положила записку обратно, и он еще несколько минут стоял неподвижно. Ему вдруг вспомнилась их первая встреча. Вспомнилось, как все началось, как он подумал, что она воришка. Спустившись обратно, Чонсу только посмотрел на друга, задавая ему немой вопрос. Тот кивнул в ответ, уничтожив все оставшиеся надежды.

*Кансамнида – спасибо, кор.

Начался новый день. Все оставалось по-прежнему. Если только солнце светило светлее. И не было ее. Оказалось, что, несмотря на то, что она молчала по большей части, ее так не хватало. Без нее кафе опустело, в нем стало скучно. И посетителей стало меньше, потому что выяснилось, что половина мужского контингента приходила лишь для того, чтобы поглазеть на холодную восточную красавицу.

Так прошел день. Второй... Стало нестерпимо скучно. Возникло предложение взять на работу другую девушку, а лучше даже не одну. Но и Минкё, и Чонсу понимали, что больше такой не найти. Да и финансы не позволят.

Эрик был расстроен ее уходом тоже. Но только лишь потому, что его кумиру так и не удалось добиться ее сердца. И... тоже было скучно.

Все же на работу приняли американку, довольно молодую и милovidную. Джен. Ей удавалось обслужить десяток клиентов в минуту. Могла бы и больше, если было больше и клиентов. Она проводила много времени и на кухне, а Майкл, как ни странно не возражал. Допустить на свою кухню чужого человека для него было несвойственно и совсем необычно.

И все же кафе опустело. Кухня вновь стала обычной, без всякого азиатского добавления, потому что исчез сам колорит. Теперь Майклу приглянулись греческие блюда. В ответ на это Минкё лишь пожал плечами. Пустое кафе не способствовало никаким новым идеям. В отличие от Майкла, из

которого идеи так и брезжили. Казалось, у него настала вторая молодость, притом, что еще и первая не совсем прошла. Минкё подозревал, что во всем виновата Джен.

Время шло, по улицам начал распространяться запах немногочисленных цветов в парках, если его полностью не перебивал запах бензина. Весна полностью вступала в свои права, и вот уже год, как друзья в первый раз вместе зашли в здание по адресу 8 Авеню, 22. По этому поводу они устроили вечер воспоминаний. Пропустили стаканчик-другой пива, а воспоминания все лились и лились нескончаемым потоком, будто это был вечный разноцветный никогда не повторяющийся фонтан. Все было...

Непредвиденные происшествия наконец-то закончились, и друзья пришли к выводу о том, что проклятие их кафе завершилось. У Минкё настало время экзаменов и тестов, поэтому он пропадал намного дольше в Университете, чем за весь год. Пропадал...

В один день он пропал совсем. Уйдя с самого раннего утра, он не возвращался до самой ночи. Сначала Чонсу не особо беспокоился, клиентов было мало, а пропадать на целые сутки было вполне в стиле Минкё. Но вот настало утро...

– Где Мэтт? – спросил тогда Майкл. Он так и продолжал называть так Минкё.

– Не знаю... – ответил притихшим голосом Чонсу.

Тогда он уже начал беспокоиться, потому что обычно

Минкё после таких гулянок приходил утром. Но его не было и вечером. И вот настала вторая ночь. Чонсу остался в здании один.

Наконец, утром следующего дня он не выдержал и достал свой телефон, который частенько проявлял своеволие. Это чудо техники само решало, стоит ли звонить абоненту или вовсе нет. На этот раз телефон решил, что стоит, со второго раза. Но вот ответил только совершенно незнакомый голос.

– Мы уж думали, что ты не позвонишь...

Два дня назад Минкё успешно сдал тест по французской литературе девятнадцатого века. И хотя результаты еще не были известны, он просто нюхом чуял, что у него будет высший балл. В приподнятом настроении он решил немного передохнуть в университетском парке. Потом он решил посетить один из своих любимых клубов, из которого уходил обычно поздно ночью. Не без небольшой доли алкоголя Минкё принялся увиваться за одной черноволосой девушкой, которая здорово напоминала ему Юэ. Та же неожиданно согласилась на все его предложения. Веселье било через край, и Минкё уже хотел увести девушку из клуба. Но, только ступив за порог клуба и пройдя пару шагов вместе с девушкой, потерял равновесие, а потом и вовсе упал без сознания на асфальт. Несколько часов он ничего не видел и не слышал, полностью отключившись от этого мира.

Открыв глаза, он увидел себя в старом и грязном малень-

ком помещении. Связанный, он лежал на полу и совсем не имел возможности ни то, что двигаться, даже пальцем шевельнуть. «Ну вот... – подумалось ему в шумящей всеми фанфарами голове. – Опять во всем виновата девушка. *Cherchez la femme**... Вот вам и Дюма» – подумал он напоследок, еще не полностью отойдя от своего злосчастного теста по французской литературе.

– Оклемался? – спросили его на плохом английском.

Минкё только слышал собеседника, но совсем не имел возможности его видеть – он был за его спиной. К счастью, кляп в рот ему не вставили.

– Что вам нужно? – спросил он у пустой обшарпанной стены. Язык плохо слушался его.

За этим последовала минута молчания. Минкё представилось, как человек внимательно смотрит на него.

– Лишь немного денег, – наконец ответил человек. – Что-то твой друг до сих пор не звонит...

Минкё подумал, что Чонсу не позвонит еще день или два, потому что слишком привык к таким похождениям. Именно сейчас он пожалел, что приучил друга к этому. В каком-то шоу корейских айдалов он видел выпуск о командной телепатии. Может, попробовать? «Чонсу, звони мне сейчас же!..» – с усилием подумал Минкё. Спустя пять минут Минкё понял, что все это бесполезная трата времени. Впрочем, у той группы тоже ничего не получилось, к тому же группа эта потом просто распалась. Потом он подумал, что луч-

ше Чонсу вообще не звонить. Еще сорвется с места и угодит в такую же ловушку.

Так прошел остаток дня и вся ночь. Минкё даже не мог предположить, что он может сделать. Положение было полностью безвыходным, зачем его связали неясно, но он уже начал догадываться. Все те детективы, что он читал, сейчас просто оказались бесполезны.

Наконец-то звонок!

Минкё вслушивался в надоедливую мелодию, пока за его спиной решали отвечать или нет. Он проклял все на свете из-за своего решения назвать в своем телефоне Чонсу Черепашкой. В конце концов, ответили.

– Мы уж думали, что ты не позвонишь, – сказал тот же самый голос.

** Cherchez la femme – Ищите женщину, во французском языке слова, означающие, что во всем виновата женщина.*

Услышав этот голос, Чонсу почувствовал, как внутри все похолодело. Куда же этот оболтус вляпался на этот раз? В горле пересохло, и говорил он с большим трудом.

– Кто вы? – дрожащим голосом спросил Чонсу.

– Люди господина Лу. Так вот, нам нужно от тебя только одно: раз уж вы такие неговорчивые, подожги свое кафе сам. Тогда твой друг вернется целым и невредимым. А если нет... То нет.

– Подождите, а вы...

– И еще, не звони в полицию. Тогда твоего друга ничто уже не спасет.

– Дайте мне его услышать, – глухо сказал Чонсу.

Послышались шаги по пустому полу. Потом они стихли.

– Чонсу, слышишь? Не делай этого! – крикнул в трубку Минкё. – Я как-нибудь выберусь, только ты не сжигай свою мечту! Слышишь меня?

– Все, хватит, хватит, голубки, – послышался тот же голос. – У тебя двадцать четыре часа.

И долгие гудки после этих страшных слов. Внутри Чонсу все перевернулось. Еще немного и он бы потерял равновесие. С большими усилиями он добрался до ближайшего стула. Мир вокруг него перестал существовать, а связно думать просто не получалось. Наверное, его лицо сильно побледнело, потому что к нему подбежала Джен, спросить, что случилось. Он не слышал и ее. Спустя две минуты к нему все-таки вернулась возможность думать.

Конечно, Лу нужна была страховка. Видимо он застраховал заведение под большие деньги, следовательно, получит еще больше. Теперь объяснились все эти непредвиденные случаи с пожаром и потопом... Интуиция неудавшегося юриста оказалась права тысячу раз, когда говорила ему не соглашаться на это. Но теперь только поздно.

Как только посетителей стало относительно мало, он повесил табличку «Закрыто». Йи-фэй и Джен непонимающе посмотрели на него. Ничего не сказав им, он просто сел на

свое любимое место около окна. Пожав плечами, Йи-фэй ушел домой. Джен еще некоторое время пыталась добиться от него хоть что-то, но потом ушла тоже. У них с Майклом сегодня свидание. Дольше всех с ним пробыл Эрик. Он построил тысячу и одно предположение о том, что же случилось, но Чонсу все молчал и оставался неподвижен. Эрик ушел через главный вход.

Именно поэтому через некоторое время беспрепятственно зашла Оливия. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла, только увидев его лицо. Она просто села рядом, ожидая, что Чонсу что-то скажет. И ее ожидания не оказались пустыми.

– Они его похитили, – тихо сказал Чонсу.

Оливия непонимающе посмотрела на него. За окном уже довольно стемнело, а он так и не включал свет.

– Минкё у них.

И Чонсу пришлось обо всем рассказать. Как они заняли деньги, как он снимался ради этих же самых денег... По мере продолжения рассказа Оливия все сильнее зажимала рот рукой, а глаза ее стали непомерно широкими.

– Позвонить в полицию, – как только кончился рассказ, сказала Оливия. – Нужно позвонить...

– Они его убьют, – покачал головой Чонсу.

В кафе настала абсолютная тишина. Минкё всегда был самонадеян и переоценивал свои силы если не втрое, то вдвое уж точно. Он не выберется. Что же делать? Чонсу вспомни-

лись все те года, которые они были вместе. Он бы и не смог представить себя без Минкё. Он был ему братом. Нет, больше, чем брат. Он был ему самым настоящим Другом. А мечтам... Мечтам свойственно разбиваться.

– Сегодня, – глухо сказал он.

– Что? – спросила притихшая Оливия.

– Сегодня я сожгу свою мечту.

– Нет!.. Это же твое кафе!

Чонсу уже не слышал ее. Он встал и начал медленно и без цели ходить по главному залу. Зашел на кухню. Провел рукой по печке. Подошел к стене. Посмотрел на Чхун Хян. Теперь казалось, что она сочувственно смотрит именно на него. Он не понимал рисунков Минкё. Но именно сейчас они казались ему самыми красивыми. Каждая вещь здесь была наполнена воспоминаниями. О каждой можно было рассказать какую-то историю, хотя они и пробыли здесь всего лишь год. Всего лишь год...

Под конец Чонсу зашел на второй этаж собрать все нужные вещи его друга и свои. Не так уж много их оказалось. Решив, что Минкё обойдется без всех своих кремов, которые он специально выписывал из Кореи, Чонсу понял, что нести ему придется не так уж много. Денег должно хватить на первое время. За последний месяц выручка прибавилась. Вдруг по его щеке скатилась капля. Неужели?.. Вторая... Совсем не время. Чонсу утерся рукавом рубашки и спустился обратно на первый этаж.

Оливия ждала его, растерявшаяся, совсем не знающая, что делать.

– Пойдем, – глухим голосом позвал ее Чонсу.

Он зашел на кухню и взял зажигалку, ту, что принадлежала Майклу. Он уже полгода старался бросить курить, но все это было бесполезно. Если только Джен поможет ему в этом нелегком деле. Оливия все еще стояла, глядя на Чонсу и не веря, что все, что происходит – правда. Чонсу взял ее за руку и потянул к выходу. Она упиралась.

– Я не хочу так! – крикнула она. – Мы же еще можем что-то сделать!

Чонсу взглянул на нее. Она, правда, верила... Он снова покачал головой и вывел ее на улицу. Нужны дрова... Он забежал обратно за парой стульев. Сломав их, он поджог сухое дерево, которое тут же весело затрещало, разливая пожирающий свет. На улице стояла тихая ночь. Не было ни одной живой души. Он разбил окна и в них кидал загоревшееся то, что еще полчаса назад было стульями. Оливия смотрела на все это, и слезы катились у нее из глаз. Затем она тоже схватила одну головешку и бросила ее внутрь здания через разбитые окна.

Чонсу чувствовал, что сейчас рассмеется. Не тем, залившим смехом, что был иногда, а смехом полным горечи и сожалений. Закончив бросать деревяшки, он отошел от здания и просто наблюдал, как рушится и сгорает его мечта. Смотрел, как дым уходит в ночное небо, унося с собой все мыс-

ли, все надежды и мечты туда, в недоступную вершину. Оливия подошла к нему. Она взяла его за руку. Так было легче. Она тоже смотрела, как стораает здание. Смотрела и беззвучно плакала, хотя и не понимала, что значило для Чонсу это здание...

Пожарная машина приехала только, когда уже нельзя было ничего спасти, а черные обуглившиеся окна безжизненно смотрели на улицу, где уже глазели на это все первые прохожие. К тому времени там уже не было ни Чонсу, ни Оливии.

Снова зазвонил телефон. Эта мелодия уже совсем надоела Минкё, но он ничего не мог поделать, потому что продолжал лежать на полу, смотря в эту пустую стену. Он наплевал на себя. Он только не хотел, чтобы Чонсу уничтожил свою мечту. Речь на китайском. Он ничего не понимает. Он только не хочет этого всего.

– Ну что, – обратился к нему все тот же человек. – Все закончилось. И нам хорошо, и вам, не правда ли?

Именно сейчас Минкё захотелось врезать этому человеку, лица которого он даже не видел. Он почувствовал, как на его голову надевают мешок. Руки ему не развязали, но дали свободу ногам. Он попытался встать, но тут же упал. Некоторое время пришлось растирать затекшие ноги. Наконец его вывели из здания, которое он не видел и никогда не увидит. На нижних этажах пахло китайской едой. Его толкнули в машину. Мешок на голове так и болтался. Он слышал, как что-то

тихо говорят на китайском, как шуршат колеса машины, как им сигналият, и водитель сигналил в ответ...

Его выкинули, предварительно развязав руки, где-то около парка, и Минкё только потом понял, что это был парк Мэдисон вблизи их кафе. Будто в насмешку, они выбросили его, чтобы он полюбовался остатками их кафе. Остатками... Были только они. Минкё не смог долго смотреть на почерневшее здание. Он отвернулся, простоял так еще немного, а потом побежал в неизвестном направлении и бежал, сколько мог, толкая всех на своем пути. Но силы быстро покинули его, потому что он так долго пролежал в одном и том же положении. Наскребя в кармане последние центы, Минкё набрал номер телефона Чонсу в ближайшей телефонной будке. Долго не отвечали.

– Минкё? Где ты? Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке? – прозвучали вопросы, словно автоматная очередь

Минкё усмехнулся. Чонсу иногда и вправду напоминал ему кимчхонскую тетушку со своими тревожностями.

– Все нормально. Я на 3 Авеню. Со мной все в полном порядке...

Не договорив эту фразу, Минкё потерял последние силы и упал на пол телефонной будки. Больше он ничего не чувствовал и ничего не видел.

Его разбудили легкие похлопывания по щекам. Он обнаружил себя лежащим на уличной скамейке, а перед собой – Чонсу, склонившегося над ним. Голова напоминала Долину

Смерти – ни одной мысли и вся растрескалась. Вместе с Чонсу над ним склонилась девушка, та, что всегда вьется около него. Друг подал ему бутылку воды, заставив Минкё тут же встать.

– Ты – мой спаситель, – невнятно сказал он, приложившись к бутылке. Одним махом он осушил целую половину.

– Ты цел? – спросил Чонсу.

– Да, руки-ноги целы, – ответил Минкё, напившись.

Все это время Оливия непонимающе переводила взгляд с одного на другого. Она просто ничего не понимала, корейский для нее был недоступен. Минкё снова уселся на скамейку. Теперь ему непомерно захотелось есть. Чонсу, а затем и Оливия последовали его примеру.

– Что теперь делать будем? – спросил Минкё, глядя на веселую компанию, проходящую мимо них.

Ответа пришлось ждать долго. Их дело, их жизнь разрушились в одночасье, а будущее было полностью во тьме.

– Я хочу вернуться туда... – сказал Чонсу через некоторое время. – Я хочу вернуться домой.

– Вот как... Подождешь меня?

Чонсу непонимающе посмотрел на друга. Он совсем не ожидал такой фразы.

– Но только на два месяца. Потом я опять сюда.

– Постойте, – неожиданно прервала их Оливия. – Вы сейчас обсуждаете, что делать дальше? Я правильно поняла?

Друзья одновременно кивнули.

– Помните, я говорила, что отец моей подруги инвестор? У него очень много денег. Вы можете начать все сначала...

– Нет... – тут же ответил Чонсу. – Я больше не хочу.

– Подожди, – вступился за идею Минкё. – Деньги везде деньги. А если он поможет нам открыть свое кафе в Корее? Название то же, а?

– Да-да, так тоже можно, – поддакнула Оливия.

– Я так уж и быть, помогу тебе, буду приезжать иногда, – продолжал Минкё. – Начнем все сначала?

В голове у Чонсу совсем не укладывалась новая идея. Он просто хотел домой... Но если так, то...

– Давай!

– Звони своему ачжосси, – одновременно сказали они Оливии.

Она догадалась, что ей сказали, только через несколько секунд. Но просто так позвонить не могла. Надо было прийти к ним домой, и все рассказать. Она так и сделала, оставив двух друзей в кафе набивать давно пустые желудки.

Телефон Чонсу начал разрываться от звонков в то время, когда у них обычно начинался рабочий день. Больше всего волновался Эрик, так и спрашивал каждую минуту, цел ли его кумир. Да-да, все в порядке, приходилось отвечать ему.

Под вечер в это самое кафе в сопровождении Оливии пришел представительный мужчина, неподалеку от которого были двое людей в неприглядной одежде. Он представился мистером Салданом, тем самым, который организовал съемки

у них в кафе. Он был только рад вложить деньги в новый проект и выглядел человеком, которому можно было доверять. По крайней мере, такой вывод сделал Чонсу.

Переночевав в отеле, на следующий день друзья начали обговаривать детали сделки. Он хотел сделать два, а может, даже три ресторана с той же идеей – распространенные кухни всего мира. Друзья согласились. Еще бы...

– Майкл, не хочешь съездить на край света? Не хочешь побывать в Корее? – спросил Минкё. Приходилось звонить с телефона Чонсу, потому что его собственный ему так и не отдали.

С того конца доносилось лишь долгое молчание, а потом:

– А почему бы и нет? – неожиданно весело ответил Майкл. – Джен, ты хочешь?

С другого конца донесся отдаленный женский голос, по тону выражающий согласие.

– Решено! – сказал Майкл.

Друзья улыбнулись такому решению.

Через две недели пришлось покупать пять билетов на самолет, потому что Оливия с радостью приняла приглашение Чонсу. С мистером Салданом у них была только электронная связь, но и ее хватало в полной мере. Подавать в суд на Лу Чаошена не имело смысла, потому что не было никаких доказательств. Так сказал Чонсу, а Минкё верил ему в таких вопросах безоговорочно.

Оливия теперь нашла свое место в сердце Чонсу, очень прочное и нежное. От того, что он возьмет ее за руку, она уже сияла, а Чонсу было достаточно лишь видеть ее улыбку. Она осталась с ним, чтобы уехать обратно, но потом опять вернуться к нему.

Минкё принял осязаемое участие в проектировке кафе. Чхун Хян обязательно должна была быть нарисована на стене. На следующий день к нему, конечно же, прибежала Ёндэ выспрашивать каждую подробность жизни в Америке.

Первое кафе было построено, конечно же, в Кванчжу. Дома им устроили целую вечеринку с тысячей родственников.

Прошло несколько месяцев. Три кафе было построено. Одно в Кванчжу и два в Сеуле. Чонсу на время остался один, всего лишь месяц назад попрощавшись с Оливией, слезно и горько. Часто он бывал в кафе в Кванчжу, но в этот день он приехал именно в Сеул, проверить баланс доходов и расходов. Там же располагался их главный офис. Это кафе ему особенно нравилось. Из-за вида из окна на Ханган или из-за того, что именно здесь был Майкл, он сказать бы не мог. Просто нравилось.

– А я вам говорю, позовите сюда вашего начальника! – раздался громкий требовательный голос.

Чонсу пришлось оторваться от созерцания Хангана и выйти из коридора.

– Я здесь, – тихо сказал он.

Перед ним стоял примерно его возраста парень, немного выше и намного наглее. «Спортсмен», – мелькнуло в голове у Чонсу.

– Это вы-то? – с насмешкой спросил парень. – Я вам говорю, что Твэнчжан Ччиге готовится совсем по-другому.

– Если вам не нравится, то вы можете...

– Нравится, – неожиданно сказал парень. – Это говорю вам я, игрок футбольной команды Сеула, Чхве Мин Хон! Мне просто интересен секретный ингредиент...

– Вы!.. – удивился Чонсу. Он иногда смотрел футбол и даже знал этого игрока. У него был брат-близнец, но сейчас его вместе с ним не оказалось. – Очень рады, что вы выбрали именно наш ресторан! Но... ингредиент на то и секретный, что должен остаться в секрете.

Мин Хон весь как-то сник. Но на этом его пылкость не пропала и он сел за стол доедать свой твэнчжан ччиге, пригласив и Чонсу, что тот с радостью и сделал. Разговаривать с ним было весьма необычно, но крайне интересно.

На рождественские каникулы приехал Минкё, проверить, как идут дела у его «тонсэна». Следующим рейсом прилетела и Оливия, и тогда Чонсу сам отписал себе два дня выходных.

Эта зима была теплой, как никогда. Не на улице. В сердце. На Рождество выпал белый снег*.

*... На Рождество выпал белый снег – снег на Рождество в Корее – хорошая примета.

Один год спустя

«...Прекрасная атмосфера ресторана «8AM & 8AM» как нельзя лучше располагает к себе всех посетителей. Кстати, известная героиня национальных сказок Чхун Хян, изображенная на стене, есть и в остальных ресторанах. Она ваш талисман?

Микрофон переместился в сторону высокого молодого человека, одетого в светлый костюм.

– Да, можно и так сказать... Она одна из моих любимых литературных героинь. А вообще...

– А также, – перебил молодого человека ведущий, – вчера состоялась, если можно так сказать, премьера новой кухни. Теперь индийская! Кстати, а вы больше не планируете сниматься в фильмах? Говорят, вам предлагали роль в новой драме...

Микрофон переместился в сторону второго молодого человека, серьезного и немного стеснительного.

– К сожалению, нет, – ответил он. – Все мое время у меня занимает ресторан...»

Человек в черной футболке и джинсах взял пульт в руку и выключил телевизор, брезгливо отбросив этот самый пульт в сторону. В комнате, где он находился, царил полумрак из-за нераскрытых занавесок, хотя уже давно был день. Вместе с полумраком царил некоторый беспорядок, валялись бу-

мажки и обрывки газет. Человек сел на диван, взяв в руки свежую газету, в которой тоже была статья о ресторане, про который говорили в воскресной кулинарной программе. Это все началось после посещения ресторана одним высокопоставленным чиновником. На фотографии под заголовком были два молодых человека, счастливо улыбающихся и машущих руками.

– Гаденыш... – прошипел мужчина. – Ты меня еще не знаешь! Придется нам познакомиться...

Под рукой оказалась ручка. Ею он обвел голову одного из двух молодых людей, проткнув бумагу ручкой где-то в районе переносицы. Но для начала важный разговор...

Стекло, отделяющее свободу от вынужденного заточения, было исцарапанным и грязным. Как оно могло стать таким, если все время присутствовал страж порядка, неясно. Мужчина в черной футболке и джинсах сидел со стороны, которую можно было назвать «свобода». Его собеседник, мужчина лет сорока с хвостиком, в казенной одежде, небритый, – с другой стороны. Полицейский с непозволительно скучающим видом рассеянно наблюдал эту сцену.

– Еще восемь лет и шесть месяцев... – хрипловатым голосом прервал установившееся ненадолго молчание мужчина в форме заключенного.

– К сожалению, долго, сачжанним*, – подтвердил тот, что находился на «свободе».

Снова минутное молчание. Полицейский уже хотел прервать встречу, но они заговорили снова.

– Кстати, я дочитал ту книгу... – сказал тот, что был на стороне, где свободы не было. – Не так интересно, как предыдущая. Ты принес еще?

– Да, принес, сачжанним, – ответил мужчина со стороны «свободы», с готовностью положив две книги перед стеклом. – И принес еще кое-что. Сейчас стал очень популярным один ресторан... Говорят, там все кухни мира. Но более интересны его хозяева.

Тот, кого называли «сачжанним», непонимающе приподнял бровь.

– Один из них мне напоминает нашего младшего секретаря, что работал у нас полтора года назад.

При последнем слове на лице мужчины сорока с лишним лет отразилось понимание, а в глазах загорелась ненависть.

– Очень интересно, – вместо расспросов ответил он. – Хотелось бы с ним *встретиться*.

– Понял, Канг-сачжанним.

На этом беседа прекратилась окончательно. Мужчина в черной футболке и джинсах поспешно ушел. Человек, которого называли Канг, еще сидел некоторое время, пока полицейский проверял принесенные книги. Ненависть в глазах продолжала гореть, с каждой минутой становясь все больше.

*сачжанним – обращение к руководителю какого-либо предприятия.

Был обычный летний день, такой, как и вчера, как и позавчера, – жаркий и душный. Солнце нещадно палило город, а дождь по прогнозу синоптиков должен был быть только в следующий четверг. Сеул изнывал от жары, люди спасались от этой жары под кондиционерами у себя дома, на работе или во всяческих кафе и ресторанах. Таких как «8AM & 8PM», например. Скандинавская кухня, обещанная посетителям в этот день, просто предполагала прохладную атмосферу. Клиенты с удовольствием пробовали новые для себя, необычно совсем не острые, блюда.

– Эти интервью отнимают все свободное время... А в прошлом месяце прибыль составляла немного больше, чем в этом.

– Многие уезжают в отпуск. Убытки незначительные.

– Да, но строительство ресторана в Инчхоне снова откладывается...

Молчание. Скрип ручки по бумаге в крайне деловой атмосфере.

– А вообще... Чонсу, ты не находишь, что мы с тобой начинаем напоминать калькуляторов? Или там роботов... Только год прошел с открытия, а мы так изменились.

Чонсу еще некоторое время продолжал что-то записывать в отчете, только потом оторвавшись от столь скучной бумажки. Несколько секунд он внимательно смотрел на друга.

– Что ты имеешь в виду, Минкё?

– А то, что мы с тобой только и разговариваем о цифрах, как я приезжаю в Сеул. А если я и в Нью-Йорке, то мы с тобой разговариваем об этих цифрах по интернету. У нас просто нет других тем для разговора...

Минкё, одетый в светлые узкие брюки и футболку, с такой же косой челкой, спадающей на глаза, и с таким же беспечным взглядом плюхнулся на маленький диванчик, стоящий у стены неподалеку от окна. Оба участника диалога находились в кабинете, так сказать, главном офисе небольшой, но достаточно популярной сети ресторанов.

Чонсу, теперь серьезный и деловой молодой человек, в темном костюме, снова вернулся к бумагам. Он сидел за столом, в кожаном кресле и был немного бледноват от частого сидения в этом самом кабинете.

– Строительство нового ресторана в Инчхоне очень важно. Это наш приоритет в планах на эти полгода, – произнес он, не отрываясь от бумаг.

– Ким Чонсу! – воскликнул Минкё, вскочив с дивана. Он прошелся по кабинету туда-обратно, а потом подошел к другу и развернул его кресло так, чтобы они оказались лицом к лицу. – Ты себя-то слышишь? Когда ты в последний раз был дома в Кванчжу? Оливии когда звонил? Когда мы с тобой на берег Тонхэ ездили? Через две недели я уезжаю, а ты только и можешь, что о деньгах говорить!

Чонсу все это время спокойно смотрел на лицо друга, не отводя взгляда и ожидая, когда закончится эта истерика.

– Хорошо, Шин Минкё... хённим, – приснул Чонсу, когда Минкё закончил говорить. – Давай на выходных съездим в Пусан, если тебе так хочется.

Он уже хотел вернуться к бумагам, но друг не дал этого сделать. Он снова отвернул его от стола.

– Давай сегодня!

– Уже поздно...

– Следующий поезд в Пусан отправляется через полтора часа. Бросай все, поехали!

«Видимо, Минкё заранее готовился к этому разговору», – подумалось Чонсу. Он снова развернулся к столу, но к бумагам уже не притронулся. С опущенной головой, не говоря ни слова, он обдумывал что-то, только потом сказав:

– Ладно, едем.

Он быстро навел относительный порядок на столе, а потом достал из шкафа небольшую дорожную сумку, специально приготовленную для коротких деловых поездок. Иногда приходилось ездить и проверять состояние счетов в ресторане в Кванчжу. С Минкё все обстояло по-другому. Его большой чемодан покоился в гостинице и ехать он туда не предполагал.

– Мне давно пора прикупить пару-тройку вещей, – объяснил он. – У Джун Джей как раз новая коллекция вышла...

Чонсу посмотрел на друга, усмехнувшись. Впервые за сегодня на его губах появилась улыбка.

– Ты неисправим.

Многим была известна любовь Минкё ко всяким тряпкам. Из каждой новой коллекции любимых дизайнеров он покупал минимум по одной вещи. Но и вкуса у него было не отнять. Именно поэтому он подбирал одежду Чонсу на открытие их первого ресторана в Корее.

Через полчаса, дав все ценные указания Майклу, теперь уже шеф-повару, друзья вышли из своего ресторана через черный ход. Чонсу еще несколько раз порывался отложить поездку, хотел взять документы с собой, хотел купить билеты в Кванчжу, чтобы посетить другой ресторан там, но Минкё был непреклонен.

– Ты просто разучился отдыхать! – под конец воскликнул он.

Железнодорожная станция Сеул была переполнена людьми. Как всегда и бывает в конце рабочего дня. Вечером жара значительно спала, солнце село, и только разогретый асфальт напоминал о жарком дне. Где-то там, в небе, появлялись белые блестящие точки, которые было трудно разглядеть из-за яркой иллюминации города.

Чонсу уже в десятый раз взял в руку телефон, чтобы снова дать ценные указания своему заместителю. Он переживал, что в его отсутствие в ресторане обязательно что-то случится, поэтому к концу дороги до вокзала почти забыл о своем спутнике. Минкё уже перестал как-либо обращать на себя внимание, просто ожидая, когда же, наконец, его друг вспом-

нит о нем.

Билетов осталось мало, но, к счастью, друзьям удалось купить два места вместе. В поезд они забежали в последнюю минуту. Чонсу чуть не выпустил свой телефон из рук, пока они преодолевали последнее расстояние.

– Прямо как в школе, во втором классе старшей школы, – смеясь, сказал Минкё, когда они уселись на свои места, а поезд начал движение. – Помнишь?

Он посмотрел на друга, но увидел только, что теперь он уставился в свой планшет, подсчитывая расходы за последний месяц. Он разочарованно покачал головой. Еще немного и Минкё отнял планшет у друга, словно у неразумного дитя.

– Что ты делаешь? – возмутился Чонсу, пытаясь забрать свой планшет обратно, но поймать получалось только воздух.

– Вы-ход-ные, – ответил Минкё тоном, не терпящим возражений. – Так помнишь, как мы опоздали на поезд во втором классе старшей школы?

Чонсу непонимающе смотрел на друга. Тот спрашивал о времени, которое было давным-давно, которое почти забылось из-за многих последующих событий. Но он вдруг вспомнил...

Весной обычно прохладно. Из-за этого хочется есть чаще. И вот два друга забежали в кафе, чтобы перекусить. Вкусный запах они уловили еще за квартал, и теперь с ап-

петитом поедали вкусный хотток. Пряный аромат так и манил, а сам хотток просто таял во рту.

– Минкё, если не поторопимся, то опоздаем, – напомнил Чонсу. – Пак-сонсэнним ненавидит опоздавших!

– Да-да, шейчас пойдём, – не в силах оторваться от хотток, и пережевывая остатки, сказал Минкё.

Они вышли из кафе через минуту и побежали в метро, самый быстрый способ, чтобы добраться до станции, откуда отходил поезд в Тэгу, где должна была проходить двухдневная школьная экскурсия. Пересаживаясь на другую ветку метро, они снова бежали как могли, но...

– Где поезд до Тэгу? – еле переводя дыхание, спросил Минкё у работника вокзала, только они прибежали на платформы.

– Ушел, – коротко ответил работник.

– Как ушел? – воскликнул Чонсу. – Что же делать?

Но работник уже потерял к ним всяческий интерес, занявшись своими рабочими делами.

В итоге пришлось выскрести все свои деньги, которые родители дали на сувениры, и покупать билет на следующий поезд, ведь экскурсию никак нельзя было пропустить, потому что за этим могло последовать и отчисление.

– Да, помню, – отсмеявшись вместе с другом, сказал Чонсу, забыв об отобранном планшете. – Ох, Пак-сонсэнним нас потом огрел бамбуком!

– Весело было, – смеясь, поддакнул Минкё.

В это время последовало объявление, информирующее о поездке. Поезд уже набрал хорошую скорость, за окном быстро проносились здания, а пассажиры удобно устроились в своих креслах.

– Три с половиной часа? – чуть ли не выкрикнул Чонсу, побудив сидящего впереди дедушку обернуться. – Так долго! Почему не на самолете?

От такого крика Минкё пришлось прикрыть уши ладонями, хотя он ожидал такой реакции.

– А ты забыл, как боялся самолетов в детстве?

– Это в детстве, – возразил Чонсу. – А теперь мне часто приходится летать на самолетах по делам.

– И теперь совсем не пугаешься от того, что самолет быстро взлетает и быстро садится? – приподняв бровь, спросил Минкё.

– Совсем нет.

– Но тогда ты меня повеселил...

Посадка на самолет Кванчжу – Сеул была объявлена вовремя, минута в минуту. Тогда друзья еще учились в последнем классе начальной школы, им было тринадцать лет, или двенадцать, как сказали бы европейцы. Они вскочили и ухватились за свои маленькие чемоданчики, в то время как родители Чонсу, с которыми они ехали в Сеул на фестиваль, спокойно поднялись со своих кресел. Друзьям так хотелось

узнать, что там есть в небе, как там светит солнце. Они быстро прошли на посадку и через несколько минут уже оказались в комфортабельных креслах самолета.

– Там обязательно летают пингвины, – авторитетно заявил Минкё, обернувшись к Чонсу с сидения, находящегося впереди. Он сидел с отцом Чонсу.

– Шутить? – даже не посмеявшись, спросил друг.

– Нисколько, – так же убедительно сказал Минкё.

Друзья чуть ли не подпрыгивали на месте, так им хотелось взлететь в небо. Но как только самолет начал разгоняться, а потом подниматься, что-то пошло не так. Взгляд Чонсу остановился, стал совершенно неподвижен. Его руки вцепились в подлокотники, а ладошки вспотели. Первый, кто заметил это, была мать Чонсу, Ли Чэсу Ын. Она позвала сына, но тот никак не отреагировал, только схватил ее за руку. Она позвала своего мужа, но и он оказался бессилён. Не помогли и стюардессы, пытавшиеся развеселить ребенка. Только когда Минкё с силой отвесил другу три пощечины, взгляд того начал становиться осмысленным.

– Что? – только спросил он.

– Ничего, – хмуро ответил Минкё. – Мог бы сказать, что боишься летать на самолетах...

– Ой, не напоминай, – сморщился Чонсу.

В это время они проезжали Сувон, сверкающий разно-

цветными огнями. На небе тускло посверкивало несколько звездочек. Многие пассажиры предпочли сон, просмотру предлагаемых фильмов. Чонсу достал из кармана вибрировавший телефон, но под строгим взглядом друга положил его обратно. Вдруг совсем пропало желание видеть все эти сухие цифры, которые и его самого заставляли быть сухим и безжизненным. Воспоминания оказались в тысячу раз красочней этой настоящей жизни. Он уже было хотел предложить заехать на обратном пути в Кванчжу, но Минкё опередил его:

– И вообще, перестань так печься об этих деньгах, об этих цифрах, – сказал он громко, да так, что на него недовольно посмотрела обернувшаяся старушка. – Помнишь, до чего тебя довели эти деньги, когда их было совсем мало?

– Это когда?

На большой скорости они въехали в тоннель. В вагоне стало темнее.

– Когда ты работал везде, где только мог. Забыл? Тогда ты и официантом был, и мойщиком стекол, и автозаправщиком...

При этих воспоминаниях Чонсу чуть нахмурился. Эти факты его богатой биографии не доставляли приятных впечатлений.

– Ты же себя тогда чуть в могилу не загнал! – воскликнул Минкё. – Но благородный хён тебя спас!

Старушка снова строго посмотрела на Минкё. Но он уже

ничего не замечал...

Бледное лицо Чонсу было совсем безжизненным. Глаза закрыты, а рука беспомощно свешивалась с края больничной койки. В Нью-Йорке была весна, солнце уже начинало пригревать, но никакой радости это не приносило. И вот, Минкё сидел около своего друга, совершенно не зная, как же ему помочь. В больничной карте значился диагноз: «Переутомление». Всего лишь переутомление. Но вот уже второй день Чонсу не открывает глаза, свои светлые и добрые глаза, чтобы посмотреть на друга.

– Ты поправишься, – уверенно сказал Минкё, легонько похлопав по свисавшей вниз руке друга.

Тот попал в больницу после того, как упал в обморок прямо по дороге в их будущее кафе. К счастью, Минкё был рядом, поэтому после бесполезных похлопываний по щекам совсем скоро подъехала скорая. У Чонсу не было медицинской страховки, в этом заключалась главная проблема, но Минкё оформил друга по своей страховке. Это был единственный способ помочь Чонсу. Минкё знал, что все образуется, его друг очнется к вечеру, но в этот момент было совсем не до пустых насмешек и легкого отношения ко всему. Он ненавидел, когда кто-то болел, и всем сердцем сочувствовал другу, когда тот хватал какую-нибудь болячку, что происходило довольно часто. Мерный сигнал аппарата, измеряющего пульс, уже начинал выводить из себя. Минкё не отходил от

друга даже за сэндвичем, забыв о том, что не завтракал.

Так солнце склонилось к горизонту. А он никак не мог сдвинуться с места. Только хмурился и подсчитывал расходы за больницу.

– Очнись скорее, слышишь? – прошептал Минкё. – На второй день мне на тебя денег не хватит!

Будто услышав друга, Чонсу свел брови, а потом через несколько секунд открыл глаза. Минкё даже не сразу заметил это, а заметив, обнял друга так, что тот только прохрипел:

– Задушишь ведь!

И рад он был, конечно, не тому, что не пришлось трапиться на второй день в больнице.

– Да, сложно тогда было, – вспомнил Чонсу. – Каждый день на работе, а отдыхать...

– Только в восьмой день. Я помню, – договорил за него Минкё.

Друзья переглянулись, а еще через несколько секунд засмеялись. Засмеялись тем самым смехом, которым смеялись когда-то давным-давно, еще в школе, когда не было никаких обязательств и обязанностей. Когда солнце светило как-то по-особенному ярко. Все эти воспоминания вдруг начали возникать в памяти, будто это было только вчера, и не было этого ресторана, где они просиживали днями и ночами над бумагами или пробовали на вкус новые блюда.

– А помнишь... – все так же смеясь произнес Чонсу, так что выговаривать слова было трудно. Вдалеке сверкал довольно большой город Вончжу. – Помнишь, я тебя через неделю нашел около мусорной свалки после того, как ты напился вдрызг вместе со своим начальником по поводу высоких продаж вашего журнала?

– О, только не напоминай... – сквозь смех сказал Минкё.

– Ну почему? Было очень смешно! Тогда ты...

На улице царила самая настоящая весна, пора романтики и любви. Эта атмосфера сильно окрыляла Минкё. Он поймал, как он сам выразался, вдохновение и отпустить не собирался. Продажи газеты «Фриланс репортер» только шли в гору, что добавляло хорошего настроения. И вот, на сей раз он просто нюхом чувял, что следующая статья будет самой лучшей в этом месяце. Хотя пришлось вносить много изменений, статья вышла блестящей, и по этому поводу главный редактор пригласил Минкё на следующий день к себе.

– Предлагаю отметить наш увеличенный тираж! – благодушно сказал он, наливая в стакан небольшое количество виски.

За этим, казалось бы, малозначительным предлогом последовал второй и третий стаканы, окончившись тем, что кореец вышел из кабинета главного редактора, славившего своей любовью к выпивке, на нетвердых ногах, покачиваясь

на каждом повороте. До дома он дойти так и не смог, просто забыв, куда же, собственно, ему надо идти. В конце концов, к вечеру он совсем не устоял, хотя алкогольные пары уже начали выветриваться, и рухнул на казавшуюся такой мягкой перину.

– И как это понимать?

В глаза нестерпимо светило яркое солнце, а громкий голос оглушал, словно тысячи барабанов. Чонсу нависал над ним, будто Статуя Свободы.

– Что именно? – еле выговаривая слова, спросил Минкё.

– Ты лежишь на свалке мусора на заднем дворе нашего будущего ресторана, грязный и выпивший. Это нормально?

– Абсолютно ненормально, – промямлил Минкё, переворачиваясь на другой бок.

Но через две секунды до него начала доходить вся суть происходящего. Он вскочил, словно ужасленный, потирая бок. По крайней мере, ноги привели его в родное здание, которое должно было стать их совместным рестораном.

– Не вспоминай этот позор, – проворчал Минкё. – Я после этого еще месяц к алкоголю не притрагивался.

– Правда?

Они проехали маленький городок, название которого даже не успели разглядеть. Настроение заметно улучшилось, и о цифрах уже давным-давно никто не говорил. Минкё начал напевать какую-то незамысловатую мелодию нового

хита, который взобрался на вершины хит-парадов всего за несколько дней, а Чонсу смотрел в окно, хотя вряд ли что-то мог там разглядеть – было уже совсем темно. Каждый начал думать о своем.

– А ты... – начал было Минкё, но замолчал, продолжив только через несколько секунд: – ты не помнишь, что завтра за день?

– Четверг, а что? – удивленно ответил друг.

– Да ничего...

– Проверяешь меня на вменяемость? – усмехнулся Чонсу.

На эти слова Минкё ничего не ответил. В душе появилось какое-то разочарование. Как резко изменились они с этим рестораном! Иногда Минкё хотелось и вовсе предложить продать все и зажить по-старому. Но, к сожалению, старого совсем невозможно было вернуть. Господин Лу сжег тот ресторан, а строить новый не было смысла. Жизнь на родине казалась Чонсу самым лучшим и самым возможным вариантом, он никогда не любил Америку и так и не выучился нормально говорить по-английски. Теперь он достиг исполнения своей мечты, забыв обо всем остальном на свете. Оливия... Он с радостью принимал ее к себе в гости, но сам выезжал к ней лишь раз, в остальных случаях отговариваясь большой занятостью. С Минкё он говорил по большей части о деловых вещах, и вот результат: завтрашний день...

«Станция Тэгу», – громко объявил женский голос в динамике. Некоторые пассажиры заторопились к выходу. Поезд

приехал в большой сверкающий и красивый город Тэгу, что располагался не так далеко от Пусана. Кто-то был с маленькими чемоданами – возвращались из командировки, кто-то – с большими сумками, значит, отправлялись в отпуск или возвращались из него. Минкё посмотрел на друга. Тот незаметно уснул, прислонив голову к стенке вагона. «Как всегда», – пробормотал Минкё, в который раз удивляясь способности Чонсу быстро засыпать. Через три минуты поезд двинулся дальше.

Так мимо окон вагона промелькнуло еще несколько маленьких и незамеченных городков, не оставивших в сознании ни малейшего следа. Минкё бы и сам был не прочь уснуть, последовав примеру своего друга, но боялся пропустить конечную станцию и уехать обратно в Сеул. Обычно он спал очень крепко. Вместо этого он принялся разглядывать соседних пассажиров. Оглядывавшаяся на него бабушка не представляла для него никакого интереса, а вот соседняя с ней симпатичная девушка с длинными волосами, сидящая через проход от нее, была очень даже ничего. Минкё со своего места видел, что она стройная и чертовски привлекательная, и уже начал заговаривать парочку фраз для знакомства, но... К ней подсел высокий плечистый парень, и она быстро заговорила, будто соловей. «Да... не познакомишься просто так сейчас с девушками», – подумалось Минкё. Он начал дальше наблюдать за пассажирами, но в остальном они были совершенно не интересны.

«Через две минуты поезд прибывает на конечную станцию Пусан, – заговорили динамики. – Уважаемые пассажиры, пожалуйста, не забывайте свои вещи. Выход с левой стороны...». Услышав эти слова, Минкё улыбнулся сам себе, а потом толкнул Чонсу локтем в бок. Тот долго не хотел просыпаться, так что пришлось повторить эту несложную операцию.

– Уже приехали?.. – спросил он, совсем по-детски протирая глаза.

На этот вопрос Минкё решил не отвечать, ведь все и так было очевидно. Поезд начал замедлять свой ход, и уже виднелись сверкающие здания большого прибрежного города. Пусан встретил их с распростертыми объятиями и официальной мелодией города, звучащей на вокзале. Наконец-то можно было размять затекшие ноги, пройдясь по перрону, и купить что-нибудь перекусить для оголодавших желудков, что они и сделали, только ступив на пусанскую землю. Купив в маленькой лавке по хот-догу, они уселись на лавочку и принялись поесть свою добычу без лишних разговоров.

– Надо номера в гостинице заказать, – сказал Чонсу, прожевав последний кусочек недостойного европейского блюда. – Ты об этом подумал?

Он посмотрел на довольное и сытое лицо друга.

– Ты абсолютно прав, надо заказать, – подтвердил он, думая, не купить ли ему добавки.

Чонсу потянулся было к своей сумке, но потом вспомнил,

что его планшет был отнят самым бесчестным образом.

– Ты не хочешь мне вернуть мой планшет? – обратился он к Минкё.

На улице стало прохладней, Чонсу немного поежился. А его друг округлил глаза от такого вопроса, но тут же скрыл свою растерянность. Он почесал в затылке, потер переносицу, но мыслей о том, как же признаться Чонсу, что он забыл его планшет в поезде, никак не приходили.

– Понимаешь... – начал он. – Он был у тебя старый и немного тормозил...

– Ты его потерял? – тут же понял Чонсу подтекст всей сбивчивой речи.

– Ты только не волнуйся! – Минкё излишне жизнерадостно похлопал друга по плечу. – Будем искать гостиницу старым добрым способом!

– Как?

– По телефону!

Как результат друзья стояли у справочной и звонили во все городские отели, но их ожидал только один ответ – все номера заняты. Сложно найти свободный номер в морском городе в сезон отпусков! В итоге, уменьшив свои требования к отелям, они нашли... один номер.

– Будем брать? – спросил Минкё, прикрыв ладонью трубку.

– Жить в одном номере?..

– Зато двухместном!

Чонсу только поморщил нос.

– Забронируйте этот номер, – сказал Минкё в трубку.

До станции Чагальчхи дорога должна была занять полчаса, и, предварительно захватив карту города из справочной, друзья отправились в метро. Несмотря на поздний час пассажиров в метро было довольно много, так что толком рассмотреть карту города не удалось.

В начале одиннадцатого друзья вышли из подземки. Их встретил морской запах и запах рыбы, который преследовал их всю дорогу в отель. Совсем неподалеку был рыбный рынок, торговля в котором закончилась не так давно, некоторые продавцы еще только собирались уходить. Рынок казался совсем опустевшим, людей в округе было немного. Отель Ноа привлекательно сверкал окнами, друзья прибавили шагу – так хотелось отдохнуть от тяжелой дороги.

– Завтра ходим в Ёндусан? – спросил Минкё, уже подходя к главному входу в отель. Он уже успел заглянуть в путеводитель и оценить размеры местного парка.

– Завтра решим, – ответил Чонсу. Он не любил загадывать.

На первом этаже отеля играла тихая непринужденная музыка. Друзья подошли к стойке регистрации гостей. Процедура заняла больше времени, чем хотелось бы, но последнее высказывание администратора обескуражило обоих друзей. Администратор напомнил, что в номере одна двухместная кровать. Теперь было вполне понятно, почему администра-

тор то и дело подхихикивал и с интересом посматривал на обоих. От этого регистрация и проходила так долго. Чонсу только вздохнул. Минкё отвел взгляд в сторону.

– Ну что, как всегда? – спросил Минкё, только они зашли в номер.

Друг кивнул. Они встали друг напротив друга, сжали кулаки и одновременно произнесли:

– Кави-бави-бо!

В первый раз оба выкинули бумагу. Пришлось повторить. На этот раз победу одержал Чонсу. Счастливый, он положил свою сумку на стул и начал искать свою пижаму. А Минкё прошел, ворча что-то по поводу того, что не нужно было доверять столь ответственное дело как выбор хозяина кровати глупой игре в камень-ножницы-бумагу. Он начал стелиться на полу. Он все ожидал чего-то, ждал, что друг вспомнит, скажет что-то... Но ожидания оказались тщетны. Чонсу лишь надел пижаму и забрался в постель, пожелав другу спокойной ночи. Что же заставило его так поменяться? Минкё остановился на секунду, перебирая все недавние события, а потом встряхнул головой. Ничего. Он улегся на самодельную постель на полу, устроенную сбоку от большой кровати, поздно сказав в пустоту: «И тебе спокойной ночи, Чонсу».

Несмотря на неудобную постель Минкё уснул быстро и крепко. Все-таки ночи, проведенные в их ресторане в Америке, не прошли даром. Можно было только с улыбкой вспомнить их ежедневные розыгрыши обладания старым ди-

ваном, купленным на распродаже. Чонсу приходилось и того хуже. Раньше он ночевал не только в дешевом егван, но и в маленьком жилище бывшего боксера, так что можно ему было сейчас простить эту удачу в захвате кровати. Минкё спал спокойно и тихо, ему ничего не снилось и даже фонарь, светивший в окно номера, не тревожил его. Но утром произошло другое не очень приятное событие...

– Ааа!

– Что ты?!

Кричали оба, долго не имея возможности прийти в чувства. Оказалось, двое лежали на кровати, причем не просто на краешке, а в обнимку, что заставило их смутиться до невозможности.

– Отпусти меня, наконец! – крикнул Чонсу.

– Ты сам меня держишь! – так же громко ответил Минкё.

После минутного замешательства они все же отпустили друг друга, отодвинувшись на максимально возможное расстояние, а потом и вовсе скатившись на пол. Из-за противоположной стороны кровати Чонсу сначала слышал подхихикивание. Потом смешки. А потом откровенный смех, неудержимый и безостановочный. Поднявшись, Чонсу увидел интереснейшую картину: его друг катался по полу и никак не мог перестать смеяться. Он пытался сказать что-то, но у него совсем не получалось, и он продолжал смеяться дальше. Этим смехом он заразил и Чонсу, до последнего старавшегося сохранить серьезный вид, который должен был быть

в подобной ситуации. Но и он не смог сдержать смех. Все закончилось тем, что у Минкё началась икота, которая совсем не могла остановиться.

– Ну-ик!-все! – все же произнес он, кое-как встав с пола и опираясь о стул. – Теперь я-ик! обязан на тебе жениться!

Не быстро закончился этот безудержный смех. И даже выходя из номера, Минкё все еще хихикал, иногда прерываясь на икоту.

Друзья отправились на первый этаж для того, чтобы выполнить крайне важное дело – позавтракать. С утра они не брали в рот ни лапшинки и вот теперь с удовольствием поедали свой законный завтрак, набрав всего, что только на подносе уместиться. Чонсу иногда отпускал замечания по поводу оборудования и обслуживания, то и дело приходя к выводу, что у них в ресторане все в тысячу раз лучше, а Минкё то и дело напоминал, что это всего лишь столовая отеля, поэтому ждать от нее многого не стоит.

– Посмотрим на Тэпхён-ян*? – предложил Минкё по окончании завтрака.

Чонсу не возражал. Да и вообще ничего не сказал, что могло означать полное согласие. И вот уже через пять минут друзья были на улице. После того, как они прошли параллельно улице Нампходон, их глазам представилось зрелище, полностью отличающееся от того, что они видели вчера вечером. Рыбный рынок Кукче, расположенный недалеко от отеля, жил полной жизнью: люди сновали туда-сюда, про-

давцы зазывали к своим лавочкам, обещая самый лучший товар, и так и пахло свежей рыбой и кимчхи.

Проехав немного на автобусе, друзья вышли на остановке, которая находилась ближе всего к берегу. Издалека уже можно было различить шум накатывающихся на берег волн, а в воздухе пахло морем. Этот запах нельзя было сравнить ни с чем, он заставлял почувствовать себя снова ребенком и забыть о скучных проблемах обыденной жизни. С каждым шагом по дороге, ведущей к морю, йодом пахло все сильнее. В этот момент Чонсу совсем забыл о цифрах, о сметах и отчетах. Минкё изредка поглядывал на друга, совсем ничего не говоря. Они дошли до лестницы, дальше был только песок, по которому в ботинках идти было совсем неудобно. Первым это понял Минкё. Он снял свои светлые летние туфли и поставил их подальше от накатывающих волн. Немного подумав, Чонсу последовал примеру своего друга. Дальнейший путь к морю они преодолевали босиком. На пляже отдыхали редкие посетители, в море пробовали высоту волн редкие серферы. Солнце уже начинало припекать, и небольшие облачка не мешали все набирать силу.

Друзья прошли еще немного, а потом Минкё и вовсе побежал скорее к волнам. Казалось, он не на шутку собирался нырнуть в воду, так стремительно он преодолевал последнее расстояние. Чонсу же непонимающе смотрел на друга, но через три секунды сам неосознанно побежал, все прибавляя скорость. В этот момент друзья совсем не были похожи

на владельцев сети ресторанов. Сейчас они напоминали маленьких детей, которых родители привезли на море во время школьных каникул. Только ног коснулась вода, Минкё засмеялся, зачерпнул немного в свою ладонь и обрызгал Чонсу. Он бы зашел еще дальше в воду, он бы поплыл, если бы не проснувшийся здравый смысл и нежелание ходить в мокрой одежде. Чонсу вытирал капли со своего лица.

– Ну мы прямо как участники из ЕХО, – смеясь сказал Минкё, оставаясь по колено в воде.

– Кто? – не понял Чонсу.

– Ты их не знаешь? – не поверил Минкё. – Знаменитые исполнители, между прочим. Они еще шоу выпускали, а там – на море поехали.

– Ты смотришь девчачьи шоу? – спросил Чонсу, стараясь не смеяться и сохранять всю серьезность момента.

– А это я... – вдруг Минкё стало стыдно за свою музыкальную слабость, и он начал придумывать отговорки, чтобы его мужественность оставалась непоколебимой. – Я случайно наткнулся на это видео, когда фильм искал один...

– Наверное, дораму с Кан Ха Нылем хотел посмотреть? – предположил Чонсу, не сумев сдержать смех и с трудом удерживаясь на ногах.

В этот момент Минкё почувствовал полный крах и решил резко сменить тему разговора. В противном случае Чонсу упомянет использование ВВ-кремов и прочей косметики. А Чонсу все смеялся и, в конце концов, не смог удержать рав-

новесие, упав в песочно-морскую жижу. Минкё бы и обидеться на такие замечания, но он редко делал это, предпочитая усмехнуться и после этого принять совершенно серьезное выражение лица. Подождав, пока смех Чонсу не утихнет, он спросил снова:

– Не помнишь, какой сегодня день?

Чонсу с трудом поднялся, отряхнулся и непонимающе посмотрел на друга, соображая, смеется ли он над ним или стоит вести его ко врачу.

– Четверг, пятнадцатое августа. Кванбокчоль**, если тебе это важно, – на всякий случай ответил Чонсу. – Хён, ты меня пугаешь...

Он сочувственно смотрел на друга, не понимая, в чем дело. То ли американский воздух проел оставшийся разум, то ли просто заболел...

– Неважно, – отмахнулся Минкё. – Пойдем перекусим.

Это предложение Минкё делал, когда обдумывал что-то важное. Или был расстроен.

Не в духе он бывал редко, почти никогда, предпочитая грусти бессмысленный смех, так что, скорее всего, он что-то задумал, решил Чонсу, попытавшись успокоиться и не предавать значение этим странным вопросам.

*Тэпхён-ян – Тихий океан, кор.

**Кванбокчоль – Праздник возвращения света (праздник освобождения Кореи от японских войск)

Совсем недалеко от океана, в небольшом кафе, в котором было довольно много посетителей, так что друзьям пришлось потрудиться в поиске свободного места, продолжалась игра «А у нас лучше!». Чонсу подмечал мельчайшие недочеты в обслуживании и оформлении кафе, в конце всегда приговаривая, что у них бы такого ни в коем случае не было. В ответ на это Минкё только кивал, мало задумываясь, о чем говорит его друг. Он смотрел в окно, около которого располагался столик, и думал, что неплохо было бы съездить к отцу. Но возникшая вдруг идея поразила его своей гениальностью. Проявившаяся сейчас глупость Чонсу уже начинала раздражать. Минкё подозвал официантку, хорошенькую молоденькую девушку, с которой он бы не прочь был потом и вечер провести, но сначала другое.

– Суп из водорослей, пожалуйста, – сказал он, как только она подошла.

– Подождите пять минут, господин, – ответила Эрика, а именно такое имя было написано на ее бейджике.

Чонсу снова подозрительно посмотрел на друга. К нему вернулись опасения насчет его душевного здоровья. В голове закрутилась тысяча вопросов, но ни один из них он не произнес. Тем временем принесли заказ, и Минкё начал с аппетитом есть темно-зеленую консистенцию.

– Минкё... – все же осторожно начал Чонсу. Друг с неохотой оторвался от супа, а на губе осталась маленькая водоросль. – Зачем ты заказал этот суп?

Минкё некоторое время смотрел на друга как на умалишенного. Неужели и сейчас не догадался? Он уже готов был задушить Чонсу или, по крайней мере, послать тарелку с супом ему в лицо, но сдержался.

– А ты так и не вспомнил?

Чонсу не на шутку задумался. Такой вид у друга заставил Минкё уже решить, что тот смеется над ним, но нет, он и правда не мог вспомнить.

– Какое сегодня число? – снова спросил Минкё. – Когда ты в первый раз поцеловался с Кёнхи?

При упоминании этого имени в глазах Чонсу появилось понимание, с каждой секундой перерастающее в уверенность и, вместе с тем, в ощущение вины. Да, тот день рождения Минкё он не забудет...

Была спета уже сотая песня на караоке. Звезды корейской эстрады могли бы позавидовать такому усердию и старанию в занятии вокалом. Была выпита уже которая бутылка соджу благодаря великовозрастному двадцатипятилетнему другу Минкё. Была предотвращена не первая драка благодаря Кёнхи и Ёндэ, девушек веселых, но умеющих сохранять благоразумие. Несмотря на то, что это был только восемнадцатый день рождения Минкё, все уже давно потеряли счет выпитым бокалам, благо следующий день был воскресеньем, и даже на хагвон никто не собирался.*

– А сейчас... – громогласно начал объявлять Чонсу, кото-

рый явно перебрал еще в самом начале праздника, – сейчас прозвучит любимая песня Кёнхи «It's your turn»!

Любовь Кёнхи к SS501 была общеизвестна, многие даже подшучивали над этим, но никто никогда не пел в караоке для нее их песню. Чонсу старался изо всех сил хоть и получалось совсем нестройно и фальшиво. Он пел и приближался к ней с каждым шагом, а она не в силах был пошевелиться. Вот и последнее слово, последняя нота в динамиках... Она давно нравилась Чонсу, а алкоголь только помог освободиться чувствам. Он поцеловал ее на глазах всей изумленной публики, и вопреки всем ожиданиям поцелуй этот был долг.

**хагвон – дополнительные занятия*

– Омо... – Чонсу сидел с приоткрытым ртом, а в глазах была только бесконечная вина. – Пятнадцатое августа... Твой день рождения...

С этими словами на лице Минкё появилась улыбка. Он ждал, что друг скажет что-то еще, но судя по всему, с воспоминанием у него совсем пропали слова, он не мог вымолвить и звука.

– Вспомнил, наконец, – вместо него начал Минкё. – Я же говорил, что отдых полезен. В твоей голове же теперь только цифры, а важное исчезло куда-то за океан...

– Нет, ты не понимаешь, просто новый ресторан занимает так много времени и... – вырвалось у Чонсу.

– Да-да, все это мы уже слышали, – прервал Минкё. – А теперь забудь все это. Здесь я, ты. Давай один день проведем без ресторана.

Это предложение вызвало недоумение у Чонсу. Он даже приподнял брови, услышав такие слова. Вот уже год он не мог представить свою жизнь без ресторана, проводил там дни и иногда даже ночи. Но именно из-за этого он забыл о такой важной вещи как день рождения друга, с которым провел больше половины своей жизни.

Это был солнечный день. Маленькие волны весело накачивали на берег. Редкое облако проплывало по небосклону. Редкое унылое лицо можно было встретить на улице. Это был необычный день рождения. В двадцать три Минкё понял, что счастье заключается не в обилии друзей на праздниках. Были только они и Эрика, которую они дождались после конца ее смены. Эта симпатичная девушка была стеснительна и согласилась погулять с ними далеко не сразу и только после того, как Минкё рассказал ей горестную историю о том, что совсем недавно его бросила девушка, и ему просто необходимо хоть ненадолго забыть ее в компании друзей. Чонсу еле сдерживал смех, слушая эту нелепую историю, а когда был уже не в силах это сделать, принял вид, что ему надо позвонить, и отошел в сторону. Ее доброе сердце смягчилось еще больше после посещения парка развлечений и купленного Минкё мороженого.

– Так все-таки, как ваше имя? – спросил Минкё, в сотый

раз посвящая выстрел в тире девушке.

Она только посмотрела на него, подумала еще немного, что-то изменилось в ее взгляде. Был праздник, на улице было много народу, на сцене, расположенной недалеко от них, девушки исполняли простенькую песню, но ей вдруг показалось, что они совсем одни, и никого больше нет.

– Су Ён, – тихо произнесла она. А внутри Минкё восторжествовал по поводу очередной победы над женским сердцем.

– Итак, Су Ён, этот милый плюшевый мишка непременно окажется в ваших руках!

Все это время Чонсу находился в стороне. И думал он не о цифрах и планах, а о прошлом, когда были такие же встречи и такие же обещания. Ему вспомнился городок совсем недалеко от Пусана, тот самый, Кванчжу, где прошло его детство, радости и горести.

Солнце садилось. Они были в кафе. По телевизору транслировалось выступление президента с поздравительной речью, и все посетители внимали ее голосу. А Минкё все продолжал осыпать комплиментами Су Ён, которая зарделась до неузнаваемости. Вдруг Чонсу подумалось, что неплохо было бы, если бы здесь оказалось Кёнхи. В следующую секунду он сам удивился своим мыслям, ведь он давно не вспоминал ее. Не вспоминал ее, не вспоминал и Оливию, которая старалась приезжать к нему в Сеул как можно чаще, понимая, что он так занят. Его рука уже потянулась к телефону, он

хотел написать хоть одно сообщение... но не смог. Сам себя он оправдал тем, что она возможно спит, и он не хочет тревожить ее сон. Вместо этого его телефон сам начал звонить. Чонсу быстро достал свой телефон, номер принадлежал их ресторану в Кванчжу. Звонил администратор, чтобы сказать, что Чонсу разыскивал какой-то мужчина в черном костюме, чтобы передать какое-то предложение о сотрудничестве. Речь заместителя была сбивчивая и неясная, Чонсу пришлось ответить, что он выезжает первым же рейсом на следующий день. По окончании разговора он хотел сказать об этом Минкё, но увидел только, что тот уже украдкой целует девушку. Решив отложить разговор на потом, он принялся слушать речь президента. В окне продолжал появляться и исчезать свет фар автомобилей.

– Что-то ты долго прощался с этой официанткой, – сонно заметил Чонсу, когда Минкё зашел в номер отеля.

Ему пришлось возвращаться одному, потому что Минкё отправил ему сообщение, в котором говорилось оставить их с Су Ён одних на пару часиков. Оставалось только загадкой, как он смог незаметно от девушки написать сообщение. Но об этом Чонсу задумывался в последнюю очередь. Ему хотелось спать, будто вся усталость за год свалилась на него именно сегодня и именно сейчас. Он даже был рад, что быстрее доберется до мягкой и уютной постели.

– Су Ён далеко живет, – ответил Минкё. – А что, малень-

кий Чонсу боится спать один?

Чонсу только приснул в ответ на это, а через минуту, проснувшись окончательно, рассказал о коротком разговоре с администратором в Кванчжу. Минкё только нахмурился. Какое еще сотрудничество? Для этого люди обычно по телефону договариваются, а этот мужчина по старинке хочет сразу личной встречи. И потом, всем известно, что главный офис находится в Сеуле. В сердце закрался неприятный холодок.

Утро следующего дня было пасмурным и крайне неприятным. Того и гляди дождь начнется. Со стороны океана уже наплывали темно-синие облака, угрожающие намочить всё и вся. Солнца видно не было. Но несмотря на это нужно было торопиться и вставать, чтобы успеть на рейс автобуса. Они отъезжали каждый час, но ждать в терминале совсем не хотелось, поэтому друзья быстро и без лишних разговоров начали собираться в путь. В итоге через сорок минут они уже ехали на метро, станция Сомъён, а еще через двадцать были в терминале города Пусан. Отправления автобуса оставалось ждать всего десять минут.

Как только друзья сели в новенький поблескивающий свежей краской автобус, на котором было гордо написано слово Шаттл, на землю упали первые капли дождя. Это было единственное радостное событие в такой день – не пришлось мокнуть под дождем.

– Как думаешь, что нам хотят предложить? – рассуждал Чонсу, сидя в удобном кресле автобуса. Места были заняты лишь на половину, так что мало кто их вообще мог услышать.

– Думаю, ничего хорошего, – ответил Минкё, снова нахмурившись, но больше так и не сказав ничего.

Дорога была утомительной. И дело было не в том, что друзья толком не взяли съестных припасов, и не в том, что кресла были жесткие. Какое-то предчувствие не давало покоя обоим. А вот с чем оно было связано, не мог бы сказать ни один из них. Периодические остановки на заправках только раздражали, хотелось скорее оказаться в родном городе. Перекусили они только один раз, да и то ничего лучше фастфуда не нашлось. Дождь все продолжал вырисовывать замысловатые узоры на окнах, когда автобус ехал медленнее, и размазывался по стеклу, когда набирал скорость. Разговаривали мало, и, в конце концов, Чонсу заснул, как это обычно и бывает, а Минкё вспомнилась Су Ён, приятная и симпатичная девушка из только что покинутого города. «Надо туда еще как-нибудь съездить», – подумалось ему.

Автобус приехал с опозданием в пять минут. Не так уж и много для того, чтобы быть недовольным. Минкё был вынужден будить друга, который в конце пути заснул настолько, что положил голову на его плечо.

– И когда ты в последний раз высыпался?.. – произнес он задумчиво.

Это замечание Чонсу не услышал. А может, просто еще не до конца проснулся. Но проснувшись, сразу же вскочил и направился к двери автобуса, да так, что другу только и оставалось поспевать за ним.

Зонтика с собой не было, так что пришлось бежать до терминала как можно быстрее, чтобы не промокнуть совсем. Все тут было родное, и карта не требовалась, ведь это был город, где они выросли, хоть он и встретил их неприветливо. Их ресторан был совсем недалеко от станции метро Хвачжон. Стрелки часов только подбирались к полудню, когда друзья приехали. Их встретила веселая электронная музыка, возвещающая о приходе поезда на противоположном перроне. Реклама, развешанная на стенах станции поменялась со времени прошлого приезда, поэтому друзья разглядывали новую, стоя на эскалаторе.

Чтобы прийти в ресторан, нужно было только перейти дорогу и завернуть за угол, оказавшись на другой улице, что они и сделали. Вот и то самое здание, вывеска весело поблескивала, из окон лился приятный свет. В последнее время Чонсу приезжал сюда редко, дела шли хорошо, в его присутствии не было необходимости. Минкё же радовался всему, словно ребенок, попавший в это место в первый раз.

Как только друзья зашли в ресторан, им начали кланяться официанты. Все знали владельцев ресторана в лицо, и даже люди постарше не смущались поклониться молодым хозяевам.

– О, вы так быстро приехали, сачжанним!

К ним подлетел главный администратор, который звонил вчера. Не было в нем той растерянности, что он показал в разговоре по телефону, поэтому беспокойство владельцев сразу улетучилось. Минкё всегда посмеивался при виде этого бестолкового человека, который был старше их лет на пять.

– Да, меня очень заинтересовала новость, которую вы мне сообщили, Хён Ву, – ответил Чонсу. Разговаривая с подчиненными, он всегда напускал на себя очень важный и очень деловой вид, так что и не узнаешь. – Пройдемте в кабинет?

– Пройдемте... – засуетился заместитель и пропустил владельцев по лестнице вперед себя, не забыв открыть дверь перед ними.

Кабинет был небольшой, но очень уютно обставленный. На окнах висели такие домашние на вид занавески, а стулья уже были заранее отодвинуты для важных посетителей. Отчитавшись сначала о текущих делах ресторана, Хён Ву приступил к главному. Некто Ким Ын Сон приходил в ресторан и хотел лично поговорить с владельцем этого заведения.

– Он предлагал выгодное сотрудничество в строительстве ресторана в Инчхоне, – говорил Хён Ву.

При этих словах глаза Чонсу загорелись, и он сразу начал подсчитывать проценты. Минкё в этом был не очень заинтересован, поэтому он внимательно следил за медленно ползущей по столу мухой, которая жадно потирала свои лапки

время от времени.

Оказалось, господин Ын Сон не оставил никаких своих координат, даже номера телефона не написал. Он пообещал только приехать в Сеул на несколько дней, чтобы встретиться с владельцами ресторана там.

– Что за старомодный человек... – сказал Минкё, на секунду оторвавшись от созерцания мухи.

Было решено следовать за ним в столицу. Но для начала основательно пообедать китайской кухней в своем ресторане. Было заказано все, что можно, и друзья приготовились к долгой трапезе, расположившись на месте, предназначенном для особых гостей. Приготовленные блюда не уступали по вкусу тем, что готовил Майкл. К выбору поваров друзья подходили основательно, и утверждали на должность они их только лично после дегустации блюд нескольких кухонь. В ресторан всё заходили посетители, несмотря на то, что на улице продолжал идти дождь.

Вдруг Минкё начал смеяться, даже уронив палочки на лапшу – так искренен был его смех.

– Ты чего? – не понял Чонсу такого безудержного веселья. Сам он тоже перестал есть и ждал ответа друга.

– Вспомнил, – смеясь, ответил Минкё. – Вспомнил выпускной. Помнишь, тогда тоже дождь был, и ты замерз!

Да, это было сложно забыть, ведь именно тогда, в тот вечер был поворот в их жизни, тогда они заговорили об общем деле.

– Помню, – улыбнувшись приятным воспоминаниям, ответил Чонсу.

– Потом ты заболел и не сдал экзамены в университет, – продолжил Минкё. А потом...

– Подожди, – остановил друга Чонсу.

Он смотрел в сторону, на одного человека, девушку, которая только зашла и ставила зонтик в корзину. Ее лицо было до боли знакомо, это была она, она! Длинные темно-каштановые волосы, спадающие вниз по спине, легкая походка и изящный стан. Девушка, которая когда-то помогла ему. Минкё посмотрел в ту же сторону, что и Чонсу.

– О, да это же Кёнхи!

Слова эти были произнесены громко, почти на полресторана, поэтому девушка, услышав свое имя, тут же обернулась. Не найдя сразу звавшего ее человека, она прошла к свободному столику, но Минкё подбежал к ней, сказал несколько коротких фраз, напоминая себя и Чонсу, так и продолжавшего сидеть неподвижно. Он провел ее к их столику.

– Привет, Кёнхи, – поприветствовал ее Чонсу, отодвигая стул, чтобы она смогла сесть.

Минкё заказал для нее еще одну порцию обеда.

– Вот уж не думала, ребята, что встречу вас здесь, – начала она, улыбаясь.

– Ничего удивительного, – ответил Минкё. – Это же наш ресторан, мы тут часто бываем.

– Правда? – изумилась Кёнхи. – Не верю!

– Правда, – тихо подтвердил Чонсу. – А ты как? Продолжаешь изучать литературу?

Кёнхи отпила немного только что поданной холодной воды, прежде чем ответить.

– Да, продолжаю, через год уже выпуск. И еще работаю в школе немного, корейский язык преподаю. Только два класса, но мне и их хватает. У одного экзамен зимой, даже не знаю, как справится...

При этой новости друзья переглянулись, заново уважительно посмотрев на девушку. Уж от нее это можно было ожидать меньше всего. Тяжко с нынешними детьми.

Дальнейший обед проходил в веселой непринужденной атмосфере. Трое шутили, рассказывали о том, что было с ними после выпускного, и просто обо всяких мелочах. Разговаривали до тех пор, пока Минкё не сказал, что ему надо проведать отца.

– Чонсу, не скучай! – прощался он. – Встретимся завтра у меня.

В следующую же минуту повисла неловкая тишина. Чтобы разбавить ее, Чонсу предложил выпить вина, на что Кёнхи согласилась далеко не сразу. Но с первыми же глотками разговаривать стало намного легче. Принялись вспоминать былое, вспоминать те времена, когда Чонсу случалось приходить к ней после работы, потому что до дома ехать уже не было смысла. Не рассказывал он ей только об одном – когда пришлось надолго покинуть родной город, когда пришлось

покинуть родную страну. А она мало о чем спрашивала. С третьим бокалом Кёнхи предложила прогуляться в округе, там, где они были давно, еще учась в школе. Чонсу поначалу согласился, но через полчаса оба поняли, что гулять в этот день – не лучший вариант.

– Тогда я пойду к... – начал было Чонсу, когда его рука, которую зонтик подруги был не в состоянии защитить от дождя, промокла совсем и начала подрагивать.

– А может, ко мне зайдем? – неожиданно предложила Кёнхи. Чонсу удивленно посмотрел на нее. Давно он не переступал порог ее дома. – Поговорим еще. С тобой так весело!

Чонсу смутился, услышав этот комплимент. Он редко общался с друзьями, притом что их у него было совсем немного, а уж с девушками – только по праздникам. В этот момент они стояли на перепутье – светофор на этом перекрестке светил пешеходам красный уже около минуты. В итоге он решил согласиться на это предложение, ведь так хотелось вспомнить веселые времена, когда жизнь была совсем другой. Тем более что дождь уже порядком надоел, а квартира обещала уют и сухость.

– Так и живешь здесь? – спросил Чонсу, переступив порог квартиры. Он уже давно забыл обстановку ее дома, да и наверняка здесь многое изменилось, поэтому он на все смотрел, будто видел впервые.

– Да, здесь удобно, – ответила Кёнхи, раскрыв зонтик и ставя его на пол, чтобы он высох. Еще через секунду она лег-

ким движением сбросила плащ со своих плеч и повесила в шкаф.

Чонсу сел за стол, все продолжая оглядываться по сторонам. Окно, большое и занавешенное светлыми шторами, пропускало весь тот скудный свет, который тучи могли пропустить. Картину на стене он совсем не мог вспомнить. Наверное, ее не было, когда Чонсу приходил в этот дом. А на маленькой кухне кастрюля издавала ароматный запах.

– Хорошо у тебя, – сказал Чонсу, решив, что сказать что-то просто необходимо.

– Спасибо. – Кёнхи немного улыбнулась, потом прошла на кухню. – Может, по бутылочке соджу?

Это она сказала, когда вышла из кухни, уже держа в руках две бутылки этого напитка, значит, отказаться было уже нельзя. Чонсу только вздохнул, когда принимал бутылку из рук Кёнхи. Последние пять минут он обдумывал, что именно написать Оливии. Или просто позвонить и спросить как дела? А может, извиниться за долгое молчание?

Кёнхи уселась за стол и жестом предложила сделать то же самое Чонсу.

– Вы, правда, владеете этим рестораном? – спросила Кёнхи, усевшись напротив Чонсу. Телевизор, включенный ею до этого, тихо бормотал новости из-за океана. – Никогда бы не поверила.

Этими словами она рассеяла все размышления, вертящиеся в голове Чонсу. Он посмотрел на нее и подумал вдруг,

что три года назад совсем не замечал ее красоты.

– Да, это наш ресторан, – снова подтвердил Чонсу.

– Но говорят, что это целая сеть! – все восторгалась Кёнхи. – В Сеуле же тоже есть такие!

– Да, – снова сухо ответил Чонсу и снова отпил из бутылочки. – А как получилось так, что ты теперь работаешь в школе? Ты же говорила, что никогда не переступишь порог этого заведения?

– Так получилось...

Она рассказывала, что в конце концов деньги подошли к концу, а жить на что-то было просто необходимо. Поработав сначала официанткой, она поняла, что просто не в силах с вечера до утра быть на ногах, поэтому легче устроиться учителем, а учиться в университете ночью.

– И вот после выходных уже надо возвращаться в школу, – продолжала она.

Чонсу только промычал что-то неразборчивое в ответ, а потом отпил еще глоток. С каждым глотком Кёнхи казалась ему все красивее, и вдруг ему нестерпимо захотелось провести рукой по ее волосам, что он и сделал через несколько секунд. Сначала Кёнхи непонимающе посмотрела на него, но не отодвинулась, все продолжая смотреть на того, с кем когда-то связывали отношения большие, чем просто дружба. Еще немного и Чонсу придвинулся ближе, захотев вдохнуть ее запах, придвинув лицо настолько, что начал ощущать ее дыхание на своих щеках. Зазвонил телефон, но никто из

них не обратил на него никакого внимания. Чонсу положил его на стол. А потом схватил Кёнхи за плечи, не позволяя отстраниться. Она задела его нос своим, нарочно, конечно, призывая к более решительным действиям. Чонсу все не решался, но соджу давал знать свое, и он впился в ее губы, будто все эти три года ему нужно было только это. Кёнхи вздрогнула. Телефон все звонил. А он попытался стянуть с нее кофту, но безуспешно – нужно было расстегнуть пуговицы.

– Может, ответишь по телефону? – спросила Кёнхи, чуть отстранившись, и указала взглядом на дрожащую трубку.

Чонсу пришлось отодвинуться и взять телефон в руки. Имя звонившего удалось прочитать с третьего раза, язык был не родной. Звонила та, о ком он думал вот уже второй день. Оливия... На экране высвечивалось пять пропущенных звонков. Телефон зазвонил снова. Винные пары окончательно покинули его голову, и в этот раз он ответил.

– Привет...

Оливия была в Корее уже три раза, поэтому простые фразы вежливости выучила, и хоть правильно произнести их не могла, но понимала.

– Что случилось? Я звонила пять раз, а ты не отвечаешь.... – В ее голосе звенели обида, ярость и слезы. Чонсу растерялся от такого ответа. Все это время Кёнхи смотрела на него с интересом.

– Послушай, я просто...

– Нет, ты не просто, ты меня забыл, совсем не звонишь!

Что я должны подумать?..

– Олли, не сердись, просто я был занят и...

Чонсу замолчал, поняв, что говорит только гудкам, настойчиво возвещающим о прекращении разговора. Набрал последний номер заново, но автоматический женский голос на чистом английском языке проинформировал о том, что аппарат абонента выключен. Что же делать? Он посмотрел на Кёнхи, враз потерявшую все свое обаяние в его глазах. Она же продолжала смотреть на него с интересом. Она уже успела поправить свою кофту и сидела, как ни в чем не бывало.

– Я пойду, наверное... – тихо произнес он, поднявшись со стула.

– Да, – только сказала Кёнхи.

Она не встала, чтобы проводить его, просто сидела и продолжала пить соджу. Что она думала в этот момент? Чонсу даже предположить не мог. Да и не хотел. Сейчас ему важно было лишь то, как добиться прощения той, что была за тысячи километров, той, о которой он забыл ради этих проклятых цифр, этих проклятых денег.

Дождь на улице все не переставал.

Следующий день и они снова в дороге. Дав ценные указания Хён Ву вечером, рано утром они как можно быстрее вышли из ресторана. В этот раз они полетели на самолете. Это было быстрее и как раз подходило по времени вылета. В

аэропорт Кванчжу они добрались без особых приключений, если не считать неприятное открытие Минкё, заключавшееся в том, что его туфли промокают. Дождь уже перестал, но на улицах были лужи и была морось.

Солнце застенчиво показывало свои лучи из-за растрепанных туч. Непривычная для жаркого августа погода. Уже будучи в аэропорту, Чонсу набрал номер телефона Оливии, забыв обо всякой разнице во времени. Но нет, абонент недоступен. Через пять минут история повторилась. А еще через пятнадцать нужно было отключать все средства связи, потому что взлетал самолет.

Минкё удобно устроился в своем кресле, вставив в уши наушники и прикрыв глаза. Чонсу готов был поклясться, что в наушниках у друга проигрывалась отъявленная поп-музыка. Сам же Чонсу уставился в окно. Землю не было видно – все закрывали облака. Он думал о том загадочном господине, который готов был предложить сотрудничество в строительстве нового ресторана. Стоит ли верить? После неудачной совместной деятельности с китайским инвестором он верил всем и каждому только наполовину. А этот господин Ким был более чем подозрительным. И эта реакция Хён Ву... Все это было странным. Но Чонсу нужно было убедиться во всем самому, увидеть лично этого Ким Ын Сона. Он мог оказаться как полезным, так и совершенно ненужным. Что ж, решил Чонсу, нужно подождать.

А еще... Оливия. На что она могла рассердиться? Тут уж

нужно было спрашивать совета у Минкё, который знал женщин намного лучше своего друга. Чонсу покосился в сторону хёна. Нет, тот только все испортит и опошлит. Он должен догадаться сам. Она сказала, что он не отвечал, что он не звонил... Она хочет общения? Чонсу попытался прикинуть. Да, в последний раз он звонил ей недели две назад. Но теперь она не отвечает. Обиделась? Хорошо, он позвонит ей на следующий день.

Через полтора часа они уже были в Инчхоне. Самолет приземлился довольно мягко, избавляя пассажиров от излишней встряски. Вот и друзья уже шли по территории аэропорта Инчхона, такого большого и такого современного сооружения. Погода в северной части страны резко отличалась от погоды на побережье. Здесь было тепло и сухо, солнце уже начинало припекать, несмотря на то, что было всего одиннадцать часов утра. Неосознанно они старались идти быстрее, ведь возможно уже сейчас в их ресторане их ожидает будущий партнер по строительству нового ресторана в Инчхоне. А все предчувствия и опасения можно было на время забыть. Наверное, они просто привыкли видеть во всем скрытый смысл и возможную опасность.

Была суббота. По этой причине в ресторане было намного больше людей, чем обычно. Перед входом в основной зал даже стояли несколько людей в ожидании отведать вкуснейшие блюда кухонь, которые они выберут сами. Эта обстановка уже давно стала привычной. Они наслаждались ею, насла-

ждались тем, что исполнившаяся мечта приносила плоды, а самое главное – удовлетворение. Как только они перешагнули порог главного входа, им снова начали кланяться встретившиеся официанты, что тоже уже стало довольно привычным. Чонсу немного стеснялся этого, всегда просил не делать так. Минкё же наслаждаться такой атмосферой полного подчинения, воображая себя довольно значимой личностью. Его друг часто подшучивал над этим.

– Ким-сачжанним! Шин-сачжанним! – Около входа их встретил главный администратор. Лицо было немного взволнованное, а в глазах тревога. – К нам совсем недавно приходил господин... Его имя...

– Ким Ын Сон? – подсказал Чонсу.

– Да, вы правы. А откуда вы знаете?

– Мы разговаривали с администратором ресторан в Кванчжу. Он был там тоже, – ответил Чонсу.

– А может, пройдем в кабинет? – предложил Минкё.

Все это время они стояли около дверей, и многие могли слышать разговор. Администратор пропустил владельцев вперед, а сам потрусил за ними. Зайдя в кабинет, друзьям предстала та же самая обстановка, которую они покинули несколько дней назад, будто и не уезжали вовсе.

– И что же этот господин хотел? – спросил Чонсу, усаживаясь на свое законное место – мягкое кресло около письменного стола. Минкё сел на диван.

– Он хотел встретиться с вами лично, очень сожалел, что

не застал вас...

– Это все? – уточнил Минкё.

Бедный администратор стоял перед обоими владельцами, как на допросе, и терялся все больше с каждой минутой. За окном уже начинали собираться первые тучи.

– Он еще говорил что-то насчет сотрудничества в строительстве ресторана в Инчхоне...

После этого администратор уже совсем не мог выдавить из себя ни слова. Но главное Минкё и Чонсу уже поняли – какой-то неизвестный помощник хочет принять участие в их делах.

– Он оставил свои координаты? – поинтересовался Чонсу, хотя уже заранее знал ответ.

– Нет, – ответил администратор. – Ни телефона, ни электронной почты.

На этом допрос был закончен. Администратор ушел. Друзья переглянулись, обдумывая сказанное. Что-то странное и недопонятое было в этих словах.

– Будто за призраком гоняемся, – пробормотал Минкё. – И почему он хочет остаться неизвестным, если сам предлагает нам сотрудничество?

Эти слова остались без ответа. Каждый погрузился в свои раздумья, которые, в принципе, ни к чему не привели. В этом уравнении было слишком много неизвестных. Искать человека, зная лишь его имя, было сложнее, чем искать иголку в стоге сена.

Настал новый день, новая кухня, но со старыми проблемами.

Чонсу столкнулся с тем, что за время его недолговременного вынужденного отдыха на его столе скопилось очень много бумажек. Счета могли задавить своим обилием, а из жалоб сотрудников друг на друга и просто так можно было написать сценарий целого сериала.

Минкё по большей части в этом не участвовал, больше гуляя по городу и предаваясь своим мечтам. Только иногда подкидывал новые идеи, которые Чонсу обычно оставлял без должного внимания.

Но одна проблема не давала Чонсу покоя. Как бы он ни пытался дозвониться Оливии, она не отвечала. Он звонил утром, вечером и даже ночью, но результат был один – абонент недоступен. Такое было только раз, и тогда она обиделась на него сильно, но не выдержала, и сама позвонила на следующий день. Теперь же было все гораздо серьезнее. Прошел день, за ним другой, но все оставалось так же. В один миг в голову Чонсу даже закралась сумасшедшая мысль поехать на пару дней в Америку, но это была глупая идея. Лучше он попросит друга навестить ее. А вдруг забыла? Если у нее теперь кто-то другой? Чонсу не на шутку испугался. Такого он не предполагал. А ведь это вполне возможно! Тогда, тогда... тогда он не знал, что делать. Такой опыт для него был в новинку, а Минкё тут совсем не советчик.

– Там в первом зале у нас непредвиденная ситуация...

Эти слова официантки вывели его из задумчивости, и он посмотрел на нее. Вид у нее был взбудораженный, если не испуганный, волосы растрепаны.

– Что случилось? – спросил он.

– Посетителю стало плохо, он задыхаться начал, на пол упал... – быстро тараторила официантка.

Такие происшествия были совсем некстати. Обычно после этого посетители обвиняли ресторан в плохом качестве блюд, вызвавших у них аллергию или несварение желудка, хотя причина была во всего-навсего отсутствии внимания самих гостей. Но тем не менее, конфликт нужно было исчерпать как можно быстрее.

– Когда это случилось? – спросил Чонсу официантку уже по дороге в первый зал.

– Минуты три-четыре назад... – отвечала она.

Вот и виновник происшествия. Мужчина лет пятидесяти в жилетке, которая не могла скрыть его выступающий животик, лежал на полу и с трудом глотал воздух. Остальные люди, как и бывает в таких случаях, обступили его полукругом, чем только затрудняли дыхание. Чонсу на ходу отдал приказ одному из официантов позвонить в скорую помощь, а сам опустился перед ним на одно колено, пытаясь понять, что же произошло. Он не был медиком, было сложно определить причину, и единственное, что он мог сделать, это попросить людей расступиться. Кто-то открыл окно. Чонсу уже не

на шутку испугался предстоящих судебных разбирательств по причине смерти посетителя, но в этот момент послышалось завывание машины скорой помощи. Два врача быстрым шагом подошли к лежащему мужчине. Женщина-врач принялась делать ему искусственное дыхание. Бесполезно. Но и причина оказалась совершенно в другом. Мужчина-врач приподнял посетителя, обхватил сзади за живот. Надавил раз-другой... После нескольких таких манипуляций из горла посетителя вылетела мягкая коричневая субстанция.

– Вам следует быть более осторожным с конфетами, – сказала женщина-врач, определив субстанцию. Потом добавила немного громче, чтобы пояснить ситуацию: – Он подавился, еда застряла в горле.

После этих слов Чонсу, наконец, спокойно выдохнул. О судебных разбирательствах он думать перестал, но начал рассуждать о каком-нибудь подарке посетителю, чтобы загладить вину. Толпа начала расходиться за неимением дальнейшего зрелища. Пострадавший посетитель не собирался жаловаться на ресторан, врачи уже ушли... Все покатилося по накатанной дорожке.

Кроме одного. На следующий день этот же посетитель постучался в дверь кабинета владельца ресторана. Уже в другом не менее дорогом костюме, уверенный и очень деловой. Увидев его, Чонсу почувствовал, как сердце сорвалось вниз примерно к пяткам. Мысли о предстоящих судебных разборках снова напомнили о себе. Мужчина без разрешения про-

шел в кабинет и еще некоторое время молчал. Чонсу тоже не мог выдать из себя ни слова.

– Вы бы неплохо смотрелись в кадре, – вдруг начал он и подошел к окну.

Чонсу ожидал совершенно другого: скандалов, угроз, возмущений... Но при чем тут кадры? Или это другое выражение слова «суд»?

Мужчина обернулся. Он явно ожидал ответа, но увидел только еле скрываемый страх в глазах молодого хозяина ресторана. Даже усмехнулся немного.

– Что вы хотите сказать? – спросил Чонсу, стараясь не выдать дрожи в голосе.

Мужчина усмехнулся еще раз и прошелся по кабинету взад-вперед. Потом остановился прямо перед Чонсу и некоторое время просто смотрел ему в глаза.

– Все в округе знают вкус ваших замечательных блюд, – начал господин. – Но не хотите ли вы, чтобы все знали и ваше лицо?

После этих слов Чонсу оторопел вконец. Он уже решил, что этот человек сумасшедший, хотел позвать охрану, как вдруг вспомнил те вынужденные съемки фильма в Америке, когда вся прибыль за работу актером, о которой он никогда не мечтал, шла на содержание ресторана.

– Вы молоды, – продолжал мужчина, – вам нужно посмотреть мир, показать себя, попробоваться в разных амплуа, а не сидеть в этих четырех стенах.

Таким предложением Чонсу было полностью обескуражен. Ему никогда не нравилось выставлять себя напоказ, но почему-то именно поэтому ему порой предлагали сняться в фильме или спеть. И вот снова. Он подумал было, что неплохо было бы повесить табличку на дверь о том, что продюсерам не заходить, но прошлый опыт вдруг напомнил о себе. Возможность покрыть расходы на строительство нового ресторана в Инчхоне вдруг выбила из головы все остальные мысли.

– Что вы хотите мне предложить, ачжосси? – глухо произнес Чонсу.

– Новый проект. Драма на шестнадцать серий для начала, мелодрама с элементами фантастики. Я знаю, вы уже снимались за границей, этот опыт вам очень пригодиться.

Мужчина говорил отрывисто, будто давно заученные фразы выпускал из себя, как автоматную очередь. Говоря все это, он посматривал на Чонсу, оценивая его реакцию. Конечно, Чонсу иногда интересовался современными фильмами и сериалами, но чаще всего только ради того, чтобы выбрать видеоряд для обеденного зала. Порой в их ресторан даже заглядывали звезды, тогда посещение ресторана превращалось в автограф-сессию. Это также приносило дополнительные доходы. Но никогда не случалось такого, чтобы ему предлагали самому участвовать в съемках.

Чонсу прошел к креслу, продолжая слушать этого незадачливого человека, который еще вчера подавился конфе-

той. Он уже заканчивал описывать радужные перспективы. Закончив, внимательно посмотрел на владельца ресторана. А тот оставался безмолвен. Потом крутанулся в своем кресле, совсем как ребенок, за что его частенько критиковал Минкё. На что сам Чонсу отвечал, что это помогает ему принимать важные решения.

– Я... – начал Чонсу, заставив предлагавшего сниматься в новой дораме человека, – я вынужден отказаться.

При этих словах глаза мужчины расширились, но он тут же совладал с собой, снова приветливо улыбнувшись.

– Вы не понимаете... Я известный продюсер, я предлагаю вам...

– Я все понимаю, но вынужден отказаться, – прервал его Чонсу.

Вдруг он понял, что единственное, что есть у него важного в жизни, на что он готов свою жизнь посвятить, это их ресторан, его и Минкё. Он не был готов размениваться на что-то еще, тем более на шоу-бизнес. Ресторан был единственной вещью, с чем он был готов связать свою жизнь. Единственное? Нет, еще была она, Оливия, та, которую ему нужно вернуть.

– Почти все время у меня занимает ресторан, поэтому я только разочарую вас, ачжосси... – Вдруг Чонсу осознал, что до сих пор не спросил имя господина, поэтому несколько смутился. Называть столь важную особу «дяденькой» было не совсем прилично.

– Хорошо, – мужчина хлопнул в ладоши. Его губы превратились в узкую полоску. – Простите, что побеспокоил вас.

Он резко повернулся на своих скрипучих каблуках и вышел, даже не давая возможности себя проводить. Чонсу даже начал немного сожалеть о своем резком отказе. Редко когда тебе предлагают стать айдалом. Но об этом он долго не думал, снова вспомнив об Оливии. Уже привычными движениями он снова достал свой телефон и набрал номер ее мобильного. Абонент не отвечает... Как можно в двадцать первом веке ходить с выключенным мобильным телефоном? Чонсу бросил телефон на стол, положил голову на скрещенные пальцы и вздохнул.

За дверью раздавались обычные обыденные звуки повседневной жизни ресторана. Чонсу бы уже и не смог представить себе жизнь без вот таких вот звуков разговоров посетителей, бьющейся порой посуды из-за неосторожности нового официанта, пьяных песен, раздающихся вечером в выходные... Он встал и подошел к окну. Там была видна автомобильная дорога, которая никогда не была пустой, и Ханган, который спокойно нес свои воды уже который век. Чонсу посмотрел на реку. Солнечные блики на воде через некоторое время начали резать глаза, а он все продолжал смотреть на воду. Все хорошо, убеждал он себя. Все хорошо и будет еще лучше. Это его город, и когда-нибудь он ему поможет. Но в сердце закралась тоска. Все, за что он ни брался в последнее время, не приносило никаких плодов. И ресторан в Инчхоне

казался несбыточной мечтой.

Чонсу снова вернулся к своим подсчетам, усевшись в свое любимое кресло. По всем цифрам выходило, что о строительстве нового ресторана не стоит и мечтать. Земля в нынешнее время сильно подорожала. Лучше заниматься уже имеющимися площадками. Он бы просидел до ночи, рассчитывая и подсчитывая, не ворвись в его кабинет второй владелец ресторана.

– Ты знаешь, кто только что выходил из нашей скромной столовой? – чуть ли не кричал Минкё. Волосы его были растрепаны, а глаза горели неподдельным огоньком. Он встал посередине кабинета, будто стихотворение собирался рассказывать.

– У нас много кто входит и выходит... – отозвался Чонсу, потеряв всякий интерес и вернувшись к бумажкам.

– Но это особенный человек! Это сам... – Минкё вдруг перешел на шепот, – сам Пак Сон Кон! Знаменитый продюсер, который создал такие шедевры как...

– Да знаю, знаю... – прервал друга Чонсу, хотя вряд ли имя человека, который вышел недавно из его кабинета, что-то ему говорило. – Он уже представлялся.

При этих словах Минкё как-то сник и сел на диван, не найдя лучшего способа выразить свою досаду.

– И что господин Пак хотел? – все же спросил он.

– Да так, ничего особенного. Предлагал мне участвовать в съемках...

– И ты не согласился?

Минкё даже вскочил от такой новости. Еще в школе он пару аз ходил на пробы, но ему отказывали, говоря, что ему не хватает артистичности, и голос оставляет желать лучшего. Он бы и сейчас сходил на пробы, но возраст уже не позволял. По крайней мере, ему так сказал Чонсу.

– Ты ужасно глупый... – пробормотал Минкё, снова плюхаясь на диван.

– Я ужасно занятой, – поправил его Чонсу. – Занятой, и поэтому похож на кимчхи из лука.

Минкё только хмыкнул в ответ на это. Посидел немного, еще позлившись, потом взял оставленную еще со вчерашнего вечера книгу и продолжил читать, совсем не вдумываясь в слова. Строчки просто прыгали перед глазами и буквы никак не хотели становиться в нужный порядок.

В конце концов Минкё перестал бороться с непослушными буквами, отложил книгу. Уже подошел к двери, схватился за ручку, как Чонсу сказал тихо:

– Возьми зонтик. Вечером дождь обещали.

Минкё проигнорировал это замечание. Его всегда раздражало, когда Чонсу становился похожим на его мать. Переступая порог ресторана, он вдруг вспомнил, что недавно открылся новый клуб в Мёндоне, и он просто обязан его посетить.

Чонсу же порадовался наступившей тишине, которой просто не могло быть при его друге. Даже не бумаги были

важны. Была важна тишина, которая позволит обдумать все планы. Но, видимо, в этот день тишине не судьба была воцариться в кабинете ресторана на улице Собинго района Ханнам, потому что в следующий момент в дверь снова постучали. Чонсу даже хотел проигнорировать этот стук, но он все не прекращался. Пришлось встать и открыть дверь. День посещения не на шутку утомлял.

В черном костюме, черных очках, которые он не снял даже в помещении, с усами, перед ним стоял мужчина среднего возраста и среднего роста. Все было в нем среднее, и если Чонсу захотел бы вспомнить его на следующий день, то не вспомнил бы ничего приметного. В то же время в этом человеке чувствовалась сила и какая-то... угроза что ли.

– Чем могу вам помочь? – спросил Чонсу у стоявшего перед ним человека.

Тот еще немного подождал, прежде чем ответить, оглядывая собеседника с ног до головы.

– Я к вам приходил несколько дней назад, но вас здесь не оказалось, – начал мужчина. – Меня зовут Ким Ын Сон, и я хочу предложить вам сотрудничество в строительстве нового ресторана. Надеюсь, вам уже передали об этом. Вы обдумали предложение?

Эти слова застали Чонсу врасплох. Он каждый день думал о строительстве в Инчхоне, но все это казалось сказкой, и вот перед ним стоит человек, который реально готов вложить деньги в их новый ресторан. Вместо ответа Чонсу ска-

зал лишь:

– Проходите, пожалуйста.

Он снова прошел к своему столу, позволяя пройти в кабинет Ким Ын Сону. Только зайдя в кабинет, тот снял свои солнцезащитные очки. Чонсу сразу обратил внимание на его глаза. Они ему будто что-то напоминали, что-то далекое и старое.

– Да, я думал о вашем предложении, – наконец начал говорить Чонсу.

Посетитель заинтересованно смотрел на него. Взгляд его был сосредоточен, будто он уже подсчитывал финансы, которые он может вложить в строительство.

– И хочу сказать, что оно весьма меня заинтересовало, – продолжал юный владелец ресторана. – Не могли бы вы подробнее рассказать о сделке?

На лице посетителя отразилось некоторое облегчение. Тут же он начал расписывать все перспективы будущей сделки, активно размахивая руками, будто имел способность извлекать материальные объекты из воздуха. Он обещал увеличение числа потребителей вдвое, даже втрое больше, чем есть сейчас, из-за близости аэропорта, ведь иностранцам всегда интересно попробовать свою родную кухню за границей. С каждой минутой Чонсу становилось все спокойней, он уже представлял себе будущую стройку.

– Хорошо, – сказал Чонсу, когда Ким Ын Сон закончил. – По рукам.

И он встал, подошел к мужчине и протянул руку для рукопожатия. Ын Сон с готовностью ухватился за протянутую руку с улыбкой на губах. В этот момент Чонсу забыл обо всем: и о том, что нужно было посоветоваться со вторым владельцем ресторана, и о том, что средств пока не хватало на строительство, и о той, которая вдруг исчезла из его жизни. В этот момент перед его глазами были только финансы и сметы на строительство.

– И еще... – добавил Ын Сон, – этот второй владелец ресторана... Шин Минкё. Какая функция у него? Чем он занимается?

Тут Чонсу задумался. А чем, собственно, Минкё занимается, кроме того, что ходит по клубам, магазинам и на свидания? Если задуматься, то он редко принимал участие в жизни ресторана, кроме как бесплатно ел в нем...

– Он... – начал было Чонсу. – Он принимает участие в управлении.

Только эта короткая фраза могла охарактеризовать деятельность Минкё в Сеуле. Ын Сон лишь кивнул в ответ на это, больше не спрашивая о Минкё.

– Вы же из Кванчжу? – вдруг спросил он скорее утвердительно, чем вопросительно, так что ответа не требовалось. – Почему же ваш главный офис здесь?

– Откуда вы... знаете? – настороженно спросил Чонсу.

– О, я специалист в области диалектов, – серьезно сказал Ын Сон. – Вот вы, например, говорите на диалекте Чолла,

что распространено на юго-западе.

Чонсу вдруг вздрогнул. Все воспоминания событий, произошедших два года назад, хотя казалось, что прошла целая вечность, снова вспомнились, что было не совсем приятно.

Ын Сон заметил это изменение в выражении лица Чонсу, подождал еще немного, а потом засмеялся.

– Да ладно, шучу, – все так же смеясь ответил он. – Сейчас о вас в интернете можно найти много информации. И о вашей биографии тоже. Где родился там, как женился... Думаете, я просто так буду предлагать большую сумму?

Напряжение спало. Чонсу снова почувствовал себя спокойнее. Противоречивые чувства вызывал у него Ким Ын Сон. Но возможность строительства ресторана в Инчхоне окрыляла настолько, что Чонсу и думать забыл обо всех своих подозрениях. Ын Сон только улыбался.

Они договорились о сотрудничестве, Ын Сон ушел более чем довольный. Выйдя из кабинета, он даже принялся по-свистывать, хотя, может, это всего лишь показалось. Чонсу же принялся за расчеты нового дела, забыв обо всем и вся.

И все же день подошел к концу, как и тысяча предыдущих. Как ни был окрылен Чонсу новой идеей, какая ни была сегодня выручка, но солнце давно село, и темнота царила за окном. Часто Чонсу задерживался настолько, что не имело смысла возвращаться домой, в недавно купленную квартиру. Собственно, для этих случаев и предназначался диван. Но

в этот день было просто необходимо поделиться радостными вестями с Минкё. Конечно, он должен обрадоваться так же, как Чонсу! Такая возможность выпадает несколько раз в жизни, и сегодня был именно тот день.

Чонсу медленно шел к станции метро, стараясь запомнить этот знаменательный день. Запомнить эти запахи, этих людей, эту музыку... Всю дорогу до метро Ханам он был в приподнятом настроении. Он был счастлив до того момента, как не выяснилось, что деньги на его проездном билете закончились. Конечно, давно пора была купить машину, но Чонсу отнекивался как мог от этой идеи. Дело в том, что он до чертиков боялся садиться за руль. А нанимать личного водителя было слишком уже накладно. Поэтому вот уже который месяц он садился в метро, и нисколько не жалел.

Вот и дом... Не родной, многоквартирный, но очень комфортабельный и удобный. Уже была полночь, как Чонсу повернул ключ в замке, нисколько не сомневаясь, что Минкё, если в эту ночь он не решил снова пройтись по значным местам, еще не спит. И он оказался на сто процентов прав. Свет горел и на кухне, и в комнате.

– Минкё! – крикнул Чонсу вглубь квартиры, попутно скидывая с себя туфли. – У меня для тебя хорошая новость!

– В нашей маленькой семье пополнение? – последовал незамедлительный ответ с кухни.

Чонсу тоже пошел на кухню, чтобы не кричать через всю квартиру. Его глазам предстала интересная картина: Минкё

впопыхах поедал остатки пирога, который вчера взял с собой из их же ресторана, и всеми силами старался скрыть это блюдо. Для него было крайне нежелательно, чтобы друг застал его за таким преступлением, как поедание вкусностей ночью. Хотя на его фигуре это никак не сказывалось. Чонсу всегда удивлялся, как в его друга столько влезает.

– Лучшее! – продолжил Чонсу, садясь за стол. – Сегодня ко мне приходил тот самый Ким Ын Сон. Мы договорились с ним о строительстве нового ресторана!

Вопреки всем ожиданиям Минкё несколько не обрадовался, даже наоборот как-то сник, что заставило его уронить кусочек черничного пирога на пол. Чонсу не сразу понял, что Минкё совсем не обрадовался, а поняв, очень удивился.

– Эй, ты чего? – спросил он.

Минкё некоторое время молчал, собирая крошки от пирога с пола.

– Да так, ничего, – все же соизволил ответить он. – Скажи, ты Оливии дозвонился? Я на твоём телефоне видел много исходящих звонков, но она не отвечала...

Только в этот момент Чонсу вспомнил об этой девушке, которая приносила очень большие нарушения в систему координат его жизни. Нарушения приятные и волнительные.

– Не было времени, – ответил Чонсу. – Да и она все равно не отвечает...

– Тебе не кажется это странным?

Минкё снова уселся на стул по другую сторону стола, под-

перев голову рукой. Чонсу только пожал плечами. Он сам об этом думал, но в голову ничего путного не приходило. Все это было действительно странно и не случилось никогда раньше. Чонсу чувствовал себя виноватым, корил себя за то, что снова переступил порог квартиры Кёнхи. Много было того, о чем он сожалел. И то, что он совсем забыл об Оливии из-за ресторана не было на последнем месте.

Больше они не говорили о новом ресторане, не говорили об Оливии. Говорить вообще ни о чем не хотелось. Был поздний час, глаза слипались, насыщенный день отнял много сил, и через полчаса оба уже разошлись по своим спальным местам – Чонсу на свою законную кровать, а Минкё на излюбленный большой диван, настолько большой, что можно было вытянуть ноги.

Лучи солнца уже давно заглядывали в окно квартиры на пятнадцатом этаже, возвещая о том, что наступил новый день с новыми надеждами и новыми возможностями. Но жители данной квартиры это принимать не хотели, просто переворачиваясь на другой бок, чтобы лучи не мешали досмотреть интереснейший сон. Но, как-никак, нужно было просыпаться, и первым это сделал Чонсу. Зевая, он вышел из своей комнаты и поплелся на кухню, чтобы сделать себе законную чашку кофе и законную яичницу с беконом. В голове уже роились идеи о строительстве нового ресторана, и одна была лучше другой. Он улыбался и мало что могло испортить ему

настроение.

В отличие от его друга Минкё проснулся совсем недовольным и, пока вставал с дивана, покряхтывал, как старик. Первое, что он сделал, отправился в ванную, проведя там около получаса. А когда вышел, уже казался совсем другим человеком, умытым и причесанным. Прихватив свой кусочек яичницы, он сказал, что сегодня у него очень важное дело, и пусть Чонсу отправится в ресторан без него. Чонсу заподозрил, что это важное дело – посещение парикмахерской и охота на новые вещички от Джин Джей, но ничего не сказал. Только по дороге думал, что и правда, Минкё совсем не занимается рестораном, только получает свои проценты, а всю работу приходится выполнять ему, Чонсу, что было не совсем приятно.

Как только он зашел через главный вход в ресторан, увидел знакомое лицо, привольно расположившееся за столиком около прохода в главном зале. Пройдя традиционный путь через поклоны официантов, Чонсу подошел к этому знакомому лицу, радостно поприветствовав его:

– Вы снова выбрали наш ресторан! – начал он. – Спасибо за доверие, Чхве Мин Хон-сси!

Господин в спортивном костюме хитро посмотрел на Чонсу, потом улыбнулся и ответил:

– А в этот раз не угадали! Мой брат ушел в уборную.

Чонсу спохватился и начал рассыпаться в извинениях. Эта путаница с близнецами просто сбивала с толку.

– Ничего-ничего, – прервал владельца ресторана Мин Ву. – Нас даже тренер иногда путает, поэтому просит на поле всегда носить майки с номерами.

С этими словами Чонсу немного успокоился. В этот момент появился еще один человек, абсолютно похожий на Мин Ву.

– А вот и я! – громким голосом произнес он, усаживаясь около своего брата. – Привет, Ким Чонсу!

Чонсу только встал и поклонился. К таким гостям всегда нужно было относиться уважительно. После посещения ресторана знаменитыми футболистами-близнецами заведение еще несколько недель было наполнено фанатами футбольного клуба Сеул, что приносило немалые доходы.

– К чему формальности... – проворчал Мин Хон. – Мы же друзья!

Они начали обсуждать последние матчи и перспективы на будущее. Спортивных новостей было очень много, так что работу Чонсу пришлось отложить на два часа. Посетители сменялись, с интересом поглядывая на близнецов, участников сборной, но обратиться за автографом не рисковали. Новый главный тренер – суший зверь! Отдыха совсем не давал, с утра до ночи только тренировки, и вот только сегодня им представилась возможность выбраться в город и отведать прекрасной европейской кухни.

– А вообще, все нормально, – говорил Мин Хон. – Просто тин-топ! А ты как поживаешь, старина?

Чонсу задумался о том, что же могло быть интересно братьям из мира цифр и всяческих смет, но не придумал ничего, просто сказав:

– Все по-старому.

Братья переглянулись, а потом засмеялись. Эти весельчаки всегда столько шуму создают! Но в то же время в их окружении всегда было весело.

– А мы слышали, что у тебя девушка не откуда-то, а из Америки! Как ты умудрился?

Чонсу только смутился и снова вспомнил, что Оливия не отвечала ему уже очень долго. Он уже давно начал волноваться, но пока ничего не мог предпринять.

– Прямо как наш прошлый капитан, – добавил Мин Хон, жадный до всяких интимных сплетен. – Где-то он сейчас в Японии со своей японской женой...

Его взгляд стал мечтательным и задумчивым. Об этом Чонсу было известно мало, да и спрашивать он не хотел. Зачем вмешиваться в чью-то чужую жизнь? А братья подняли по стакану сока, будто там было шампанское, и приготовились к произнесению тоста.

– За самого лучшего капитана, за Ю Чонхо и его жену, прекрасную Мидори!

И выпили сок не хуже, чем шампанское. Окружающие их посетители уже откровенней стали пялиться на футболистов. Порой взгляды были даже недоброжелательными, потому что они мешали вкусить завтрак перед сложной рабо-

той до поздней ночи.

Чонсу смеялся вместе с братьями, настроение было самое лучшее, ведь он встретил своих давних друзей. Но вдруг он почувствовал на своем плече чью-то руку. Сначала он подумал, что это Минкё, но вряд ли он его так крепко сожмет. Чонсу обернулся и увидел человека, с которым вчера договаривался о строительстве ресторана в Инчхоне.

– Обсудим детали? – склонившись к его лицу, сказал Ким Ын Сон.

В кабинете было душно. Мастера по починке кондиционеров забывали вызвать уже третий день. Солнце сегодня особенно припекало, чуть ли не расплавляя асфальт сеульских улиц. Единственным выходом было обмахиваться папкой для документов или стойко терпеть эту проклятую жару. Двое людей, находящихся в кабинете, выбрали второй вариант.

Чонсу внимательно выслушивал все предложения и заключения своего новоявленного партнера. Тот вдохновенно рассказывал о скором строительстве и обязательной прибыли по его завершении. Перед глазами молодого владельца ресторана уже всплывали красочные картины успешной и богатой жизни, ведь владея рестораном около аэропорта можно несказанно разбогатеть. Он уже забыл обо всем на свете, он хотел поскорее заключить все возможные договоры и подписать все возможные соглашения. Он уже представлял, как

заработает на новый дом для своих родителей, а в появившееся свободное время сможет приобрести, наконец, высшее образование, неимение которого в современном мире не просто позорно, а невозможно. А Ким Ын Сон все продолжал подливать масла в огонь или скорее краски на радужную картину будущего.

– Но только я хочу у вас кое-что спросить, – вдруг он прервал самого себя. – Вы действительно доверяете этому своему другу? Думаете, он не присвоит себе все акции, а вас выкинет на улицу?

Чонсу непонимающе посмотрел на мужчину. Несколько секунд он не мог понять сказанного, а потом к нему в сердце закралось сомнение в его друге. Как объяснить его апатию к строительству нового ресторана? Но нет. Чонсу помотал головой. Минкё всегда оставался его старым добрым другом, он его никогда не предаст.

– Я доверяю ему, – ответил Чонсу.

Ын Сон только хмыкнул в ответ на это, предложив через день съездить и посмотреть на будущую площадку для строительства нового ресторана. Самое время было ознакомиться с новой территорией. Чонсу с готовностью согласился.

Господин Ким ушел с легкой улыбкой и очередным высказанным сомнением насчет второго владельца ресторана. Чонсу некоторое время сидел не двигаясь после его ухода. Он просто положил свою голову на скрещенные пальцы рук и думал о предостережениях этого странного господина о

Минкё. Быть может, друг и вправду задумал что-то, что никогда не говорит? Ведь это было странно, когда Чонсу застал его ночью, встав за стаканом воды, копающимся в его портфеле с документами. Тогда Минкё все объяснил тем, что нечаянно засунул туда свой телефон. Тогда Чонсу поверил ему. Но правду ли он сказал в тот раз? Уж не документы на владение заведением искал он?

Чонсу потряс головой. Не может такого быть. Или может? Прошло еще три минуты. Он работает, он сидит днями и ночами в офисе только для того, чтобы Минкё получал свои проценты? Это же по крайней мере несправедливо!

Несправедливо! Коллекция вышла уже две недели назад, а цена еще не упала!

– Щибаль! – ругнулся Минкё, оставляя ценник в покое.

Он просто не мог сдержать свои чувства, хотя находился в магазине. Хотя он каждый день надевал новую одежду, несмотря на то, что она выглядела не хуже, чем у айдолов, он покупал все по уценке. Он не позволял взять себе много из казны ресторана в качестве зарплаты, понимая, что не может находиться долго в заведении, пока не закончит Колумбийский университет. Поэтому на личные расходы приходилось ощутимо экономить. В счетах он никогда не был мастаком, да и по математике в школе у него была вечная неудовлетворительная оценка. Все точные расчеты он оставлял на Чонсу, но считал своим долгом принимать участие

в отборе персонала и подкидывании новых свежих идей. У Чонсу было два помощник-экономиста, он сам был сведущ в юридических вопросах. А что же Минкё? Только рисовал Чхун Хян на стенах, будто хулиган...

Но только эта новая идея насчет ресторана в Инчхоне вызвала у него большие сомнения. Откуда взялся этот человек? Какие у него цели? Неужто вкладывать больше некуда, кроме их маленького ресторанчика? Минкё взял новую рубашку и повертел ее перед собой. Нет, цвет не тот. Он всегда гордился Чонсу, потому что тот был сообразительным малым, часто находил выходы там, где Минкё уже отчаивался это сделать. Вся эта маленькая сеть ресторанов держится только благодаря ему. Иногда Минкё думал, что совсем не нужен своему другу, что он может справиться сам, что даже мешаает ему своими глупыми идеями, но казалось, что как только Минкё исчезнет, все рухнет.

– С вас тридцать пять тысяч семьсот вон, господин, – сказала кассирша, когда Минкё все же решился купить эту рубашку и подошел к кассе, дождавшись своей очереди.

Он со вздохом отдал симпатичной девушке свою кредитную карту, мысленно попрощавшись с его кровными тридцатью пятью тысячами. Когда он перестанет быть бедным студентом, обязательно сделает пир горой в их собственном ресторане. Он провел рукой по своим постриженным полчаса назад волосам, которые нисколько не убавили в объеме. Это всегда помогало его мыслительному процессу.

Он уже который день думал об этой официантке из Пусана. Это было странно, он не думал ни об одной девушке дольше, чем три дня, но именно она зацепила его своей простотой и обаянием. Су Ён была, как самый прекрасный цветок лотоса среди старых сорняков. Тогда... когда он провожал ее, было нечто, что запомнилось ему лучше, чем всякая случайная встреча. Тогда поцелуй у дверей ее дома превратился в нечто большее. Но дальше он зайти себе не позволил. Он даже забыл взять ее номер телефона, за что очень корил себя. Найти кого-то в Пусане было подобно тому, как найти отдельную каплю моря в этом безбрежном пространстве. Она могла уволиться из этого кафе, могла уехать.... И вот теперь Минкё снова остановился посреди улицы, размышляя, не махнуть ли ему на пару деньков в Пусан. Но сначала нужно было предупредить друга об отъезде. Минкё направился к автобусной остановке, ресторан от торгового центра СУ располагался не так далеко, всего четыре остановки. В автобусе он разглядывал проплывающие мимо здания, хотя мало что оставалось в его сознании. В его голове было много мыслей, одна вытесняла другую, многое просто не могло оформиться в цельную идею. В его голове уже снова поселилось ставшее привычным осознание того, что нужно скоро улететь, всего через пять дней. Он всегда не хотел этого, всегда грустил, хотя старался совсем этого не показывать, прикрываясь беспечным весельем. Чонсу, наверное, не понимал, что его другу каждый раз больно уезжать, но он не хотел обременять

его. Все равно ведь вернется. Обязательно.

Вот и их ресторан. Посетители заходят и выходят, все как обычно. «Дом, милый дом», – тихо пробормотал Минкё, усмехнувшись сам себе. Когда-то то же самое он сказал в Нью-Йорке. Но тогда то был действительно милый дом, потому что они жили на втором этаже их кафе. Он открыл дверь и вошел через главный вход. Снова поклоны, снова приветствия. А он только улыбался.

– Ай-гу, сколько всего накупил-то! – воскликнул Чонсу, как только увидел друга на пороге своего кабинета.

Обычно он встречал Минкё показным безразличием, но в этот раз на его лице была более чем буря эмоций. Радость, удивление, презрение и сомнения – все смешалось на его лице.

– Всего-то пару вещей, – отмахнулся Минкё, проходя к своему излюбленному месту. – Как идут у нас дела?

– У нас... – эхом повторил Чонсу и на секунду задумался. – У нас все хорошо.

– Вот и отлично, – радушно сказал Минкё. Потом посмотрел в окно. – Я, кстати, хотел сказать, что мне надо отлучиться на пару дней в Пусан. Ты тут сможешь без меня?

Чонсу внимательно посмотрел на друга. Минкё только улыбнулся в ответ на этот пристальный взгляд. Такой взгляд бывает у его друга, только когда он собирается сказать что-то крайне важное, но обдумывает, как это сделать. Поздновато для серьезных заявлений – Минкё улетает через пять дней.

– Может, пообедаем? – неожиданно предложил Чонсу.

Минкё даже вздрогнул от серьезности в его голосе. Редко когда Чонсу разговаривал с ним в таком тоне. Минкё только пожал плечами.

Через пять минут они уже сидели в вип-кабинке, ожидая свой заказ. Минкё на этот раз заказал блюда корейской кухни. Он всегда так делал, когда перед отъездом оставалось несколько дней. Чонсу смотрел на него все тем же серьезным взглядом. Минкё успел перебрать уже все свои мелкие и не очень грехи, чтобы понять, за что извиняться перед другом, но так ничего и не придумал.

– Хорошо здесь, да? – вдруг начал Чонсу. Он заказал себе бокал вина и теперь отпивал его мелкими глоточками. На его левой руке поблескивали дорогие часы.

– Да, конечно, – непонимающе ответил Минкё. – А что ты...

– Знаешь, а ведь это дополнительное освещение я придумал, я закупал материалы, я заказывал рабочих... – перебил Чонсу.

– Ты о чем?

– И занавески тоже я выбирал. А как было сложно, когда расходы превышали доходы!

– Что-то ты рано начал вспоминать, вечер еще не начался...

– Я хочу сказать, что все в ресторане делаю я. А ты? Что ты делаешь?

Минкё удивленно посмотрел на друга. С чего это он начал говорить об этом? Неужели нашел фотографию, где он целуется с другим парнем? Так это на спор!

– Что ты хочешь сказать? – снова спросил Минкё.

– Ты приезжаешь сюда, как на отдых, бегаешь по магазинам и свиданиям, помощи от тебя чуть, а я только и делаю, что работаю... Может, попробуешь себя в чем-то другом?

– Ты хочешь, чтобы я ушел... – неверяще прошептал Минкё. Глаза его расширились, он ничего не понимал, кроме одного – его друг больше не нуждается в его существовании. Чонсу все продолжал пить свое проклятое вино. – Хорошо, – громко сказал Минкё. – я уйду. Больше не буду надоедать тебе своим присутствием! За документами зайду потом!

Минкё резко поднялся из-за стола, да так, что стул, на котором он сидел полминуты назад, опрокинулся и с грохотом упал на пол. Потом поднес ко лбу два пальца, будто честь отдал и развернулся на все сто восемьдесят градусов. Ничто не вечно, и их дружба вечной тоже не оказалась. Это можно было предвидеть... Нужно надеяться только на себя. Он прошел по главному залу быстро, словно ветер. Он намеревался забрать из квартиры Чонсу все свои вещи, часть оставить в камере хранения, часть увезти с собой в Пусан. Сейчас ему как никогда была необходима ласковая девушка, способная залечить все раны. Через полчаса он уже покупал в кассе билеты в Пусан. Хочет жить сам? Пусть живет сам, в одиночестве!

Чонсу остался в одиночестве за столиком на двоих. Проклятое вино все не заканчивалось, и он глотнул как можно больше, чтобы избавиться от этого тянущего вкуса. Глотнул так стремительно, что закашлялся. Не доев свой обед, вытирая рот рукой, он поднялся из-за столика. Оставалось только вернуться в кабинет.

Этого он хотел? Порой он бывал зол на друга, но сегодня перешел все рамки. Хотя их дороги уже давно разошлись, рано или поздно Минкё должен был уйти. Он просто ускорил процесс. В любом случае он будет счастлив в другом месте, не здесь. По дороге он мельком посмотрел на любительски нарисованную Чхун Хян. Минкё всегда гордился этим рисунком. Чонсу только еле заметно улыбнулся, но улыбка сразу исчезла с его лица.

Он вошел в свой кабинет, вдруг опустевший, тихий, закрыл дверь на ключ. Он не хотел никого видеть, даже своего новоявленного партнера по строительству нового ресторана. Вместо этого он подошел к своему столу, сел в кресло. Просидев так немного, решил на то, что уже давно пора было сделать. Оливия не отвечала на мобильный... Но у него же есть номер ее домашнего телефона! Сейчас ему было просто необходимо поговорить с человеком, который поймет его. Он порылся в своей записной книжке, с трудом нашел нацарапанный карандашом американский номер. Он забыл, что сейчас там раннее утро, что, возможно, еще все спят, просто

позвонил на удачу.

Ответили не сразу. Это был женский голос, судя по легкой хрипотце заплаканный и исстрадавшийся.

– Оливия? – сказал Чонсу, но уже усомнился в правильности своего предположения. Приходилось снова говорить по-английски. В этом он уже довольно преуспевал, ведь не зря же говорят, что лучше всего язык учится с помощью девушки.

– Кто ее спрашивает? – вместо ответа донеслось с другого конца света.

– Это... я звоню из Кореи, я ее...

– Она пропала, – прервали его. – Мы не можем найти ее уже три дня, она не отвечает на звонки, в колледже ее не видели...

Это была ее мать, миссис Филлон. Чонсу встречался с ней всего пару раз, но она всегда была рада принять в своем доме. И вот, она сообщает, что Оливия пропала! С другого конца связи уже давно слышались только сухие гудки, но Чонсу все никак не мог опустить руку с телефоном. Исчезла! А он, дурак, совершенно не подумал, что с ней может что-то случиться...

Чонсу продолжал оставаться в неподвижном состоянии довольно долго. Она исчезла, а он ничего не мог сделать... Разве что отправиться в Америку и начать искать ее самому. Он снова позвонил на ее номер. Нет ответа...

– Айщ... Минкё, что мне делать? – спросил он, повернув-

шись в сторону дивана. Но там было только пустое место. Он забыл, что сам выгнал собственного друга, заставил уйти его из бизнеса! Какие еще сюрпризы преподнесет ему этот день?

Осиротивший молодой владелец ресторана взял в руки папку с документами, которую нужно было поставить на место в шкафу. На лице его не отражалось ни одной эмоции. Поднялся, ступил два шага... потом с размаху кинул эту папку в сторону, в стену! Пусть все оно провалится, если рядом нет близких людей! Он взял карандашницу, и она последовала за папкой, рукой смахнул со стола все имеющиеся на нем бумаги, подошел к дивану, с размаху ударил по мягкой обивке. Раз, другой... Хотелось разгромить все. Из горла вырвался крик, а он даже не слышал себя. Он резко опустился, сложился почти пополам, оперся руками о колени, из глаз брызнули слезы... Он не слышал телефона, настойчиво звонящего на столе, не слышал стука в дверь. Пришел в себя он только через пять минут, когда дверь открылась сама, а на пороге показались двое взволнованных официантов и Ким Ын Сон. Меньше всего Чонсу хотел, чтобы его видели в таком состоянии. У него начали спрашивать все ли в порядке, а он и ответить ничего не мог. Ын Сон выгнал всех из кабинета и довел Чонсу до дивана. Тот только всхлипывал тихонько. В таком случае бы полагалось успокоить, утешить... Но на губах Ын Сона появилась только усмешка. Еще немного, и расхохотался бы! Чонсу посмотрел на него своими заплаканными глазами.

– Что-то случилось? – спросил Ын Сон неуместным в таком случае тоном самодовольства.

– Он... ушел... – выдавил из себя Чонсу. – Девушка пропала...

– Твоя девушка?

Чонсу лишь кивнул. Улыбка на лице Ын Сона стала шире. Он сидел рядом с Чонсу, но смотрел на него сверху вниз, пренебрежительно, насмешливо. Чонсу не замечал ничего этого. Его мир вдруг рухнул в одну минуту. Он бы уже согласился отдать свой ресторан первому попавшемуся человеку, только чтобы все, что было у него раньше, вернулось и никогда не исчезало.

– Давай съездим завтра в Инчхон и посмотрим на новую площадку для строительства?

Это предложение было совершенно неуместно в сложившейся ситуации. Чонсу даже забыл, что это за площадка такая и для чего она нужна.

– Может, выясним что-то о твоей девушке, – продолжал Ын Сон.

Эти слова были еще более непонятны. Как Оливия быть связана со строительством? Чонсу незаметно ущипнул свою руку. Это могло сниться только в страшном сне. Но нет, он почувствовал небольшую боль. Он не спал. Кто ему может помочь? Он остался один, звонить Минкё сейчас бесполезно.

– Я не могу, сейчас не время... – ответил Чонсу, замотав

головой.

Какой, к черту, ресторан, когда из его жизни пропали главные составляющие!

– А я думаю, нам удастся кое-что узнать о твоей... Оливии. Ее ведь так зовут?

Глаза Ын Сона сверкнули недобрым блеском. Он барабанил пальцами по подлокотнику дивана, на его губах все сохранялась эта усмешка, а Чонсу не мог понять, как он мог так быстро измениться в своем поведении.

– Откуда вы... знаете имя? – в ужасе прошептал Чонсу.

Собрав остатки силы, он вскочил с дивана, неосознанно пятясь от этого человека.

– Я знаю его так же, как и то, что два года назад ты работал в адвокатском агентстве «Правая защита». Я прав?

У Чонсу чуть сердце не остановилось, когда господин Ким упомянул это заведение. Порой оно еще снилось ему в кошмарах. Ночами он просыпался в холодном поту, а рука, раненая тогда, начинала ныть.

– Так что у нас есть о чем поговорить. – Ын Сон тоже встал с дивана и направился к двери. – Я зайду за тобой завтра в девять часов утра. И... – Он снова окинул презрительным взглядом Чонсу, который и пальцем не в силах был пошевелить. – Можешь не искать свою принцессу. А, и еще, – Ын Сон приостановился. – Надеюсь, ты не станешь звонить в полицию?

Эти слова окончательно убили всякую надежду. Он хотел

броситься на Ын Сона, задушить его, но он был единственной ниточкой, ведущей к Оливии. Ын Сон ушел, совершенно не чувствуя опасности. А Чонсу осталось стоять посреди своего кабинета.

Итак, он не был никаким бизнесменом. Это единственный вывод, который можно сделать из произошедшего. Кто же он тогда? Явно ничего хорошего сделать он не может. Сомнений нет, имя его выдуманное. Нет и никаких данных. У него ничего нет! Остается только ждать завтрашнего утра, чтобы он отвел его туда, куда хочет. Сердце начинало биться быстрее при мысли о том, что он там увидит. Еще через минуту Чонсу осел на пол, ноги уже не держали. Он был загнан в угол и не знал, как из этого угла выбраться. Село солнце, показалась луна, а он нисколько не сдвинулся с места. Он сидел так до тех пор, пока ноги не затекли совсем, но даже когда это произошло, был не в силах сдвинуться с места. Свет до сих пор не был включен, глаза давно привыкли к темноте. Чонсу не собирался ехать домой, да и метро закончило свою работу. Что делать? Оставалось только ждать. Он был совсем один.

Один он приехал в Пусан в этот раз. Без особых сложностей разыскал то самое кафе, хотя было уже темно. Всю дорогу он думал о необычном поведении Чонсу. С чего это он вдруг решил так резко разорвать все связи? Неужели тот бизнесмен устраивал его больше? С самого первого слова о нем

он не впускал никакого доверия Минкё. От того, что Чонсу буквально выгнал друга, становилось обидно до слез. Признаться, Минкё даже пустил одну слезу в самолете, но тут же быстро вытер ее тыльной стороной ладони. Никогда он не должен показывать себя слабым. Фонари слабо светили, волны плескались недалеко, чайки кричали... Но ничто его не могло отвлечь от предательства друга. Он просто не понимал.

И теперь он лежал в чужой постели чужой квартиры рядом со спящей девушкой по имени Су Ён. Он разыскал ее без труда, в этот день снова была ее смена. Без особого труда он добился ее прощения за отсутствия звонков. Без труда в тот же вечер покорила ее сердце, оказавшись с ней в одной постели. И теперь она спала, положив свою тонкую руку на его грудь, а он продолжал думать о сложившейся ситуации. Он сам себе усмехнулся, подумав, что, лежа в постели с девушкой, он впервые размышлял о друге, а не о том, какую красивую фразу сказать утром. Минкё чувствовал, что творится что-то не то, что ему нужно вернуться в Сеул, но гордость не позволяла ему сдать так рано. Позвонить? Нет уж, пусть Чонсу будет первым! Девушка придвинулась ближе. Он скосил взгляд в ее сторону. А все-таки симпатичная. Длинные волосы темным водопадом спадали на подушку, веки подрагивали во сне. Ее маленький носик временами смешно морщился. Минкё невесомо провел рукой по ее спине.

Ночь проходила. За окном стало совсем тихо, а он все не

мог уснуть. Не мог понять предательство друга. Не мог понять, отчего так беспокойно сердце. В конце концов, когда на восточном краю неба уже забрезжил свет, он осторожно встал, стараясь не разбудить Су Ён, и направился к журнальному столику. Он хотел найти чистый листок, но оказалось, что это было довольно сложно. Наконец, нашел и написал несколько слов, о том, что еще вернется, еще перезвонит. К этой бумажке он приложил свою визитку, где был написан адрес их главного офиса. Если она работает официанткой, то какая разница, где работать? Тихо одевшись и собрав все свои разбросанные вещи, он вышел за дверь. Утренние улицы Пусана были красивы. Воздух наполнен запахом моря. Ветер свежий и ободряющий. Минкё даже не чувствовал, что не спал всю ночь. Он хотел повторить маршрут поездки с Чонсу. В Кванчжу ему нужно было забрать несколько своих вещей, которые он побоялся доверять почте. На сей раз он выбрал самолет за скорость. Чувство того, что он должен вернуться в Сеул, не покидало его, и он решил ему поверить. Но сначала свои дела!

Всего три часа и он уже на своей малой родине в Кванчжу. Еще не было и полудня, как он добрался домой по единственной ветке метро. День обещал быть жарким. Было очень кстати, что первым пунктом назначения Минкё выбрал свой дом, где хранилось немало вещей, которые он носил когда-то. Легкая футболка в этот день пригодится уж точно.

Минкё ехал в метро родного города, будто и не уезжал никуда, будто не было этих лет, проведенных за границей. Он ехал недолго, всего полчаса до станции Хвачхон, но за это время словно вся прежняя жизнь пронеслась перед глазами, жизнь без особых трудностей, где самая важная проблема заключалась в том, чтобы не схлопотать неудовлетворительную оценку по математике или ханчча или же вовремя занять вакантное место в столовой у окна. Только сейчас не было рядом друга, который переживал все эти проблемы вместе с ним. Сейчас этот друг был в другом городе, и все бы ничего, если бы у Минкё не было такого смутного предчувствия чего-то нехорошего.

Дома никого не оказалось, только тишина и мелкий слой пыли на верхней полке книжного шкафа. Минкё быстро поднялся к себе, переоделся, взял все необходимое в свою дорожную сумку. Уже собирался уходить, но из кухни донесся соблазнительный запах пирога с начинкой из бобов. О, эту сладость он не пропустит никогда! Пришлось потерять еще полчаса на спокойное поедание своей законной половины пирога. И вот он снова на улице.

Солнце подбиралось к половине своего пути, близился полдень. Сначала Минкё направился снова к станции метро, но потом передумал. Лучше он забронирует билеты и зарегистрируется по интернету и посидит немного в своем... нет, уже бывшем своем ресторане.

Доехав до ресторана на автобусе, со вздохом он вошел в

главный зал. Все так быстро и глупо закончилось... Он знал, что в таких вопросах Чонсу более чем серьезен. Оставалось только смириться. Принимать поклоны официантов было теперь как-то неловко. Он оглядел зал. Свободных мест было совсем мало. Но заинтересовало его другое. Снова она...

– Кёнхи! Какими судьбами?

С дежурной улыбкой Минкё подошел к бывшей однокласснице и сел рядом с ней. Странно было видеть ее снова здесь. Хотя... он бросил взгляд на висящий в углу календарь. Особо ничего странного и не было, ведь наступила суббота.

– Нравится мне тут, – ответила Кёнхи, отпив еще один глоток коктейля.

– Выглядишь уставшей... – сделал вывод Минкё, оценив ее вид.

Кёнхи только вздохнула. Потом посмотрела на улицу через окно. Солнце светило по-прежнему и менять свой курс не собиралось.

– Где Чонсу? – вдруг спросила она.

– В этот раз его здесь нет, – уклончиво ответил Минкё.

Он подозревал, что у них что-то случилось, но подробностей знать не хотел. Лучше пусть у этого маленького сердцееда будет одна девушка. Кёнхи кивнула, отпила еще глоток.

– Так что случилось?

– Экзамены, – одним словом ответила Кёнхи. – Точнее, контрольные тесты. Меня вымотали эти тесты.

– Ты сдаешь сейчас контрольные тесты? – удивился Мин-

кё.

– Нет, дети. У класса, в котором я веду уроки, контрольные тесты. По корейскому тоже. Вот и устала... Но, – она сделала театральную паузу. – Но они-таки смогли их сдать!

На ее лице появилась улыбка. Облегчение и усталость – вот основные эмоции, отраженные на ее лице в этот час. Минкё не знал, что ответить на это. Оставалось только поздравить. Неплохо было бы иметь такую учительницу, подумалось ему. Не то, что их О-сонсенним.

Поговорив еще немного, он распрощался с Кёнхи. Пора была ехать в аэропорт. Напоследок, когда он уже открывал дверь, она крикнула ему «Передавай привет Чонсу!». Он не стал ничего отвечать. Пусть никто пока не знает об их ссоре. И он даже не знал, что встретит в Сеуле. Новый блестящий проект или... об этом он старался не думать.

Как он мог подумать, что этот человек, который называет себя Ким Ын Соном, на самом деле лжец и бандит? По дороге в Инчхон Чонсу заметил у него под одеждой пистолет. Ничего не оставалось, как полностью ему подчиниться. Только бы с ней ничего не случилось...

Со стороны они выглядели, как хорошие знакомые. Никто бы и заподозрить не смог о всей серьезности происходящего. Чонсу бы и хотел задушить его при сотне свидетелей, но только он мог привести его к Оливии. Как было бы легче, если бы Минкё никуда не уезжал, остался здесь! Но нет, он сам

выгнал его из ресторана. Теперь оставалось полагаться лишь на себя, но сил уже не оставалось. Человек с вымышленным именем изредка поглядывал на Чонсу, усмехаясь при этом. Над злостью в его глазах этот господин смеялся, упиваясь бессилием Чонсу сделать что-либо.

Солнце светило ярко, но Чонсу был не в силах заметить даже это. И конечно, он боялся не за себя. Он боялся того, что увидит, боялся за Оливию. Она же ничего не понимает! Даже по-корейски ничего не может сказать... Наверняка, испугалась сильно. С каждым километром, проеденным на поезде, он приближался к ней. Он хотел успокоить ее, утешить...

– Ты же не думаешь, что мы просто так отдадим тебе твою принцессу? – будто прочитав мысли Чонсу, сказал похититель.

Не имело смысла что-либо отвечать. Чонсу и так понимал, что никакое похищение не совершается без выдвинутых требований. Он лишь с ненавистью посмотрел на этого гнусного человека.

Поезд уже подъезжал к городу. Вот и вокзал. В Инчхоне как всегда царил неразбериха и большое столпотворение. Человек, который даже имени своего настоящего не назвал, подтолкнул Чонсу к правому выходу. Тот послушно пошел перед ним. Куда же дальше?

У выхода их ждала черная машина. Водитель был даже чем-то похож на господина «Кима». Такой же непримеча-

тельный и не выделяющийся. Чонсу подтолкнули к машине. Он сел, и только после этого уселись эти двое. Дорога была длинной, машина много раз сворачивала, кружила по подъемам и спускам. В конце концов, они приехали в маленький пригород, названия которого Чонсу даже не заметил. У небольшого одноэтажного дома, скрытого забором, машина остановилась. Сердце у Чонсу стучало как бешеное, он шел быстрым шагом к дверям дома, подталкивать его не приходилось. Дверь оказалась закрыта. Господин «Ким» постучал условным сигналом. Открыл ничем не отличающийся от водителя мужчина. Теперь на лице лжеца держалась и не исчезала презрительная усмешка. В доме было темно, занавески почти не пропускали свет. Зайдя в дом, главарь этой шайки подошел к пыльному зеркалу, которое висело на пустой стене, снял очки и быстрым движением руки отклеил усы. Даже они оказались фальшивыми! Потом повернулся к Чонсу, ожидая чего-то. Теперь его лицо выглядело более знакомо. Призрак из прошлого, щупальце давно прошедших неприятных дней!

– Да-да, это я, – подтвердил мужчина, главный здесь. – Как ты помнишь, ты мне подчинялся когда-то... Это я, Хон Ён Хван!

У Чонсу подкосились ноги, он чуть не упал. Тот самый старший секретарь Канга, его правая рука! Что им опять нужно?.. Никаких документов у него больше не было, а ресторан им никак не может пригодиться...

– Ты думаешь, что нам нужно? – снова усмехнулся Ён Хван. – Сейчас скажу. Дело в том, что наш *общий* начальник сейчас находится в тюрьме. Это произошло по твоей вине. И я хочу предложить тебе облегчить его участь.

У Чонсу только удивленно приподнялись брови. Он совсем ничего не понимал. Ён Хван говорил загадками и недомолвками.

– Подойди сюда, – он поманил рукой Чонсу к двери в дру- гую комнату. Тот послушно поплелся за ним.

Дверь открылась, и его глазам предстало то, чего он так боялся. Оливия не была связана, не была избита. На ее теле вообще не было видно ран. Она, красивая, смешная, в лег- ком желтеньком сарафане с заплетенными блондинистыми волосами. Ей не грозила никакая опасность. Но она вооб- ще не двигалась! Будто лежала на старенькой кровати и тихо спала. В ее руку около локтевого сгиба была вставлена меди- цинская игла, соединенная с неким подобием капельницы. Чонсу рывком попытался приблизиться к ней, ему показа- лось, что по его вине умер прекрасный цветок, окрашиваю- щий в яркие краски всю его жизнь! Но Ён Хван остановил его твердой рукой, не дав этого сделать. Он вообще не дал зайти в комнату.

– Она не умерла, – сказал он обезумевшему Чонсу. – По- ка не умерла. Она находится под действием новейшего сно- творного, которое постоянно добавляется в ее кровь. Но сто- ит немного увеличить дозу и...

Договаривать он не стал. Конец и так был ясен.

– Ее жизнь зависит от тебя. Если ты пойдешь в отделение полиции и возьмешь вину на себя... если скажешь, что это ты хотел подставить начальника фальшивыми отчетами ради собственного продвижения, тогда твоя принцесса останется жива. Если нет... живой ты ее больше не увидишь.

Ён Хван закрыл дверь, потом прошелся по комнате взад-вперед. Повернувшись на каблуках своих начищенных до блеска туфель, он ожидающе посмотрел на Чонсу. Тот не мог ничего сказать. Ему казалось, что у него пропал голос, и он никогда не сможет ступить шагу.

– Но я не такой плохой, как ты думаешь, – мягко добавил Ён Хван. Даже подошел и по-братски похлопал Чонсу по спине. – Я тебе дам сутки на раздумье. Подумай хорошо, иначе...

Договаривать он не стал. Просто открыл входную дверь и подтолкнул Чонсу в ее направлении. Тот пошел на несгибающихся ногах, будто робот, а голова кружилась и никак не могла остановиться. Неужели у него оставался только один путь – в полицию?

Только один путь был у Минкё, и этот путь он решил преодолеть на такси – было утомительно нести с собой сумку с вещами. Чтобы удостовериться в том, что его тревоги безосновательны, оставалось только снова приехать в ресторан. К тому же нужно было забрать некоторые документы.

Перед тем, как войти, он прошел немного дальше, к побережью. Ханган сверкал, как и тысячу лет назад, солнечные блики закатного солнца ослепляли глаза, но именно сейчас хотелось, чтобы этот свет не давал смотреть дальше. Может быть, Минкё смотрел на это все в последний раз, и на это место ему больше не придется приходить, поэтому он постоял у ограды немного дольше, чем сам того хотел.

– Ну вот и отдохнули, – пробормотал Минкё, отвернувшись от сверкающей реки. – Дом, милый дом, – в который раз он сказал самому себе, посмотрев на красноватое здание, где находился ресторан «8AM & 8PM».

С каждым шагом идти становилось все тяжелее. Он не хотел этого последнего раза. Он бы и университет мог оставить, только бы все оставалось по-прежнему! Но через две секунды Минкё постучал себя по голове ладонью, попытавшись выгнать эти сентиментальные мысли. Рановато ему становится таким чувственным! Решительным шагом он преодолел последнее расстояние, на правой полосе дороги чуть не угодив под машину. Водитель даже не притормозил. Минкё привычно выругался, да так, что прохожие оглядывались на него с недовольством.

В ресторане кипела обычная жизнь. Может, даже посетителей больше стало. Но это было лишь внешне. Минкё постарался пройти незаметно в кабинет управляющего, что удалось ему с трудом. Пришлось поднимать воротник и прикрывать им лицо. В кабинете будто никого и не было. Тихо, спо-

койно... Минкё зашел и огляделся. Где же Чонсу? Пройдя к шкафу, Минкё открыл сейф с документами. Код знали только два человека. Он и...

– Чонсу? Что ты здесь делаешь?

Зазнавшийся владелец ресторана сидел на полу около боковой стороны стола. Одну ногу он согнул и поставил на нее локоть. Казалось, что он узнал о приближающемся апокалипсисе и готовился поведать о нем миру – настолько было скорбно его лицо. На лице были мокрые дорожки, будто он плакал совсем недавно.

– Что случилось? – Минкё присел около друга, с тревогой вглядываясь в его лицо.

Тот не мог ничего сказать еще две минуты. Собирался и не мог. А потом слова полились сами нескончаемым водопадом. Чонсу говорил все: как он ошибся в новом партнере, что его и зовут-то по-другому, что он очень сожалеет, что выгнал своего единственного верного друга, что Оливию похитили и...

– И вот, мне завтра придется сознаваться в том, чего я не совершал! – уже со слезами на глазах сказал Чонсу.

Минкё только хмурил брови, что было признаком крайней безысходности, а также глубокого мыслительного процесса. Чонсу опустил голову насколько это возможно. Ему было стыдно смотреть в глаза друга, ведь он наговорил ему столько гадостей недавно. Ему было стыдно, что Минкё видит его беспомощность. Единственный выход казался со-

всем неутешительным, этот выход лишал его свободы, чести... Но что он еще мог придумать, если его любимая девушка находится на волосок от гибели? Лучше пожертвовать этими глупыми понятиями ради невинной жизни. На глаза снова начали наворачиваться слезы, а Чонсу этого даже не замечал. Он и друга-то своего почти не замечал, почти не слышал и не видел.

– Сложно... – тихо произнес Минкё. Было крайне мало случаев, когда он не мог придумать выход из сложной ситуации, но эта оказалась одной из них. Он уже забыл о тех обидных словах, произнесенных Чонсу совсем недавно. Сейчас до этого просто не было дела, а слова прощения были лишними.

Чонсу посмотрел на друга глазами, полными слез, безысходности и тревоги. Потом снова до невозможности опустил голову. Минкё уже был не в силах смотреть на потерявшего все в один момент Чонсу. Он встал, прошел несколько шагов туда-обратно, взлохматил одной рукой себе волосы. Ничего не приносило сообразительности. Потом он рванулся к двери из кабинета, бормоча что-то себе под нос, из чего можно было только различить «Мне нужно придумать... Мне нужно...». Он вышел, оставив друга наедине со своим горем. Чонсу хотел снова все разрушить, снова бросить папку в стену, сломать стул, сжечь документы, разнести кабинет к чертям... Но на это уже не оставалось сил. Он так и продолжал сидеть на полу, а перед глазами было безжизненное

лицо Оливии.

Через три минуты вернулся Минкё. В его руке была наполовину пустая бутылка соджу. Уже не таким твердым шагом он снова подошел к Чонсу и присел на корточки.

– Хочешь? – как ни в чем не бывало предложил Минкё, немного приподняв бутылку.

Чонсу только безразлично посмотрел на предлагаемую бутылку и опять опустил голову.

– Зря, – заключил Минкё, отпив еще один глоток. – Помогает соображать. Я кое-что придумал...

С этих слов всегда начиналось увлекательное и довольно опасное приключение, в конце которого Чонсу был готов убить друга за глупую идею. Но в этот момент именно эти слова были самыми долгожданными. Чонсу вопросительно посмотрел на друга.

– Помню я одно произведение... – пространно начал Минкё.

– А ближе к делу? – поторопил Чонсу. Сейчас каждая секунда была дорога, и на пустые разговоры просто не было времени. Минкё принял чуть обиженный вид.

– Какой нетерпеливый... – Еще один глоток. – Ладно. Есть у меня одна знакомая. Она работает в полиции. Я думаю, за тобой сейчас следят? И ты можешь пойти в отделение полиции, только чтобы дать ложные показания? Так вот... – Минкё сделал многозначительную паузу. – Я могу встретиться со своей знакомой, но только чтобы она была в штатском. И она

сможет помочь нам, сделать так, чтобы выслали наряд полиции. Как тебе?

Несколько секунд Чонсу смотрел на друга, как на придурка. Произошло то, чего он и боялся – Минкё снова выдал свою глупую идею. Но не глупость ли должна им помочь в этой ситуации? Там, снаружи начали поблескивать окна соседних домов, светло и не очень, весело и грустно, но обладателям этих окон было невдомек о глобальных проблемах владельцев маленького ресторана.

– У нас очень мало времени, – тихо сказал Чонсу. – Успеешь?

Этих слов для Минкё было достаточно. Он достал телефон из кармана брюк и принялся искать номер «одной своей знакомой». Это заняло некоторое время, ведь таких знакомых была тысяча. Но вот, он уже приложил трубку к уху и слушает гудки. Чонсу безмолвно наблюдал все это. Она ответила. Разговор был недолог, заключался лишь в том, чтобы узнать как дела и какие планы на завтра. Да-да! Она свободна завтра, даже может встретиться утром! В глазах Чонсу начала загораться маленькая надежда.

– Ну все, – сказал Минкё, захлопывая крышку телефона и убирая обратно в карман. – Спасем мы тебя и твою Оливию. Но все равно придется сходить в полицию, чтобы отвлечь их внимание.

Надежда, начавшая светиться в глазах Чонсу, снова угасла. В положительный исход операции он не верил. Кто по-

слушает женщину-полицейского о том, что надо выслать наряд полиции? А если они убьют Оливию раньше, чем арестуют всех этих бесчестных людей? Голова кружилась от всех этих мыслей. Хотелось спать, но он не мог позволить себе такую роскошь. Сейчас он снова напоминал того худого парнишку, который убивался на трех работах в Америке и совсем не видел выхода из этого замкнутого круга. Глаза закрывались сами собой, жуткие короткие кошмары заставляли биться сердце чаще в тысячу раз. Наконец, он просто не оказался способен бороться со сном. Голова упала на грудь, рука бессильно повисла вдоль тела.

– Опять быстро заснул... – пробормотал Минкё.

Он еще некоторое время с сожалением смотрел на друга, рассуждая о том, что все невзгоды выпадают именно на его бестолковую голову. Потом он подошел к шкафу, достал из нижнего ящика одеяло, которое было приготовлено на случай ночевки в кабинете, и укрыл, насколько это было возможно, своего друга. Тот только хмурил брови и наверняка боролся с плохими снами. Сам Минкё, бормоча что-то насчет того, что перед завтрашним днем надо хорошо выспаться, устроился на своем излюбленном диване, предварительно заведя будильник на своем телефоне.

Настала ночь и в этом маленьком кабинете. Окутала тишина, прокралась темнота... «Тишина перед бурей», – было последней мыслью Минкё.

Звонок будильника оказался раздражающим и совершенно надоедливым, хотя это была любимая песня Минкё. Остатки сна быстро улетучивались, как он не хотел остаться в их власти. Покряхтывая, он попытался встать. Получилось только со второго раза. Мысль о том, что через час ему предстоит встреча с офицером полиции, с которой у него когда-то намечался роман, в секунду придала ему бодрости. Первое, что бросилось Минкё в глаза – лежащий на полу Чонсу. Он подложил руку под голову и все так же спал, хмуря брови. Наверное, до этого он совсем не спал, если не услышал даже звон будильника. Минкё подошел к другу и немного потряс его плечо. Чонсу сразу же открыл глаза, но хмуриться не перестал. Медленно он поднялся с пола, даже не спросив, как он там оказался. Слова были ни к чему. У них был один шанс из ста на успех, оба это понимали. Но они постараются во что бы то ни стало ради спасения одной маленькой, но такой драгоценной жизни.

Небо хмурилось с самого раннего утра. Минкё даже пожалел, что не взял зонтик, но скоро забыл о нем, потому что перед ним стояла важная задача. Он не исключал, что за ним следят тоже, ведь было общеизвестно, что два владельца маленькой сети ресторанов – лучшие друзья. Поэтому нужно было действовать незаметно.

Выйдя на станции метро Каннам-гу, он направился по улице Апгучжон к ближайшему к шестьдесят второму участ-

ку городской полиции кафе. Там он должен был встретиться с Ли Хе Сок, красавицей-офицером полиции. На секунду воспоминания о встречах с ней вытеснили истинную цель сегодняшней встречи, но Минкё быстро забыл обо всем лишнем, помотав головой, отчего челка спала на глаза. Неосмотрительное решение, ведь над прической он колдовал целых пять минут.

Вот и кафе «Проустар». Минкё зашел туда с радостным видом и дежурной улыбкой. Хе Сок уже сидела за одним из столиков, мелкими глотками отпивая кофе. Она всегда приходила вовремя. Еще бы, как-никак офицер столичного участка полиции. Как и просил Минкё, она была в обычной одежде, хотя только час назад закончилось ее дежурство. Она была прекрасна. Крашенные рыжеватые волосы спадали с плеч, тоненькая талия была перехвачена красным поясом, так удачно контрастировавшим с желтым коротким платьем.

– Хе Сок, дорогая! – воскликнул Минкё при виде молодой женщины. – Приношу тысячу извинений за опоздание!

Офицер полиции только строго посмотрела на Минкё. В этом взгляде выразилось все разочарование в молодом человеке, опоздание которого могла искупить лишь приятная внешность и тысяча комплиментов, сыпавшихся из его уст. Через несколько секунд вслед за Минкё зашел человек в черной потрепанной куртке и уселся за барную стойку.

– Как поживаешь? – произнес стандартный вопрос Минкё, внутренне моля о том, чтобы она ничего не сказала о ра-

боте.

Хе Сок не зря считалась ценным кадром. Сопоставив факты из вчерашней речи Минкё, она понимала, что нельзя подавать виду о том, что она служит в полиции. Поэтому она решила играть роль влюбленной дурочки. Она надула губки и сказала:

– Ну почему ты мне не звонил так долго? Я ждала целых три дня! Оппа*, ты жестокий!

Минкё усмехнулся при таком обращении. Благо, Хе Сок сделала яркий макияж и могла показаться младше, чем он сам.

– Прости, милая... – сказал Минкё, взяв руку Хе Сок в свои и немного поглаживая. – Я был занят и вырвался только сейчас... Кстати, я тебе привез кое-что из Пусана.

Человек за барной стойкой изредка кидал косые взгляды в их сторону.

– Вот, знаменитые пусанские лепешки! – торжественно сказал Минкё, доставая коробку, которую взял утром в их ресторане. Отдавал он ее дольше, чем нужно было бы. Глупый знак, но больше он ничего не мог придумать. Но Хе Сок поняла и это. Она взяла коробку, незаметно открыв ее и достав маленькую бумажку. Быстрым движением положив бумажку в карман, Хе Сок произнесла игриво:

– Оппа, подожди меня немного, я сейчас.

С этими словами она ушла в сторону уборной. Минкё остался за столиком один. Как он надеялся, что Хе Сок по-

может им, что все правильно поймет! На его лице оставалась беспечная улыбка, а внутри все дрожало от ожидания. Ожидание это растянулось на целую вечность, каждая секунда была равна столетию... Но вот и она! Вернулась, улыбается... Еще несколько бессмысленных фраз, тонна комплиментов, десяток случайных прикосновений... Хе Сок играла свою роль великолепно.

– Прости, оппа, мне нужно идти, – через двадцать минут сказала она. – Нужно выполнить домашнее задание.

Минкё понял, что она собирается в участок, чтобы просить выслать наряд полиции по указанному адресу. Хотя те бандиты и старались сделать так, чтобы Чонсу не увидел никаких опознавательных знаков местности, ему удалось заметить объявление о местных городских выборах, на котором был написан прилегающий участок. Описание дома, все, что успел разглядеть Чонсу, прилагалось.

– Очень жаль, – вместо своих размышлений сказал Минкё, вставая вслед за Хе Сок. – Но мы же встретимся еще в ближайшее время?

– Обязательно, – с легкой улыбкой ответила она.

Потом быстрым шагом Хе Сок вышла из кафе, и через полминуты затерялась в толпе, уже наводнившей улицы Сеула. Минкё выдохнул с облегчением. Первая часть плана была выполнена. Остальное уже было за офицером шестьдесят второго участка полиции. Он старался отогнать от себя плохие мысли о плохом исходе плана. Главная сложность заклю-

чалась в Оливии. Но и о ней было написано в записке.

В записке было все точно указано. Ее они писали вдвоем. Но у Чонсу колени подкашивались при одной мысли об исходе операции. Ведь сейчас ему предстоит отправиться из ресторана прямо в ближайшее отделение полиции, чтобы дать ложные показания. То есть сделать вид, что он собирается это сделать. Но это нисколько не облегчало его участи.

Итак, он вышел через главный вход в их ресторан. Каждый шаг давался с большим трудом. Но мысли об Оливии были еще тяжелей. Как бы он хотел заснуть и проснуться уже тогда, когда все закончится! Но нет, нужно было идти дальше. Ханган сочувственно поблескивал, отражая городские огни.

От него сейчас зависела только малая толика всего глобального дела.

В Сихын, пригороде Инчхона, уже начал накрапывать дождь. Асфальт, люди на улицах, крыши домов... Всё оказалось мокрым за полминуты. Тишина... Дождь тихо проливался редкими, но настойчивыми каплями на землю. Так же тихо не вызывающий никаких подозрений человек подошел к обветшалому дому. Этот человек был совершенно незаметен. Ничего не привлекало внимания. Но вот что странно. Ему удалось перемахнуть через забор всего в несколько движений. И вот, он уже непосредственно у двери на заднем дворе. Не было собак, не было охранника... Может, он ошибся?

В заброшенном доме человека ждала лишь тишина и полумрак. Он прошел к двери. Открыв, увидел другого человека, сидевшего у постели, на которой покоилась девушка. Он сидел и играл в какую-то видеоигру. Поэтому-то он и не услышал приближение вторгнувшегося. А услышав, уже не смог ничего сделать – тот оглушил его так, что он просто свалился на пол всей своей бесформенной тушей. А человек тем временем, переступив через потерявшего сознание, подошел к девушке. Светловолосая европейка... Невольно он засмотрелся ею. Спокойствие, которое было у нее на лице, передавалось и ему. Но отвлекся человек лишь совсем ненадолго. Он достал ватный тампон, пролил на него жидкость из бутылочки с надписью «дезинфицирующий спирт» и закрыл им небольшую ранку на руке девушки, образовавшуюся после того, как вытащил иглу. Она проснется. А теперь ему нужно помочь своим напарникам.

Наряд, высланный в Сихын, был небольшим, но профессионализм участников не давал повода сомневаться в его эффективности. Трех человек, находящихся в гостиной, заключили в наручники так быстро, что они даже не успели взяться за оружие. Главарь еще сопротивлялся, он оказался в другой комнате и решил стрелять из-за угла. Но это оказалось бесполезным. Другой полицейский зашел сзади и тоже оглушил его.

Операция была выполнена без лишнего шума и драк. Один из участников вышел во двор к ожидающей женщине,

державшей наготове пистолет.

– Офицер Ли, операция завершена успешно. Жертв нет, – отчитался полицейский.

Только после этой фразы Ли Хе Сок опустила пистолет и засунула за пояс. После она достала телефон и сказала, что все прошло хорошо. Потом она еще долго держала трубку у уха – из телефона доносились бесконечные слова благодарности.

Солнечные лучи, начавшие пробиваться сквозь облака, скользили по стенам, столу, ненужной капельничной системе, нежной коже девушки, которая спокойно лежала на постели с закрытыми глазами. Рядом с ней сидел молодой человек, осторожно гладивший ее по руке. В его глазах была тревога, но он ничего не мог сделать. Она не просыпалась.

Но вот, ее веки задрожали, она глубоко вздохнула! Он не сразу заметил это. Но она уже открыла глаза, свои светлые и добрые глаза. Непонимающе она посмотрела на него.

– Чонсу? – сказала она. – Как ты... как ты здесь оказался?

Чонсу так обрадовался, что Оливия очнулась, что даже не сразу понял, о чем она говорит. У него уже давно не было языковой практики, и что-то уже успело забыться.

– Я долго спала, да? – продолжала Оливия. – Что случилось?

– Как ты себя чувствуешь? – вместо ответа спросил Чонсу.

– Голова немного болит... Так что произошло?

– С тобой все хорошо, а это самое главное, – улыбаясь, сказал Чонсу, неощутимо глядя ее по щеке. – Остальное не важно.

Она приподнялась, накрыла его руку своей, посмотрела в глаза... Под ними залегли тени.

– Где я? – спросила она.

– Мы скоро уйдем отсюда, – вместо ответа сказал Чонсу.

Этого Оливии было достаточно. Она немного развернулась, поставила свои ноги на пол, попыталась встать и... упала бы, если Чонсу не подхватил ее на руки. Она была слишком слаба.

– Сначала нужно в больницу, – не терпящим возражений тоном сказал Чонсу.

Оливия не стала возражать, полностью подчинившись его воле. Было так уютно на руках того, кто так недавно был еще за тысячи километров от нее. От удовольствия она прикрыла глаза. А Чонсу вынес ее из этой проклятой комнаты, переступая разбросанные вещи.

– Что, нашел свою драгоценность?

Откуда ни возьмись возник Минкё. Чисто автоматически при виде американки он переключился на английский. Иногда Чонсу это раздражало.

– Да, нашел, – тихо ответил Чонсу, но в тишине его голоса так и звенели нотки радости.

– Минкё, и ты здесь! – подняла голову Оливия, но спускаться с рук совсем не хотела.

За радостной встречей и вовсе забылись все невзгоды и обиды. Будто и не было этого недоразумения. О нем напоминала только полицейская машина, куда поместили всех подозреваемых в похищении иностранной гражданки. Будто вернулись те старые добрые времена, которые все трое пережили в Америке.

Из центральной больницы Сеула Оливию выписали уже на третий день. Она быстро шла на поправку. Все это время Чонсу провел с ней. Дела ресторана он передал целиком Минкё. А тому эта ответственность была совсем непривычна. Пришлось отложить вылет на неделю. На это он пошел без особых раздумий. Здесь он был нужнее. Да и потом, на третий день его сольного управления пришла новая кандидатура в официантки. Минкё пришлось встретиться с ней, чтобы решить, годна ли. Увидев ее, он совершенно растерялся. Но профессиональный вид сохранил.

– Итак, госпожа Хан Су Ён, вы хотите работать у нас? – спросил Минкё стоящую в кабинете перед ним девушку. Для виду он перелистывал ее резюме, совершенно не вчитываясь в слова.

– Да, господин, – тихо ответила Су Ён.

– Вы знаете, что здесь придется выкладываться втрое больше, чем на прежнем месте вашей работы? – все тем же будничным тоном спрашивал Минкё.

– Да, господин, – повторила девушка.

– Вы знаете, что за малейшую провинность можете быть уволены?

– Да, господин, – снова еле слышно ответила Су Ён.

– А вы знаете, что вы должны были приехать раньше, потому что я по вам скучал?

Этот вопрос удивил Су Ён. Она даже не нашлась, что ответить. Так и осталась стоять с приоткрытым ртом. А Минкё встал из кресла, где обычно сидел его друг, обошел вокруг девушки, будто изучал каждую складку ее свободной кофточки, а потом взял за плечи и рывком развернул к себе. Несколько секунд смотрел в ее глаза, расширенные от удивления и какого-то страха, а потом впился в эти сладкие приоткрытые губы. Вдруг ему стало спокойно, будто он долго плыл в поисках пристани и, наконец, нашел ее. Вдруг он понял, что больше ему никто и не нужен. А она стояла даже не в силах двинуться, но может, потом эта уверенность передалась и ей. Она обняла Минкё за шею своими тонкими руками. Так и продолжалось около двух минут, пока владелец ресторана не оторвался от губ девушки и не прошептал:

– Вы приняты.

И снова робкие прикосновения, громкий стук сердец, сплетенье пальцев рук...

Теперь в квартире Чонсу стало в два раза шумней и в три раза веселей. Оливия стала жить там. И это всего лишь потому, что Чонсу сказал «Со мной ты будешь в безопасности».

Да и она сама не хотела уезжать обратно, хотя должна была вернуться в колледж. В конце концов, всеми правдами и неправдами ей удалось перевестись в англоязычный филиал одного из сеульских университетов. Это позволяло ей оставаться в Корее на полных правах, а о праве жить в квартире Чонсу не было и речи. Они просто жили вместе, не задумываясь ни о чем и каждую секунду испытывая счастье.

Откуда-то нашлась дополнительная выручка, и уже в следующем квартале владельцам ресторана светила надежда на строительство нового ресторана в Инчхоне.

Минкё не оставлял Су Ён больше чем на полчаса, оказывая ей различные знаки внимания. Знаки эти были настолько интенсивными, что один из работников ресторана уже хотел написать заявление в полицию о поводе откровенных приставаний хозяйина к официантке, но передумал, увидев их целующимися за углом. А когда настало время уезжать, Минкё, не спрашивая, собрал вещи Су Ён тоже, и они вдвоем уехали в Штаты. Они уехали, но обещали обязательно вернуться.

И в этот раз уже навсегда.